

Валери Жискар д'Эстен

Победа Великой армии

Р
Х
О
Ш
Е

Валери Жискар
д'Эстен

Победа Великой армии

Valéry Giscard
d'Estaing

La victoire
de la Grande
Armée

Paris
Plon
2010

Валери Жискар
д'Эстен

Победа Великой армии

**ЕЛЬЦИН
ЦЕНТР**

УДК 94(100)''654''
ББК 63.3(0)52
Ж66

Издано при финансовой поддержке
Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

Жискар д'Эстен В.

Победа Великой армии / Валери Жискар д'Эстен ; [пер. Ж66 с франц. А. Ю. Петрова, П. С. Бавина, О. Р. Щелоковой]. – М. : Политическая энциклопедия ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2015. – 223 с. – (Эпоха 1812 года).

ISBN 978-5-8243-1951-4

34 дня, проведенные Наполеоном в Москве осенью 1812 года, предопределили судьбу Великой армии, а потом и всей Наполеоновской Империи. Картины печального отступления французских войск в условиях суровой русской зимы стали ярким эпизодом исторической памяти французов на протяжении многих поколений. Бывший президент Франции, член Французской Академии, Валери Жискар д'Эстен попытался представить, как разворачивались бы события, если бы Наполеон принял решение об отступлении из Москвы месяцем ранее. Ведь реальную историю от воображаемой, а поражение от победы отделили, по мнению автора, всего «несколько десятков минут размышления блестящего ума».

Взяв за художественный образец «Войну и мир», а в качестве исторического источника мемуары адъютанта маршала Даву и Императорский альманах за 1812 год, Жискар д'Эстен представляет масштабное полотно событий, хорошо известных российскому читателю, под необычным углом зрения.

УДК 94(100)''654''
ББК 63.3(0)52

ISBN 978-5-8243-1951-4

© PLON, 2010
© Петров А. Ю., Бавин П. С., Щелокова О. Р.,
перевод на русский язык, 2015
© Политическая энциклопедия, 2015

Я писал эту повесть в зимние дни для собственного развлечения,
но буду очень рад, если она доставит удовольствие и вам.

Валери Жискар д'Эстен

ПРЕДИСЛОВИЕ

В памяти большинства из нас запечатлелись определенные образы, связанные с русской кампанией Наполеона 1812 года, и в частности картины катастрофического отступления Великой армии, утопающей по колено в снегу и преследуемой казаками.

Эти образы навеяны научно-историческими книгами, которые нередко иллюстрируются внушающими ужас репродукциями картин А. Ж. Гро и Ж.-Л. Э. Месонье, а также, у многих из нас, чтением знаменитого романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Несмотря на наличие указанных источников, мы имеем смутное представление о тех событиях. Одного из ведущих представителей средств массовой информации я в ходе разговора о возможности постановки фильма на данную тему спросил, известно ли ему, когда именно Наполеон вошел в Москву. Тот, потратив изрядное время на почесывание в затылке и перебирание в голове всевозможных вариантов, ответил, что в мае.

Увы, нет! Гораздо позже! Наполеон вошел в Москву 14 сентября, то есть в начале осени и незадолго до того, как на необъятных просторах России выпал первый снег. Мне самому довелось испытать нечто подобное по пути на рабочую встречу с руководством Польши, которая проходила на юго-востоке страны, в непосредственной близости от границы с СССР. Мы вылетели из варшавского аэропорта, где приземлился военный самолет, доставивший меня из Парижа, в южном направлении, намереваясь добраться до Жешува, расположенного у подножья Карпатских гор. Деревья за городом стояли в зеленой листве, на небе – ни облачка. Когда мы поднялись на борт вертолета, который должен был доставить нас в конечную точку маршрута – имение, где по обыкновению собирались польские руководители, – пилот предупредил меня:

– Погода меняется, скоро пойдет снег, и мы рискуем попасть в тряску.

К несчастью, его прогноз оправдался. Через полчаса полета небо почернело, и наше воздушное судно стало потряхивать. Через каких-то четверть часа погода переменялась окончательно. Вертолет под порывами ветра стал совершать резкие скачки, словно кто-то наносил сильные удары по кабине. Переводчик с польской стороны, которого руководство включило в состав нашей делегации, сидел мертвенно-бледный от страха. Потом он вытянулся на полу, испуская стоны. От испуга у него случился сердечный приступ. По прибытии его пришлось выносить на носилках.

Из иллюминатора я силился разглядеть небо. Но взгляд мой натыкался лишь на снежную бурю, переливавшуюся всеми оттенками серого. Я был зачарован этим ураганом, набегавшими друг на друга волнами густых облаков, гряды которых мы пересекали. Именно тогда, подобно Виктору Гюго, разглядевшему рисунки в чернильных пятнах, я стал видеть смутные тени, силуэты людей в медвежьих шапках, с мешками за спиной и в белых гетрах, которые боролись с ветром, сясь идти вперед. Моему взору открылось ужасное зрелище движения навстречу смерти, начавшегося с приходом зимы.

Наполеон вошел в Москву 14 сентября 1812 года, оставил город только 19 октября, спустя больше месяца, и прибыл на обратном пути в Смоленск 9 ноября. И лишь 23 октября маршал Мортье приступил к полномасштабному выводу войск из Москвы. Уже тогда их дорогу стали усеивать трупы лошадей – первые из числа тех 30 тысяч животных, которым суждено было погибнуть от холода.

Чего ждал Наполеон? В чем смысл этой тридцатичетырехдневной задержки? Какие планы и проекты вынашивал он в своей гениальной голове? И как мог не чувствовать смертоносного приближения зимы, которая готовилась нанести удар?

* * *

Кампания началась под фанфары. Министр военной администрации Лакюзэ де Сессак великолепно организовал переброску к русской границе многочисленных воинских формирований, входивших в состав Великой армии, – французских, вюртембергских, прусских, польских, итальянских, неаполитанских, австрийских, богемских и даже, как ни странно, испанских и португальских полков. На протяжении всего пути следования войск тыловые службы оборудовали места для привалов, где можно было расположиться на отдых, пополнить запасы продовольствия и фуража. Несмотря на предпринятые усилия, а также деятельность поставщиков вооружения и спекулянтов, произошла задержка, и на левом берегу р. Неман, проходившей по границе Российской империи, наполеоновская армия оказалась только в начале июня 1812 года – в разгар военного сезона.

Война не была объявлена, и последовали странные переговоры между двумя бывшими союзниками по Тильзитскому мирному договору – императором Наполеоном, расположившимся на территории Варшавского герцогства, и императором Александром, остановившимся в городе Вильно (Лифляндская губерния), который французы Великой армии окрестили Вильной. Прежде чем неприятель переправился через Неман, являвшийся границей Российской империи, Александр отправил к Наполеону посланника с последним предложением провести переговоры.

Это был генерал и министр полиции Балашов в сопровождении своего адъютанта. В лифляндской деревушке они присоединились к Мю-

рату, шедшему им навстречу и одетому, по своему обыкновению, в ярко-красный мундир, вызывавший у русских усмешку. Император отказался принять посланника Александра и оставил его под присмотром маршала Даву. Лишь через два-три дня после прибытия Балашова Наполеон согласился дать ему краткую аудиенцию.

Каждый из них сознавал, что в голове Наполеона война была делом решенным. Он не стал бы приводить в действие столь колоссальную военную машину, если бы не намеревался воспользоваться ею, чтобы сокрушить русскую армию и дойти до Москвы. Военные всех званий с воодушевлением ждали приказа о переправе через реку.

Не было точно известно, где находится русская армия, собранная Александром для защиты страны: стоит ли в нескольких километрах от Немана или ждет нападения дальше? Военачальники Великой армии, в том числе самые блестящие маршалы империи – маршал Бертье, которого называли князем Невшательским, Мюрат, Ней, Даву, Удино, Понятовский и вице-король Италии Евгений Богарне, командовавший итальянским пехотным корпусом, – ждали скорого столкновения с русской армией и громкой победы над ней, открывавшей путь на Москву.

* * *

Наполеон был убежден, что русская армия готовится дать сражение сразу на противоположном берегу реки, где он рассчитывал ее уничтожить. Он не рассматривал возможность затяжного марша, который ослабил бы его армию и лишил бы его плодов победы. Он искал возможность скрытно перейти Неман, обманув противника, сопротивление которого предвидел.

По армии пробежал слух, что император явится ночью, чтобы наметить вероятные места для переправы. Дабы его не узнали, он сменил свой мундир гвардейского егеря на форму польского легкого кавалериста. Изумленное население окрестностей Ковно помогло императору в его затее с переодеванием. В полночь 23 июня Наполеон побывал на берегу реки. Утром 24 июня огромная масса солдат переправилась через Неман по трем мостам, наведенным понтонерами.

Поскольку западный берег реки образует крутой откос, пехотинцы вместе со всем снаряжением и ружьями съезжали по нему на спинах, прицепив для лучшего скольжения связки пшеничной соломы, так как урожай тогда еще не был собран. Можно представить себе этот каскад из живых людей.

Предполагалось, что армии предстоит пройти по территории, на которой после отступления русских не останется продовольствия, поэтому каждому бойцу велели взять с собой съестных припасов на несколько переходов. После такого объявления появилось невероятное количество всевозможных повозок, затруднявших движение армии.

Армия произвела перегруппировку на противоположном берегу Немана и после сильной грозы, налетевшей, словно злое предзнаме-

нование, двинулась вперед по русским равнинам. Волна воодушевления несла солдат, впервые ступивших на землю, которую шли покорять.

Однако приходилось признать очевидное: местность была разорена, население бежало, а русская армия отступала без боя, вызывая у Наполеона чувство разочарования от невозможности одержать быструю победу, на которую он надеялся.

Это было стратегическим решением. Два русских генерала, Барклай-де-Толли и Багратион, сделали выбор в пользу арьергардных боев, заманивая Наполеона вглубь страны и ослабляя его армию. На пути Великой армии уничтожалось все, включая жилища и урожай. Все, кто мог бежать, крестьяне и скот, покидали родные места. Французов надлежало выбить из колеи поисками невидимого и неуловимого врага, замедлить их наступление, лишив их крова и возможности пополнить запасы провизии за счет местных ресурсов. Великую армию вынудили наступать форсированным маршем, преодолевая широкие полосы покинутых и опустошенных земель и одновременно поддерживая боеспособность своих частей, чтобы быть в состоянии отразить неожиданное контрнаступление русских.

После долгого отступления армия генерала Барклая-де-Толли вблизи Смоленска предприняла первую попытку отрезать Великой армии путь на Москву. Разыгралось ожесточенное и кровопролитное сражение, в котором русские понесли втрое больше потерь, чем у французов и их союзников, затем русская армия возобновила движение вспять, чтобы Наполеон, пребывавший в очевидной нерешительности, не смог воспользоваться успехом и разгромить неприятеля.

Где-то на расстоянии 150 километров от Москвы русское командование, во главе которого незадолго до этого был поставлен генерал Кутузов, решило дать крупное сражение с целью перекрыть Великой армии подступы к древней столице России. Кутузов выбрал место для позиции близ реки Москвы, которая течет в направлении Москвы, и деревни Бородино*.

Сражение, великолепно описанное Л. Н. Толстым в романе «Война и мир», было неслыханно жестоким. По некоторым оценкам, число убитых в этот день – самое большое за всю военную историю до битвы на Сомме в Первую мировую войну**.

В целом победа осталась за Великой армией, и она могла идти в наступление на Москву, однако русские солдаты оказали столь героиче-

* Это поле битвы сохранилось, его можно посетить. Вид его производит сильное впечатление.

** По самым последним подсчетам, произведенным историком Адамом Замойским, – 73 тыс. убитых и раненых, из них 45 тыс. русских и 28 тыс. – солдат Великой армии, в том числе 29 русских генералов, включая Багратиона и Тучкова, и 48 генералов Великой армии (11, в том числе брат Коленкура, погибли).

ское сопротивление, что Кутузов позволил себе отправить в Санкт-Петербург ложный рапорт об одержанной победе.

В течение следующей недели в среде русского командования велись ожесточенные споры о том, следует ли армии дать последнее сражение у ворот Москвы, в котором она с большой вероятностью могла быть повержена. В конечном счете Кутузов решил оставить Москву, дабы спасти остатки собственных войск, после чего установилось своеобразное перемирие: авангард Великой армии во главе с Мюратом шел по пятам отступавшей русской армии, не атакуя ее. Имели место даже сцены братания прикрывавших отступление казаков и шедших в авангарде французских гусар.

Вот при каких обстоятельствах Наполеон вступил в Москву, оставленную русской армией и, что самое главное, горожанами. Почти тотчас же, 14 сентября, организованные шайки подожгли город по приказу генерал-губернатора Ростопчина. Некоторые части Великой армии, не принимавшие участия в Московской битве*, входили в город стройным порядком, вслед за собственным военным оркестром. Первыми там оказались польские гусары, вслед за ними вошли эскадроны 2-го французского кавалерийского корпуса.

С этого дня история реальная и история воображаемая, являющаяся предметом настоящего сочинения, расходятся в описании событий.

История реальная повествует о длительном пребывании Наполеона в Москве. Мало с кем общавшийся, терзаемый внутренними противоречиями, изучавший различные предложения, представляемые на его рассмотрение, и не делавший по ним определенных выводов, он покинул Москву 19 октября. В тот момент, когда он решил уйти, погода начала меняться. Лишь 9 ноября он добрался до Смоленска, занесенного снегом, который шел в течение трех дней. Температура воздуха опустилась до пятнадцати градусов мороза, задул северный ледяной ветер. А Великая армия прошла только половину своего обратного пути по территории России. Второй половине суждено было завершиться муками и агонией, при мысли о которых по сей день сжимается сердце.

История воображаемая исходит из предположения, что Наполеон довольно рано, в частности под давлением своего министра иностранных дел Коленкура, стал сознавать, какими опасностями чреват его неблагоразумный поход в Россию. Он колебался и подумывал о том, чтобы повернуть обратно на полпути, даже не беря Москву, но стояло еще лето, а он находился всего в нескольких сотнях километров от Москвы, то есть ближе, чем Париж от Страсбурга. Был соблазн завершить кампанию победой, которая прогремит на всю Европу, и как можно скорее вернуться назад, воспользовавшись плодами этой победы и одновре-

* Так современники-французы называли Бородинское сражение. – *Примеч. пер.*

менно сохранив армию. Тогда он вернулся бы с триумфом, искоренил крамолу, покончил с плетущимися втайне заговорами против него и взялся за дела, которые стали бы венцом его правления.

Вот какой сюжет предлагает нашему вниманию история воображаемая. Она оторвана от реальности всего на несколько десятков минут, которые должны быть в распоряжении у столь блистательного и расчетливого ума, каким обладал Наполеон Бонапарт, для принятия решения. Я не собираюсь, по крайней мере на страницах этой книги, участвовать в увлекательной дискуссии, сравнивая воздействие решений, принимаемых носителями власти, с влиянием культурных и социальных сил, формирующих наше общество. Это попытался сделать Л. Н. Толстой, однако 122 страницы*, которые он посвятил данной теме в эпилоге к «Войне и миру», привлекают гораздо меньше внимания читателя (если к тому моменту он вообще не решает закрыть книгу), чем любовная линия Наташи Ростовой и князя Андрея Болконского.

* * *

История воображаемая, отделенная от истории реальной преградой толщиной в один бумажный лист, запечатлевает на последнем все реальные факты, какими располагает, если претендует на правдоподобность. Вот почему я бесконечно обязан трудам тех, кто обогатил меня знаниями и просветил относительно той эпохи. Я выражаю им безграничную признательность.

Прежде всего я имею в виду такого исполина, как Л. Н. Толстой, сбравшего в своем небольшом кабинете в Ясной Поляне, где я бывал дважды, невероятное количество архивных материалов и статей, посвященных ходу военных операций. Его взгляд отличается очевидной предвзятостью, обусловленной ненавистью к императору Наполеону и презрительным отношением к его маршалам, особенно к неаполитанскому королю Мюрату. Я был вынужден некоторым образом исправить этот дисбаланс.

Еще один автор, от которого я почерпнул много ценных сведений, – польско-британский историк Адам Замойский. Его заслуживающий внимания труд под названием «1812. Фатальный марш на Москву», опубликованный в 2004 году**, представляет собой наиболее полное и детальное исследование этой трагической авантюры.

Я бы добавил к вышеперечисленным еще три источника.

Прежде всего, это дневник Анатоля де Монтестью-Фезенсака***. Его автор, сначала бывший адъютантом маршала Даву, затем служивший

* В переводе на французский язык.

** Русский перевод книги см.: Замойский А. 1812. Фатальный марш на Москву. М.: Эксмо, 2013.

*** Издан французским издательством «Плон».

при главном штабе императора, являлся непосредственным участником описываемых событий. Получив от Наполеона задание отправиться к германским князьям и развеять их опасения относительно будущности Великой армии, он проделал половину обратного пути из Москвы в Париж верхом и половину – пешком. Второй сын графа де Монтеस्कью, председателя Национального собрания, и его супруги, гувернантки малолетнего сына Наполеона, маленького римского короля, который называл ее «Маман Кью», – Анатоль де Монтеस्कью-Фезенсак поддерживал отношения со многими людьми, что способствовало расширению его кругозора. Его дневник изобилует различными сведениями и подробностями, и именно его плечо Наполеон использовал в качестве упора для своей подозрительной трубы, впервые осматривая с холма золоченые купола Москвы 14 сентября 1812 года.

Второй документ я раздобыл, работая в превосходной исторической библиотеке на улице Сент-Андре-дез-Ар. Речь идет об императорском альманахе за 1812 год. В нем я обнаружил все интересовавшие меня сведения об устройстве императорского «дома» и структуре императорской гвардии, включая данные о каждом батальоне и эскадроне и каждом офицере, вплоть до капитанов и лейтенантов. Просматривая 976 страниц альманаха, я был поражен организованностью и эффективностью французского общества спустя двадцать три года после революции. Все нашло отражение в этом издании: префекторальное управление, судебная система с полным списком судов и судей, университетская жизнь, дипломатия. И рядом – сведения о правящих домах Европы (несомненно, в подражание тюрингскому Готскому альманаху), список почтовых отделений и больниц на всей территории страны, а также информация об основании Музея естественной истории и «Комеди Франсэз». Короче говоря – устройство большой страны, хозяйки собственной судьбы.

Последний источник, найденный мною на аукционе, представляет собой помятый экземпляр «Журнала Великой армии», грубо отпечатанный в Смоленске. В нем с замечательной искренностью воспроизведены сообщения французской и русской сторон о ходе сражений. Вполне очевидно, что каждый заявлял во всеуслышание о собственной победе, однако больше всего трогают не эти триумфальные восклицания, а сами изорванные и пожелтевшие клочки бумаги, пересекшие огромные русские просторы в потертой и обледелой сумке и донесшие до нас весть о «победе Великой армии», над которой я нынче поднимаю занавес.

Валери Жискар д'Эстен

1812

Глава I

МОСКВА, ЧЕТВЕРГ, 17 СЕНТЯБРЯ

Все взгляды были прикованы к углу центральной площади Кремля перед Успенским собором, пестро убранном луковичными куполами. Из-за выступа стены Патриаршего дворца виднелась небольшая терраса, окруженная балюстрадой из черного кованого железа, от нее к площади вели три лестничных пролета. Там, за балюстрадой, прислонившись спиной к стене, на каменной скамье сидел император Наполеон в обычной черной шляпе, украшенной сбоку трехцветной кокардой, зеленой куртке и белых кюлотах гвардейских егерей. Он следил за толпой гуляющих безразличным взглядом, всем своим видом показывая, что мысли его заняты другим.

Толпа состояла сплошь из одних военных, больше офицеров, чем солдат. Они позволили себе роскошь прогуляться, пока выдалась краткая передышка, в залитый солнцем и отливающий синевой полдень, спустя три дня после того, как их авангард вошел в наконец-то покоренную Москву. В толпе не было видно ни одного человека в штатском, ни одного русского простолюдина в затянутой поясом рубахе. Зато здесь играли всевозможными оттенками мундиры Великой армии: от аспидно-синих артиллерийских до темно-синих – гвардейской пехоты. Кавалеристы сняли с себя металлические кирасы и облачились в жилеты ярко-красного цвета. На серых фетровых киверах итальянских вольтижеров красовались длинные перья.

Военные тотчас заметили присутствие императора, однако притворялись, будто не видят его, или же ограничивались тем, что украдкой поглядывали в его сторону, чтобы не нарушить его уединенные размышления.

Немного склонив голову к белому жилету, Наполеон время от времени вытягивал перед собой ноги, стиснутые высокими сапогами с наколенниками из черной кожи. Внезапно он вскинулся и окликнул проходившего мимо военного громким, слегка раздраженным голосом, в котором слышался отзвук подхваченного им в Москве насморка:

– Генерал Бейль, подойди! Мне нужно с тобой поговорить. Хочу сказать, почему я распорядился тебя разыскать.

Адъютант императора действительно маячил рядом с офицером, к которому он только что обратился.

– Подойди, подойди, – повторил император, нетерпеливым тоном, с заметным корсиканским акцентом.

Офицер неловкой походкой преодолел три лестничных пролета, которые вели к маленькой террасе. Это был человек высокого роста, худощавый, черные пряди волос выбивались из-под шапки, украшенной ниспадавшим набок помпоном. Он замер по стойке смирно и отрапортовал твердым приятным голосом:

– Полковник Бейль, сир, командир 2-го гвардейского конноегерского полка.

– Не полковник, – возразил император властно, однако приглушив голос, чтобы не услышали посторонние, – не полковник, а генерал! Тебе, вероятно, известно, что в моей власти назначать генералов! С этой минуты ты генерал Бейль. А может статься, пойдешь еще дальше...

Молодой офицер стоял не шелохнувшись с широко раскрытыми глазами. Не зная, как реагировать, он изобразил приветственный жест и поднес руку к шапке.

– Благодарю! Рад стараться, сир! – произнес он.

– Не благодари, – отрезал император. – Я скажу, почему назначил тебя и какое задание тебе предстоит выполнить.

* * *

– Прежде всего присядь. Напротив меня на карнизе есть место. Не люблю, когда приходится задирать голову к собеседнику! То, что я тебе скажу, совершенно секретно. Я знаю, что могу тебе довериться, однако это необычная тайна. Самое главное, не заводи об этом разговор со своим начальником, маршалом Даву. Я сам его извещу, когда придет время. Итак, я принял решение: через два дня Великая армия выступит из Москвы. В этом ужасном городе больше нечего делать!

Пока император говорил, несколько черных клубов дыма поднялись столбом в еще синее небо.

– Смотри! – продолжил Наполеон. – Это пожары, которые запали вышедшие из тюрем разбойники по приказу этой скотины Ростопчина! Но не они заставят нас уйти! Они предпочли бы караулить нас, придумывая, как бы нас ослабить, и выжидая момент, когда мы покинем этот проклятый город, чтобы уничтожить нас, как только выпадет первый снег. Вот почему я решил застать их врасплох, ускорив наш отход. Сегодня вечером я отдам приказ о проведении большого парада у стен Кремля завтра в полдень. Это послужит поводом для приведения войск в походный порядок, и первые полки тотчас отправятся в обратный путь. Я еще не решил, кто поведет авангард.

Выбираю между храбрецом Мюратом, мастером маневра Даву и, быть может, маршалом Неем. Необходимо соблюдать секретность, чтобы русские не успели устроить засаду. У пойманных шпионов, – ибо в этом городе не осталось больше никого, кроме поджигателей, проституток и шпионов, – мы вывели, прежде чем расстрелять их, что русское командование распорядилось о направлении к Москве Южной армии, находящейся в Молдавии, на границе с Турцией. В ее рядах много казачьих отрядов, у которых прекрасно получается преследовать наши войска.

Тон императора стал резче, черты лица заострились, как всегда в минуты напряженных раздумий. Время от времени он бросал взгляд на пеструю толпу военных, которые неспешно прогуливались по площади и, казалось, наслаждались выдавшимися спокойными минутами в этом величественном завоеванном городе, несмотря на клубы дыма, по-прежнему заполнявшие небо.

– Прежде чем я скажу, чего жду от тебя, – продолжил император, – я расскажу тебе, как принял решение немедленно покинуть Москву. Несколько раз я приходил к мысли, что эта война – ошибка, подобная другим промахам, которые я, возможно, допустил, например в испанской войне. Истинное положение вещей стало открываться мне, когда я покинул Дрезден. В Дрездене я был императором Европы! На моей стороне стояли австрийский император, прусский король, итальянский вице-король и все германские владетельные князья. Они были у моих ног, вместе со своими супругами, слышишь, у моих ног! Я мог бы остаться там и укреплять союзные отношения, которые того требовали. Но я ощущал, как мною движет желание неодолимого господства. Я хотел покончить с угрозой, которую для Южной Европы представляли орды северных варваров. Я не причислял к этой угрозе Александра: мы с ним обо всем договорились в Тильзите. Тогда я еще был расположен вести переговоры и знал, что и он со своей стороны к этому готов. И в то же время оба мы чувствовали, что война неизбежна: для него по причине разочарования его народа, который не смирился с поражением и призывал к реваншу, а для меня потому, что я не для того пересек Европу с огромной армией в пятьсот тысяч человек, – самой большой армией, какую видывал свет, – чтобы она ловила рыбу в Немане! Война стала неизбежностью! Переpravляясь через Неман, я представлял, что совсем скоро встречу с армией Баркляя-де-Толли, разобью ее в одном или двух сражениях, и мне откроется дорога для быстрого марша на Москву. Этого не случилось. Русские решили отступить, стараясь замедлить наше продвижение. Хочу тебе кое в чем признаться. Когда мы прибыли в Витебск и я расположился во дворце дяди царя, князя Вюртембергского, у меня случился приступ малодушия. Нам никог-

да не догнать русскую армию, подумал я. Стояла страшная жара, и оставшийся отрезок пути казался мне чересчур длинным. Кавалерийский корпус, поставленный мною во главе армии, сильно страдал от нехватки фуража. Проезжая в своей коляске, я видел сотни лошадиных трупов по обе стороны дороги. Я сказал себе, что нужно остановиться, дать армии отдых, устроить польские дела и подготовиться к кампании, которую мы проведем в следующем, 1813 году. В течение двух недель, проведенных мною в Витебске, я чувствовал, что в моем окружении нарастают сомнения, и решил посоветоваться с генералами. Князь Невшательский, Дюрок и Коленкур полагали, что нам стоит остановиться. Но на дворе стоял июль. Не идти же нам на зимние квартиры! И ко мне вернулась решимость. Русская армия не могла без конца бежать перед лицом неприятеля. Она должна была предоставить нам случай сокрушить ее. Именно тогда я принял решение возобновить наше наступление. Дважды русские пытались нас остановить. В первый раз перед Смоленском. Это было глупо. Барклай-де-Толли плохо подготовился, и это стоило ему поста командующего. Мы их разбили благодаря превосходному маневру Даву. Ты принимал в нем участие, полагаю?

Император бросил вопросительный взгляд на молодого офицера, который ответил ему утвердительным кивком.

– Да, я был там, сир, вместе со своим полком. Мы шли по правому флангу.

– Скорее, неслись галопом, – подхватил Наполеон. – Именно тогда Даву отметил твою решимость и отвагу и сказал мне о тебе. Вторую попытку остановить нас русские сделали на Москве-реке. Они хорошо выбрали позицию, сосредоточив свою артиллерию, лучшую в мире, на редуте, расположенном в центре поля боя. Битва была страшной. Мы взяли верх во второй половине дня благодаря героизму наших солдат, которые предприняли штурм редута под огнем пушек. Мы понесли слишком большие потери, но русские потеряли убитыми и ранеными гораздо больше нас! Оппозиционные газеты называли меня мясником! Это неправда. У меня тогда сжималось сердце, и это чувство не прошло до сих пор. Но мы победили, и остатки русской армии обратились в бегство!

Гром фанфар прервал речь императора. Толпа обернулась. Это король Мюрат устроил импровизированный парад со своей неаполитанской кавалерией. Зрители вскинули вверх руки, размахивая киверами и головными уборами с плюмажем. «Да здравствует Мюрат! Да здравствует император!» – кричали они. Генерал-щеголь пребывал в прекрасном расположении духа.

Император повернулся к генералу Бейлю и сказал:

– Они рады, потому что оказались в большом городе, а также, наверное, потому что живы.

Несколько минут Наполеон слушал приветственные возгласы толпы. Заметив, что Мюрат, одетый в пурпурный плащ, вышитый золотом, издаликает приветствует его широким жестом, он продолжил:

– Я внимательно изучил возможные варианты действий после получения Мюратом послания от главнокомандующего русской армии. Тебе известен текст этого послания?

– Нет, сир. Я слышал, как о нем говорили, но текста не читал.

– Чрезвычайно угодливое, почти раболепное письмо. После поражения главнокомандующий написал, что русская армия намерена отступить без боя в направлении Москвы, разрушения которой он хочет избежать, что будет невозможно в случае штурма или осады города. В этой связи он предложил Мюрату своего рода взаимное перемирие. Добравшись до города, русские пройдут через него и позволят Великой армии беспрепятственно вступить в город. Мюрат был в восторге от этого предложения, в котором он увидел рыцарственный жест, и умолял меня принять его. Я же не столь наивен, как он! Я тотчас заметил подвох. Кутузов знал, что его армия слишком измотана, чтобы дать новое сражение, и опасался, как бы мы не пошли вперед форсированным маршем вместе с нашей почти нетронутой польской кавалерией и не разбили остатки его войск. Вместо этого он предложил нам принять участие в забавной, единственной в истории процессии: побежденная армия дает дорогу армии-победительнице и приводит ее в свою столицу, где он надеялся нас запереть! Пока мы продолжали наступление на Москву, я прокручивал в уме возможные варианты действий, ничего не сообщая своим маршалам, поскольку решать предстояло мне, и только мне. Существовало несколько вариантов. Ни один из них не представлялся мне приемлемым. Я мог бы продолжить наступление на Петербург и заставить Александра подписать мир. Но для утомленных походом людей это был долгий путь – около восьмисот километров. И Александр никогда не согласился бы вести переговоры в собственной оккупированной столице. На какое-то время он бежал бы на восток необъятных русских просторов, где не могло быть и речи о том, чтобы его преследовать. Это мне ничего не дало бы. Еще одно возможное решение заключалось в том, чтобы продолжить уничтожение армии Кутузова. Для этого следовало разместиться в Москве и начать боевые действия в окрестностях города, в восточном и южном направлениях. Наступила бы зима. Снег лишил бы нас возможности передвигаться. Пришлось бы дожидаться весны, чтобы выступить снова. Мы потеряли бы почти всех наших лошадей из-за отсутствия фуража и должного ухода. За это время возникли бы проблемы в германских

землях, особенно в Пруссии, а возможно, и во Франции, где, как мне сообщали, действуют заговорщики, что вполне в духе парижских традиций. Такое решение тоже не годилось. Наконец, офицерство предавалось всяким фантазиям. Например, отправиться в Малороссию, где климат мягче, или заключить союз с русскими, чтобы вместе с Александром изгнать англичан из их богатых индийских владений. Пока мы наступали, я отбросил все мысли, за исключением одной-единственной: немедленно возвращаться! Я даже подумывал развернуться, не дойдя до Москвы! Но в этом не было бы никакого смысла. Мы стояли у ворот города. Меня охватило пьянящее чувство, когда я рассматривал в подзорную трубу, положенную на плечо адъютанта, городские башни и купола церквей, стоя на холме, откуда открывался вид на дальние окраины Москвы. К тому же солдаты были измотаны. Им требовались по меньшей мере два-три дня отдыха. Они испытывали сильное желание расслабиться после жестокой битвы.

– Впрочем, посмотри на них! – добавил Наполеон, взмахнув рукой в сторону прогуливавшихся военных, количество которых уменьшалось по мере того, как стало смеркаться.

– Сейчас. Нужно уходить сейчас! – повторил он. Император начал притопывать, постукивая черными сапогами по полу террасы. Генерал Бейль пересел, чтобы заслонить от Наполеона последних солдат, оставшихся на площади.

– Сейчас! – продолжил император более спокойным тоном. – Я, вероятно, потерял около пятой части войск в московской битве и еще одну седьмую – в долгих маршах, совершенных за время русской кампании: речь о дезертирах, больных, жертвах засад, устроенных казаками. Лошадей потеряно еще больше. Я хочу вернуться в Европу и во Францию вместе со своей армией! Это будет не разгром, а тщательно организованный военный маневр. Моя задача привести обратно две трети Великой армии, считая общее количество людей и артиллерийских орудий, входивших в ее состав в начале кампании, после того как я овладел столицей Российской империи и сделал так, чтобы русская армия в течение следующих пятидесяти лет не смогла вторгнуться в Европу! Вот что я собираюсь растолковать своим маршалам завтра утром. Великая армия отправится в обратный путь через два дня, передовые отряды выдвинутся 18 сентября. Потребуется по меньшей мере четыре дня, чтобы вывести всех остальных.

Сумерки, прекрасные сумерки позднего лета, словно легкий синий бархат, опустились в тот момент на площадь, оставив на поверхности купола церквей, которые заходящее солнце подсветило золотом.

– Не уходи, генерал Бейль. Я позволил себе слишком долгое отступление. А теперь я должен в точности изложить, какие именно приказание собираюсь тебе отдать.

* * *

– Как я только что тебе сказал, – голос Наполеона зазвучал властно, – я хочу, чтобы две трети Великой армии вернулись в Европу целыми и невредимыми, это касается и людей, и артиллерийских орудий. Армия выдвинется маршевым порядком под командованием князя Невшательского. Я буду находиться в середине колонны вместе со своей гвардией. На обратном пути наша задача будет состоять в том, чтобы уничтожить силы русских, которые в конечном итоге нас атакуют. Нужно истребить по крайней мере половину армии Кутузова, чтобы отбить у него желание вернуться в Европу! Я изменю порядок построения кавалерии, придав кавалерийские полки каждому армейскому корпусу, чтобы они могли защищаться от беспрестанных налетов казаков. Арьергард будет сформирован из кавалеристов Понятовского и пехотных дивизий северных итальянцев, которыми командует мой пасынок. Это превосходные солдаты!

Император отдышался и сдвинул назад шляпу, съехавшую ему на лоб.

– А теперь я скажу, что предстоит сделать тебе. За арьергардом будет следовать еще один арьергард, чтобы ввести в заблуждение русских. Нужно заставить русское командование поверить, что это последнее звено в цепи Великой армии, тогда как на самом деле мы уйдем вперед на сто пятьдесят или двести километров. Я хочу к 5 октября добраться до Смоленска, который мы минуем, не задерживаясь, а через Неман армия должна переправиться до конца месяца – до первых заморозков. Мы немного опередим русских, однако они будут перемещаться быстрее нас, наше движение будет замедлять присутствие московских французов, которые потребовали, чтобы мы их взяли с собой, ибо в противном случае их убьют местные жители, которые после визита в город царя Александра охвачены ненавистью ко всему французскому. Русские солдаты лучше знают местность, а их маленькие лошадки лучше приспособлены к местным условиям. Они постараются перехватить наш арьергард, и здесь наступит твоя очередь действовать: нужно будет ввести их в заблуждение насчет реального положения дел. Я поручу тебе командование небольшим мобильным отрядом. Ты останешься в тылу и должен будешь убедить неприятеля, что Великая армия идет непосредственно перед тобой, тогда как в действительности она будет в шести-семи днях пути. В частности, от тебя потребуются остаться в Смоленске на неделю после того, как мы оттуда уйдем. Когда мы минуем Витебск,

я отправлю к тебе гонца с сообщением, что твое задание выполнено и ты можешь идти на соединение с нами как можно быстрее.

Генерал Бейль устремил на императора сосредоточенный взгляд из-под лба, который прорезали параллельные морщины.

– Может статься, гонец не сумеет до меня добраться, – сказал он, – прилегающая местность будет кишеть казаками! Что мне делать тогда?

– Надеюсь, что он сможет до тебя доехать, – ответил император, – ему дадут сопровождение. Но если до 15 октября ты не получишь известий, можешь ускорить выступление.

– Могу я спросить, сир, наметили ли вы состав отряда, на который будет возложена задача задерживать противника?

– Разумеется, я об этом думал, – ответил Наполеон раздраженно, притопывая сапогами и стискивая трость с позолоченным набалдашником, которую он держал в правой руке, затянутой в белую перчатку. – Разумеется! Как и обо всем остальном, впрочем! Он будет состоять из двух батарей легкой артиллерии, которые предоставит Лористон, и трех пехотных батальонов, укомплектованных хорошими ходаками. Я подумываю о швейцарцах, баварцах и нашей альпийской армии. Кроме того, я намереваюсь в виде исключения дать тебе эскадрон польской легкой конницы, хотя он относится к моей гвардии. Это тебе подходит?

Генерал Бейль погрузился в размышления о ситуации, которую никогда и представить себе не мог, стараясь все предусмотреть. После долгой паузы он ответил:

– Мне кажется, сир, намеченный план можно дополнить по двум пунктам. Прежде всего, артиллерия. Чтобы ввести в заблуждение неприятеля, нам надо будет произвести много шума и рассредоточить огневые позиции. Еще одна дополнительная батарея представляется мне весьма желательной. Затем кавалерия. В пути нас, вероятно, атакуют с двух сторон. Одного эскадрона для защиты недостаточно. Потребуется еще один.

– Иными словами, ты просишь меня вверить тебе всю Великую армию! – возмутился Наполеон. Через несколько мгновений, переведя дыхание, он добавил: – Возможно, ты прав... Завтра я сообщу тебе свое окончательное решение в половине седьмого утра, во дворце генерал-губернатора, куда приглашаю тебя для встречи. И повторяю: с этого момента – никому ни слова. Я собираюсь провести ночь в Петровском дворце на севере города. Царь имеет обыкновение останавливаться там перед отъездом в Петербург. Это даст пищу для размышлений шпионам, которые вообразят, будто я готовлюсь отправиться той же дорогой. Я вернусь завтра утром, чтобы следить за подготовкой к параду, и соберу маршалов после полудня во дворце

генерал-губернатора, чтобы уточнить план отхода. Не забудь, что я жду тебя в половине седьмого. Прощай, генерал Бейль!

Император поднялся и сделал едва уловимые боковые движения коленями, превозмогая судороги, которые начались у него от продолжительного сидения. Его адъютант бросился к нему и протянул руку, чтобы помочь ему спуститься по трем лестничным пролетам. В тот же момент Франсуа Бейль увидел в сгустившихся над площадью сумерках коляску императора, которая стояла в ожидании сигнала. Никогда прежде не встречалось ему более необычайного зрелища. В самом центре Кремля, среди силуэтов византийских церквей, император сажился в коляску, запряженную шестеркой лошадей. Откидной верх был поднят, но Бейль заметил, что со стороны кучера сидит человек в штатском платье и высокой шляпе причудливой формы. «Вероятно, – подумал он, – переводчик или проводник, который должен проложить маршрут через охваченный пожаром город».

Когда коляска тронулась, показались двое офицеров-адъютантов, которые ехали верхом по обе стороны от дверей, и небольшой эскорт гвардейских кирасиров, следовавших спереди и позади коляски. Железные подковы цокали по мостовой.

«Нет, – сказал самому себе Франсуа Бейль, – за всю жизнь не увижу я более удивительной картины».

Он пересек площадь, отыскал свою лошадь, которую его адъютант держал под уздцы, сел в седло, поправил стремяна и поехал по пустынным улицам в направлении располагавшегося неподалеку дворца, отведенного интендантом под его резиденцию. Он прокручивал в голове предложение императора, задаваясь вопросом, какие шаги предпринять, чтобы выполнить задание.

Глава II

МОСКВА, ПЯТНИЦА, 18 СЕНТЯБРЯ

Когда Франсуа Бейль добрался до дворца генерал-губернатора, располагавшегося в нескольких сотнях метров от Красной площади, на открытом пространстве перед зданием кипела бурная деятельность. Пешеходы и кавалеристы в мундирах сновали туда-сюда.

«Готовятся к параду», – подумал Бейль и ступил на лестницу, поднимавшуюся к дворцу. Перед дверью ему преградил путь гвардейский гренадер в меховой шапке с ружьем наперевес.

– Стойте! Не входите! – приказал он грубым голосом, с присвистом прорывавшимся сквозь усы.

– Я полковник Бейль, командир 2-го гвардейского егерского полка, – резко ответил Бейль, поправляя пальцем спутавшиеся нашивки на рукаве. – Император сам меня пригласил во дворец! Дайте пройти.

– Я узнаю вас, мой полковник, но мне дан строгий приказ не пускать никого внутрь! Нельзя допустить, чтобы эта шайка убийц и поджигателей добралась до императора. Взгляните-ка на них!

Действительно на площади раздались возгласы вокруг группы штатских с руками, связанными веревкой, и ногами, скованными цепью; они с трудом продвигались вперед под ударами хлыстов окружавших их всадников. Волосы их были всклокочены, рубахи испачканы пеплом. Некоторые казались на вид совсем молодыми, почти детьми.

– Это поджигатели. Должно быть, взяли с поличным! – воскликнул гренадер. – Недолго им осталось!

Дворцовая дверь отворилась, и в проеме показался офицер.

Франсуа Бейль обратился к нему:

– Майор, я полковник Бейль, прибыл сюда по приглашению императора. Вы можете меня впустить?

– Подождите немного. Я узнаю.

Через десять минут офицер вернулся в сопровождении персоны в генеральском мундире.

– Я генерал Дюронель, комендант Москвы. Император вас примет. Я провожу вас к нему.

Франсуа Бейль последовал за Дюронелем в приемную, облицованную белым мрамором, затем они вместе поднялись по лестнице,

окаймленной балюстрадой из красного камня. Поднявшись на второй этаж, они оказались перед высокой двустворчатой дверью, охраняемой молодым офицером.

Генерал Дюронель знаком приказал ему отойти в сторону.

– Это библиотека, – произнес он. – Она служит залом заседаний. Император сказал мне, что вы можете присутствовать на собрании, не принимая в нем участия. Он примет вас, когда все закончится.

Бейль вошел в комнату. Это оказался длинный зал, уставленный вдоль стен шкапами с книгами в кожаных переплетах и географическими картами. В центре помещался прямоугольный стол большого размера, на котором в ряд стояли масляные лампы. Вокруг стола были расставлены кресла, одно из них, у дальнего конца, с высокой спинкой, водружено на деревянную приступку.

Группа высокопоставленных военных, состоявшая в основном из маршалов, ожидала прибытия императора. Они сидели в черных форменных треуголках, отороченных золотым галуном. Бейль узнал Бертье, Нея и, разумеется, Даву, под началом которого служил. Мюрат, с высоким султаном на голове, держался в стороне, маршал Понятовский щеголял четырехугольным головным убором польских улан. Евгений Богарне сидел на стуле, установленном у стены, и, казалось, делал заметки. Рядом с дверью раздалась барабанная дробь, и вошел император, вслед за ним – Анатоль Монтеस्कью-Фезенсак, сын гвернантки римского короля, исполнявший при императоре обязанности адъютанта. Послышались стук сапог и бряцание шпор, когда все встали по стойке смирно, положив головные уборы на стол. Император не снял своей треуголки, надетой поперек. «Садитесь, господа», – велел Наполеон. После того как каждый занял свое кресло, а Франсуа Бейль уселся на стул, император дождался полной тишины и только потом объявил:

– Я собрал вас, господа маршалы, чтобы сообщить вам о приказе, который я только что отдал Великой армии, – незамедлительно покинуть завоеванную ею Москву, – и чтобы рассмотреть с вами способы ее возвращения в Европу.

Объявление не вызвало ни единого звука, ни единого вопроса. Вместе с тем Бейлю показалось, что оно сопровождалось вздохом огромного облегчения – и восхищения смелостью принятого решения.

Тогда Наполеон изложил соображения, побудившие его отдать приказ об отходе. Франсуа Бейль узнал аргументы, которые уже слышал накануне из уст императора. Затем он внимательно выслушал указания императора относительно стратегии возвращения. Прежде всего тот потребовал отказаться от слова «отступление» («После победы не отступают», – заявил он) и заменить его словом «возвращение».

По мысли Наполеона, возвращение должно было осуществляться по трем направлениям. Основные силы отправятся по дороге, ведущей от Москвы к Смоленску, под командованием маршала Нея и принца Евгения. Маршрут дальнейшего движения они наметят по прибытии в Смоленск. Следовало учесть бездорожье из-за грязи и дождя и обходить стороной места, где запасы провизии и жилища уничтожены в ходе наступления. Один из возможных вариантов заключался в том, чтобы отправиться по дороге на Минск, где император приказал генералу Дюма организовать крупный продовольственный склад.

Правый фланг во время возвращения должны были прикрывать армейские корпуса Мюрата и Даву. Предполагалось, что в первые дни они двинутся в северном направлении, дабы создать видимость похода на Петербург и заставить русских сосредоточить силы на этом направлении, после чего повернут на запад, с тем чтобы оказаться в Витебске вскоре после прибытия Нея в Смоленск. Безопасность южного фланга обеспечивалась армейским корпусом Удино и армией вюртембержцев. Перед ними стояла задача воспрепятствовать наступлению русских с юга и отбросить их к Припятским болотам. Конечным ориентиром для них служил Смоленск.

Набросав общую картину, Наполеон перешел к деталям.

Общее руководство операцией возлагалось на маршала Бертье, князя Невшательского, генеральному штабу которого предстояло продвигаться вперед вместе с 3-м армейским корпусом маршала Нея. Следовало любой ценой не допустить рассредоточения солдат-мародеров, жаждущих отправиться на поиски продовольствия по избам и деревням. Они стали бы легкой добычей для казаков и источником сведений о перемещениях Великой армии. С нарушителями надлежало поступать как с дезертирами и расстреливать их даже в том случае, если их сопровождали маркитантки.

В заключение император подробно остановился на роли кавалерии. Перед этим он поменял позу, постаравшись устроиться поудобнее, и подогнул правую ногу под себя на сиденье кресла.

– Я рассчитываю, что именно кавалерия обеспечит нам решающую победу, – сухо произнес он сильным горловым голосом. Затем окинул взглядом присутствующих, едва заметно задерживаясь на напряженных лицах каждого из своих маршалов, и продолжил: – Русские генералы, старый Кутузов и молодой Беннигсен, вероятно, воображают, что могут выиграть войну! Даже если они признают, что проиграли московскую битву, сильное впечатление, произведенное на них героическим сопротивлением русских солдат, – которые и правда явили пример необычайной стойкости! – заставляет их полагать, будто они одержали над нами своего рода моральную победу.

Оказавшись победителями, мы повели себя как побежденные, словно предчувствуя грядущее поражение! И они рассчитывают закрепить этот успех и разбить нас на обратном пути! Старый лис Кутузов переоценивает свои силы! Он прав, думая, что к исходу московской битвы наши войска начали уставать и что я ощущал, как росло их утомление. По этой причине я не стал приказывать им, равно как и гвардии, преследовать отступавшую русскую армию. Но он ошибается, если воображает, что наша армия утратила способность к наступательным действиям. Мы преподадим ему урок. На следующий день после сражения я, как всегда, отправился на поле битвы. Это было ужасающее зрелище. Мои ноздри наполнил запах пороха. Множество раненых, особенно русских, все еще зывали о помощи. Я никогда раньше не видел груды тел, подобной той, что образовалась перед редутом, внутри которого взору открывалась еще более страшная картина: тела лежали вперемешку с обломками пушек, уничтоженных нашей артиллерией. Я попытался подсчитать соотношение между убитыми русскими и нашими воинами. Сделать это было не просто среди того ужасного месива, в котором еще слышалось человеческое дыхание. Мне показалось, там было пятеро павших русских солдат на одного нашего. Моя стратегия возвращения позволит нам уничтожить существующие силы русских, прежде чем мы переправимся обратно через Неман и вновь очутимся в Европе. Поначалу Кутузов отстанет от нас, поскольку пока не знает о моем решении оставить Москву, а затем постарается нагнать нас на пути между Смоленском и Неманом. Для этого он воспользуется своей кавалерией, отдав приказ казачьим полкам неотступно преследовать нас, чтобы замедлить наше продвижение. Здесь он ошибается, и его ошибка приведет его к поражению! Вместо того чтобы бежать под ударами казаков, я приказываю вам, господа, подпустить их поближе и затем уничтожить. Именно поэтому я предусмотрел, чтобы наши кавалерийские полки были поставлены под непосредственное командование каждого генерала, командующего армейским корпусом. Им надлежит использовать их в качестве подвижных подразделений, усиленных артиллерийскими ротами. Казаки располагают лишь легким вооружением. На короткой дистанции наша артиллерия сумеет их разметать. Эту операцию будет необходимо повторить столько раз, сколько потребуется, пока мы будем отходить. Тогда ослепленный Кутузов перестанет попевать за нами. Нам останется лишь разбить его в пух и прах в решающей битве на подступах к Вильно, где мы окажемся на знакомой местности и получим провизию и подкрепления, доставленные по моему приказу из Варшавы и Данцига. Не мы пойдем за бежавшим с поля боя Кутузовым, а, наоборот, сам он будет отчаянно искать сражения, ибо не сможет смириться с мыслью, что

Великая армия возвратится в Европу почти в целости, стяжав славу покорительницы Москвы! Это сражение надолго определит судьбу русской армии!

Император повернулся к маршалу Понятовскому, сидевшему крайним с правой стороны стола.

— Что касается Польши, Понятовский, то именно вы будете координировать действия кавалерии, которая присоединится к армейскому корпусу маршала Нея, в центре нашего боевого порядка. Вы сможете легко удерживать неприятеля позади при поддержке артиллерии, и, надеюсь, вы дадите русским почувствовать, что Великая армия вовсе не утратила боевых качеств.

Император положил свои белые изящные руки на стол, но медлил, прежде чем поднять их в воздух, желая сделать окончательный вывод.

— Я рассчитываю, что вы, господа маршалы, с вашими солдатами сумеете сделать возвращение из Москвы славной страницей в истории Великой армии! Вы вольны отдать первые распоряжения, и я предлагаю вам удалиться.

Наполеон оперся на ладони, намереваясь встать. Его изрезанное морщинами лицо выдавало внутреннее напряжение. Маршалы отсалютовали на прощание и длинной вереницей потянулись из комнаты, держа головные уборы подмышкой.

Император окинул взглядом библиотеку, прежде чем повернуться к генералу Бейлю, стоявшему по стойке смирно в глубине комнаты.

— Подойди, генерал Бейль, я отдам тебе приказания.

Генерал, одетый в зеленый сюртук и белый жилет гвардейских егерей, приблизился четким шагом и вытянулся.

— Вот что тебе предстоит сделать, — немного устало сказал ему император.

* * *

— Ожидая, пока я дам приказы маршалам, ты, несомненно, понял, чего я жду от тебя. Чтобы возвращение Великой армии происходило надлежащим образом и завершилось победой, необходимо помешать Кутузову с точностью проследить за передвижениями наших войск. Нужно заставить его действовать нерешительно и отстать. Это будет твоим заданием. Я обдумал твои просьбы. Они кажутся мне оправданными. Я дам тебе даже несколько больше! Насчет артиллерии ты прав: нужно, чтобы ее залпы были слышны! Я выделю тебе четыре батареи вместо двух, взяв их, как и планировалось ранее, из дивизии Лористона. Что касается кавалерии, то тебе понадобится прикрыть оба фланга: я предоставлю в твое распоряжение еще один кавалерий-

ский эскадрон 3-го драгунского полка. Вместе с тремя батальонами пехоты у тебя будет около четырех тысяч человек: маленькая армия, призванная прикрыть Великую армию! Тебе потребуется второй командир, способный подменить и, возможно, заменить тебя...

Наполеон, прервался, чтобы не оканчивать фразу: «В случае твоей гибели».

– Я назначу к тебе члена моего генерального штаба. Он очень молод, двадцати восьми лет от роду, и имеет чин полковника. Твой возраст естественным образом обеспечит твой авторитет. Тебе тридцать пять, полагаю?

– Тридцать три, сир.

– Вполне достаточно! Это блестящий офицер, к тому же очень храбрый. Он корсиканец, зовут его Арриги, и он приходится племянником герцогу Падуанскому. Устраивает тебя это?

– Совершенно устраивает, сир. Я не смел и надеяться, что в мое распоряжение поступят дополнительные войска. Для выполнения моего задания желательно, чтобы вверенный мне отряд сохранял высокую подвижность.

– Хотя по численности он сильно уступает дивизии, я буду называть его дивизией Бейля, чтобы мои приказы были яснее, – заключил Наполеон. – Еще два уточнения. Завтра, во время парада Великой армии, ты пройдешь торжественным маршем вместе со своим эскадром гвардейских егерей. Затем в день общего выступления, 20 сентября, ты наденешь знаки генеральского отличия и вместе со мной проводишь армейский корпус Нея, который покинет Москву первым. Потом возвратишься в город, рассредоточишь свои войска, чтобы создать иллюзию их многочисленности, и останешься в Москве еще на три дня после того, как из города выйдет последний из наших полков. Затем следуй по дороге из Москвы в Смоленск. Спешить не нужно: рассчитай время так, чтобы прибыть на место 7 октября, сразу после того, как Ней покинет город. Далее, тебе нужно будет задержаться в Смоленске на семь-восемь дней, чтобы остановить продвижение неприятеля, заставить его поверить, что город еще занят и мы готовимся к сражению. Кутузов потеряет еще больше времени на приготовлениях. Как только получишь от меня известие, но не позже 15 октября, пробивай себе путь к отступлению и как можно быстрее иди вперед на соединение с нами. Все ясно?

– Так точно, сир, – ответил Франсуа Бейль, прокручивая в голове последовательность приказаний, полученных от императора, и раздумывая над тем, как их исполнить.

– До свидания, генерал Бейль, я рассчитываю на тебя! Как только все будет кончено, я приму тебя в Тюильри и решу, как тебя вознаградить.

Император бросил взгляд в окно, расположенное в углублении между двумя книжными шкафами. Он мог наблюдать оживление, царившее на площади, которая на некотором удалении упиралась в охранныю стену Кремля.

– Хорошо будет очутиться весной в Париже, – добавил он голосом, в котором сквозило смешанное чувство ностальгии и радостного ожидания. – Мы возвратимся туда победителями и сможем провозгласить мир в Европе!

Генерал Бейль понял, что переговоры закончены.

– Монтеस्कью тебя проводит, – сказал ему Наполеон.

* * *

Когда Франсуа Бейль оказался на крыльце, он глубоко вздохнул, чтобы сбросить напряжение, вызванное разговором с императором. В воздухе летали легкие хлопья пепла. Пробивавшиеся с востока солнечные лучи озаряли мостовую ярко-розовым светом. По площади двигались конные разъезды, вероятно, возвращавшиеся в места расположения. Отблески пламени все еще прорезали небо, но Бейлю показалось, что огонь отступил. Внезапно совсем близко слева раздался треск. Вслед за ним послышались пронзительные крики.

– Это поджигатели, – пробормотал подошедший гвардейский гранатер. – Они получили по заслугам! Пусть катятся к дьяволу!

Прозвучало еще несколько ружейных выстрелов, вероятно, сделанных для того, чтобы довершить начатое.

Франсуа Бейль почувствовал, как сжалось его сердце. Ему показалось, что в беспорядочном шуме он различил детские голоса.

Глава III

ПАРАД НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Любой, кто 19 сентября 1812 года принимал участие в параде Великой армии на Красной площади в Москве, вспоминал о нем годы и годы спустя.

Маршал Даву, которому поручили подготовку парада, имел в своем распоряжении всего несколько десятков часов, чтобы сделать все необходимое. Его задача облегчалась тем, что большинство воинских подразделений было размещено неподалеку от центра города. Однако одежда, снаряжение и лошади сильно пострадали во время длительного перехода по русским просторам и в жестокой московской битве. Лишь гвардейские полки, насчитывавшие тридцать тысяч человек, оставались практически нетронутыми.

Как и во всех подобных случаях, император вмешался в некоторые детали, распорядившись не сооружать на Красной площади трибуну: он намеревался принять парад верхом на коне в окружении маршалов, расположившись перед красной стеной Кремля, у основания высокой Спасской башни. Войска должны были войти на площадь с юго-запада и разделиться на две колонны, огибая с двух сторон собор Василия Блаженного. Основную массу участников парада составляла гвардия, однако император настоял, чтобы такая же честь была оказана войскам, доблестно отличившимся в московской битве. Среди них он особо выделял вюртембергские полки и французские батальоны дивизии генерала Фриана.

Незадолго до десяти часов император Наполеон I появился на площади. Он выехал из ворот Кремля верхом на своем белом коне по кличке Канталь, в сопровождении группы маршалов и эскортировавших их гвардейских гусар, на чьей груди красовались обшитые золотым шнуром петлицы. Наполеон направился к месту, отмеченному на брусчатке площади прямоугольником из песка. Мамелюк Рустан, одетый в свой белый тюрбан, подошел и взял императорского коня под уздцы.

Маршалы выстроились в ряд слева от императора. Чуть поодаль стояли гвардейские барабанщики с поднятыми палочками. По команде барабанщики принялись отбивать дробь. Наполеон вздрогнул от удовольствия, услышав продолжительный и грозный гул, который

слушал на протяжении всех своих сражений. В его памяти всплыло воспоминание о славном смотре, который он устроил во дворе Тюильрийского дворца по возвращении из итальянского похода. Как часто бывало, император позволил себе погрузиться в полузабытьё, словно перед пробуждением ото сна. В то время он был первым консулом и носил длиннополую красную одежду, застегнутую на пуговицы до шеи. Войска стояли в том же порядке – генералы с одной стороны, оркестр с другой. Батальоны, развернутые по фронту, петляли между стенами Лувра с нависавшей над ними высокой крышей, в то время как кавалеристы с трудом сдерживали лошадей, которым не терпелось присоединиться к маршировавшим войскам. «Это было в Тюильри, около пятнадцати лет назад, – грезил Наполеон в полузабытьи. – Мы были молоды, совсем молоды», – думал он, глядя в сторону маршалов. Он знал, что маршалы сами наблюдали за ним накануне во дворце генерал-губернатора и заметили, как выдается его живот из-под белого жилета.

Усилившаяся барабанная дробь вывела Наполеона из оцепенения. Она возвещала о приближавшемся начале парада. Каждый занял свою позицию. Справа от императора генерал-майор Бертье, князь Невшательский, изучал взглядом группу маршалов, сидевших на седлах с красными попонами. Слева Ней, возвышавшийся на коне, чья гнедая шкура лоснилась так, будто ее начищали скребницей всю ночь, выдвинулся на несколько шагов вперед, чтобы ему было удобнее следить за ходом парада. Он торжественным жестом поднял свою саблю и вытянул ее вдоль плеча. Великая армия входила на площадь.

Кавалерии предстояло открыть шествие, а затем замкнуть его. Кавалерийские полки выстроились вдоль набережной Москвы-реки, у стен Кремля. Им нужно было подняться по покатой улице, чтобы выйти на площадь справа от собора.

В ожидании их появления император, не отрывая глаз, смотрел на собор. Он никогда не видел столь странного и разноцветного архитектурного сооружения. Красиво ли оно или просто причудливо? Пытаясь в этом разобраться, он старался сосчитать своды и купола. У него получилось сначала пять, затем шесть. Некоторые из куполов были украшены пестрым синим узором, еще один имел форму луковичи в чередующихся зеленых и желтых полосах. Среди куполов виднелась колоколенка с остроконечной крышей, покрытой глазурной черепицей. «Что хотел Иван Грозный выразить этим хаотичным великолепием?» – спрашивал себя Наполеон.

Раздались звуки кавалерийского горна, и с левой стороны от собора показался Мюрат. Он надел алый мундир с нашитыми на него орденоскими лентами и, по обыкновению, черную шляпу с пучком бе-

лых перьев. Спину его коня покрывала леопардовая или тигровая шкура, лапы которой ниспадали на обе стороны. Наполеон сдержал улыбку при виде шурина. «Все тот же маскарадный костюм, – сказал он себе, – что в Неаполе, что в Москве». Мюрат вскинул саблю, приветствуя императора. Тот ответил ему кивком головы. В этот момент послышалось пение кавалерийских труб. Музыканты различных воинских подразделений выстроились в два ряда позади Мюрата: в каждом по три десятка кавалеристов, чьи мундиры отличались в зависимости от звания.

За ними следовали гвардейские эскадроны. Когда Франсуа Бейль, который скакал в нескольких метрах перед 3-м егерским полком, вытянул руку с саблей перед императором, он получил в ответ поданный рукой знак, похожий на тайное приветствие.

Красная площадь постепенно заполнялась лошадьми, чьи копыта цокали по брусчатке. Звук труб, раздававшийся во главе процессии, стал затихать, но эхо, отраженное от красной стены Кремля, по-прежнему доносило мотив.

Наконец, показались первые ряды пехотных полков, вышедших на площадь справа от собора. Музыка, которую они играли, вызывала удивление: это были охотничьи песни. Командовавший подразделением полковник фон Кернер направился верхом в сторону императора и, приветствуя его, произнес с сильным немецким акцентом:

– Представляю вашему величеству выживших из вюртембергской дивизии!

Затем он отъехал и встал во главе своего подразделения. В первом ряду пехотинцы, одетые в высокие белые головные уборы, наигрывали на маленьких охотничьих рожках, которые носили на своих ранцах, их мелодии вызывали в воображении Шварцвальд и приносили в грандиозную церемонию нотки сельской идиллии.

Император слегка привстал в седле, чтобы их приветствовать. Через определенный промежуток времени за ними проследовали два пехотных полка, принадлежавшие к знаменитой дивизии Фриана, который ехал впереди на вороной кобыле. Его полки прославились по всей армии тем, что участвовали в крупнейших битвах империи, от Йены до Ваграма, и проявили необычайную отвагу в московской битве: они последними атаковали русский редут и первыми ворвались на него.

Они еще несли на себе следы сражения, а их мерный шаг воскрешал в памяти грозное и трагическое событие. Чтобы полки лучше смотрелись, им было придано подкрепление, однако в их рядах по-прежнему виднелись приметы выпавших на их долю испытаний: порванные сюртуки, ружейные ремни, привязанные пеньковой веревкой и особенно наспех починенные башмаки.

Наполеон проводил их взглядом. Впереди ехали конные офицеры, по сторонам шли пешие унтер-офицеры. И те и другие казались необычайно молодыми. Вероятно, их только что назначили взамен убитых или раненых в московской битве.

Они дефилировали точно так же, как солдаты на смотре в Тюильри: длинными рядами, от двадцати пяти до тридцати человек в каждом, при этом самих рядов не более четырех-пяти. Ружья держали прямо, и, несмотря на усилия, которых требовал строевой шаг, они торчали вверх, словно колючки ежа. Наполеон попытался сосчитать личный состав каждой роты: около сотни бойцов вместо ста восьмидесяти, имевшихся в роте изначально. «Сильно им досталось!» – заключил он в порыве сочувствия к этим наполовину истребленным людям, ожесточенно сражавшимся за него.

Затем пошла гвардия. Контраст получился разительным. Гвардия пострадала мало. Конечно, они прибыли из Парижа, пройдя пешком свыше двух с половиной тысяч миль и особенно утомившись под конец, когда им пришлось тащить на себе тяжелую выкладку с вещами и снаряжением, а также ружья, однако в бою они не участвовали. Их мундиры и оружие были в целостности и сохранности. «Я правильно сделал, что пощадил их», – подумал Наполеон, глядя, как они идут тем же бравым шагом, что и перед триумфальной аркой на площади Каррузель. Первыми вышагивали вольтижеры в черных киверах с красным плюмажем, за ними – гренадеры в белых гетрах и черных меховых шапках, шедшие столь стройными шеренгами, что Наполеон видел лишь ближнего солдата в каждом ряду. Дальше громыхали железными колесами по камням артиллерийские батареи, по четыре пушки в каждой. После них верхом на лошадях рыжей масти прорысили четверо гвардейских маршалов в широкополых треуголках, отороченных золотым галуном, которые они носили не как император, а углом вперед.

Следующую группу образовывали кирасиры и драгуны на грузных лошадях, для которых приходилось отыскивать фураж в удаленных районах Москвы.

Парад еще не завершился. Показались лица и головные уборы поляков, двигавшихся вдоль собора Василия Блаженного, а затем и других всадников, которые, должно быть, принадлежали к числу улан маршала Понятовского.

Император окинул взглядом Красную площадь. Ее заполнили отряды солдат, словно сошедшие с арабесок и двигавшиеся мерным шагом под команды офицеров, ехавших верхом впереди них. Это было не просто грандиозное зрелище – в нем сквозила странная красота. Осеннее солнце щедро дарило свои лучи, заставляя искриться каски, стремяна, примкнутые к ружьям штыки.

Наполеон ощутил счастье. Хотя он пошел на всевозможный риск, чтобы этого достичь, он с трудом сознавал, что находится здесь, в седле своей лошади, на самой величественной площади России в гуще собственных войск. Он был повелителем, абсолютным властелином. Он правильно сделал, что не отступился. «Но теперь, – сказал он сам себе, чувствуя, как одна мысль набегает на другую, – теперь нужно уходить, нужно уходить быстро».

Воображение его разыгралось. Он видел себя маленьким мальчиком, зажатым толпой, высыпавшей на площадь Аяччо из собора после мессы. Его старший брат Жозеф идет впереди, а мать тормозит его самого, приговаривая: «Иди быстрее, Наполеон, из-за тебя мы опоздаем». Она берет его за руку, чтобы успокоить, но перекликающиеся голоса и толчки со стороны людей, которые кажутся по меньшей мере вдвое выше него, заставляют его дрожать от страха. «Кстати, – думает он, – где теперь моя мать? На Корсике ли она сейчас, на исходе лета? Или вернулась в Париж? И ведает ли она, что ее сын покориł Москву?»

На площади осталось немного народу, самое большее несколько сотен зрителей – должно быть, московских французов или поляков. Они столпились возле собора, где за ними наблюдали конные жандармы. Внезапно от группы отделился человек и устремился в сторону императора. Он был одет в русскую народную одежду: светлую рубаху с длинным рукавом, стянутую в талии поясом, и серые полотняные штаны, заправленные в сапоги. Человек держал в руке бумагу и бежал так быстро, что привлек внимание всех присутствовавших, в том числе маршалов, которые натянули поводья, готовясь перехватить бегущего и не позволить ему покуситься на императора. Геркулесоподобный жандарм бросился вслед за ним. Его лошадь нагнала неизвестного в несколько скачков, и всадник, нагнувшись, схватил его за пояс. Он бросил своего пленника через седло, ударив в лицо так сильно, что у того по густой бороде потекла кровь. Голова его откинулась назад и лежала на лопатке у лошади. Он по-прежнему держал в руке свою бумагу.

Наполеон повернулся к своему адъютанту, знаком приказав приблизиться.

– Монтескью, – сказал он, – идите посмотрите, что от меня хотел этот бедолага.

Адъютант пустил лошадь галопом, чтобы объехать группу маршалов сзади, и возвратился через несколько минут. Обратившись к императору, он пояснил:

– Сир, это поляк. Я смог прочитать на бумаге, которую он держал в руке, написанный кем-то по-французски текст следующего содержания: «Сжальтесь! Заберите нас. Они нас всех убьют».

– Можете его успокоить, – ответил император. – Мы их заберем. В противном случае их правда побьют камнями.

Взгляд императора вновь обратился на площадь. С севера ее венчали черные клубы дыма, поднимавшиеся от пожарищ, однако парад завершался у него на глазах в радостной атмосфере. Голова гигантской процессии выходила на Тверскую дорогу, которая также являлась отрезком пути на Петербург, в тот самый момент, когда последние польские кавалеристы входили на площадь под звуки металлических тарелок.

– Этот парад удался на славу, Даву, – заключил император. – Лучшего нельзя было сделать. Прошу вас поздравить с этим генералов. И посмотрите на солдат! Они чувствуют себя совсем как дома!

Барабаны все еще звучали, но ритм изменился. Можно было подумать, что слышишь звучание оркестра, окрашенное отдаленными отзвуками труб и охотничьих рожков вюртембержцев. Наполеон развернул лошадь и отдал честь офицерам. Он направился в сторону входных ворот Кремля, а затем, когда к нему присоединился адъютант, резко проговорил:

– Поторопитесь! Идите скажите, чтобы мне приготовили царские покои во дворце императора. Сегодня я буду спать в его кровати!

Глава IV ВЫСТУПЛЕНИЕ ВЕЛИКОЙ АРМИИ, ПОНЕДЕЛЬНИК, 21 СЕНТЯБРЯ

Выступление из Москвы было отложено на один день, по приказу Наполеона. Он считал, что людям нужно восстановить силы, потраченные во время парада на Красной площади.

Император воспользовался этим и пригласил маршалов и дивизионных генералов на банкет, организованный в большом зале Грановитой палаты, который он велел открыть по такому случаю. Приглашенные прошли через сводчатые залы, стены которых были расписаны яркими фресками в синей, красной и темно-зеленой гамме с вкраплениями золота, изображавшими рукопашные схватки, в которых первые русские правители одерживали победы над ордами кочевников. Вереница гостей, пораженных внутренним убранством, хранила молчание. Наполеон, к которому возвратился весь его пыл, встречал их восклицаниями:

– Проходите, господа. Проходите! Приглашая вас за стол, я предлагаю вам овладеть Российской империей, которую вы завоевали. Именно здесь Иван Великий установил свой трон, а Иван Грозный злоупотреблял своей властью. И вот вы у них дома, вы – командиры Великой армии Европы, которая отныне искоренила угрозу, исходившую от варварских полчищ. Выпьем, господа, за исторический триумф Великой армии в этом дворце, куда вы и я ее привели.

Император поднял бокал с вином, которое интендантская служба сумела довести до самой Москвы.

– Выпьем также, господа, за успешное возвращение, в ходе которого мы уничтожим то, что осталось от русской армии!

Как только император сел, служащие его штата начали подавать на стол. Выбор блюд оставался скромным, поскольку запасы продовольствия были ограничены и следовало оставить провизию на обратный путь, однако вино и коньяк имелись в достаточном количестве, чтобы оживить беседу и создать возбужденную атмосферу, в конце ужина вылившуюся в возгласы «Да здравствует император!». Их издавали военные с пылающими лицами, радуясь возможности побывать среди таких необычных декораций, к которым, они знали, не будет возврата, как и к временам их юности, когда они принимали участие в своих первых гарнизонных банкетах. Мюрат давал о себе знать громовыми раскатами голоса, ставшими еще громче от вина,

Ней казался задумчивым, Даву много пил. Понятовский и принц Евгений сидели друг подле друга и чокались бокалами.

С губ Наполеона не сходила улыбка. Он смаковал победу в кругу приближенных, поставив ногу на голову поверженному врагу.

* * *

Выступление войск началось в понедельник 21 сентября в 7 часов утра.

Император пожелал присутствовать при отправлении авангарда. Он расположился у Смоленских ворот – там, откуда Великая армия вошла в Москву. К нему подвели его походную коляску желтого цвета, запряженную четверкой серых лошадей. Верх был опущен, в коляске установили столик с письменными принадлежностями, за которым уселся Наполеон. Маршал Бертье сел напротив, мамелюк Рустан – на переднем сиденье рядом с кучером. Двое адъютантов взобрались на заднюю скамейку.

Отряд гвардейских гусар обеспечивал безопасность, однако никаких русских казаков не наблюдалось.

Наполеон потребовал, чтобы его коляска катилась параллельно маршруту отхода войск, поскольку, сказал он, ему недостаточно беглого взгляда, и он желает иметь возможность наблюдать движение войск, поставив на столик подзорную трубу.

Маршал Ней, командовавший маневрами центрального армейского корпуса, прибыл, чтобы предупредить императора, что авангард пройдет перед ним. Речь шла о кавалерийском корпусе, который должен был оказать сопротивление в случае засады. Основная масса войск следовала по высохшей и пыльной дороге, в то время как два отряда обеспечивали прикрытие, находясь с правой и с левой стороны на расстоянии нескольких сотен метров. Полковник, одетый в походный муңдир, скакал во главе своего полка.

– Это драгуны 1-го корпуса, – пояснил императору маршал Ней, когда тот подъехал на своей коляске. – Вслед за ними из окрестных деревень выдвинется 3-й артиллерийский полк.

И огромная колонна уходящих войск двинулась в сельскую местность, еще окутанную легким туманом, хотя утреннее солнце уже осветило крупы лошадей.

– Сколько их там осталось? – спросил император у маршала Бертье. – Можете вы мне сказать, когда точно последний солдат покинет город?

Затем, словно его пронзила внезапно пришедшая на ум мысль, Наполеон повернулся к одному из своих адъютантов и сказал:

– Флао, разыщите мне генерала Бейля. Мне нужно с ним поговорить.

Флао спрыгнул на землю и направился к одной из двух сменных лошадей.

В этот момент пехота 3-го армейского корпуса начала выходить из Москвы. Она шла нормальным темпом, шестьдесят пять шагов в минуту, офицеры ехали верхом впереди, унтер-офицеры шли по сторонам.

Император искал с помощью своей складной подзорной трубы конкретные подразделения. Одни он определял по мундирам, например, вольтижеров и гренадеров линейных полков, другие – по фигурам полковников, которые ими командовали. Не всех полковников ему удавалось опознать. Некоторые лица были ему знакомы, и он бормотал сквозь зубы фамилии. Иные он не узнавал и злился на самого себя. Маршал Бертье наблюдал за ним и старался привлечь его внимание.

– У меня есть ответ на ваш вопрос, сир, – заверил он.

– Дайте мне цифры, Бертье!

– В Москву вошло около трехсот десяти тысяч человек...

– Я не люблю это «около»! Мне нужны точные цифры.

– Я не могу быть более точным, сир. Командиры корпусов пока не сообщили мне точное число своих подчиненных после московской битвы. Из этих трехсот десяти тысяч человек на северную и южную армии приходится свыше восьмидесяти тысяч человек, которые ждут своей очереди. Кроме того, Мюрат и Даву сегодня начали движение на север. Таким образом, мы должны вывести из Москвы двести тридцать тысяч человек, к которым прибавятся десять тысяч гражданских лиц, желающих уйти вместе с нами. Нам потребуется четыре дня, чтобы завершить операцию.

– Не больше! Не больше, Бертье, – приказал Наполеон, нахмутив брови. – И не давайте гражданским уйти раньше, чем через три дня. Нельзя допустить, чтобы они помешали маневру. Что касается гвардии, я приказываю вам вывести ее из города завтра, и я уйду вместе с ней!

За первыми полками шла шумная группа войск. Люди громоздились на повозках с привязанными к ним бесчисленными свертками и мешками, из-за которых повозки приобретали уродливые очертания. В некоторых из-под опущенного верха виднелись женские юбки.

– Что это такое? – спросил Наполеон, указывая на процессию подзорной трубой.

– Это штатские, которые сопровождают полки для обеспечения их материальных потребностей. Они прибыли вместе с нами из германских земель и Франции. Среди них есть маркитантки. Мы предложили им заготовить в Москве запасы провизии на обратную дорогу.

– Я вижу, они изрядно постарались! – заметил Наполеон.

Военная процессия начала заполнять дорогу. Авангард успел уйти далеко вперед и виднелся на местности маленькими неясными точ-

ками; заметно было радостное волнение толпы, которая, сохраняя стройный порядок, следовала за своими военачальниками. Солдаты замечали легко узнаваемую коляску императора и, проходя мимо нее, кричали: «Да здравствует император! Да здравствует император!» Шедшие за ними следом вторили им приглушенным эхом.

– Они рады, что уходят, – констатировал Бертье.

– Нет, Бертье, – ответил Наполеон сухо, – они рады, что они победители! Если у нас в запасе еще остался коньяк, нужно выдать его им сегодня вечером!

Двое всадников проскакали галопом вдоль колонны пехотинцев. Император узнал своего адъютанта и генерала Бейля. Последний приблизился к коляске, проворно спешился, отдав поводья адъютанту, и встал по стойке смирно.

– Бертье, вам нет нужды слушать это! – произнес Наполеон, поворачиваясь к Бейлю. – Я подтверждаю мои секретные инструкции, – сказал он ему. – Ты удержишься в городе на три дня после того, как его покинет последний полк Великой армии. Будешь маневрировать со своими войсками, чтобы создать иллюзию их многочисленности. Затем настанет твой черед уходить. Ты пойдешь вперед медленно, словно поддерживая связь с основными силами армии. Тебе нужно прибыть в Смоленск к 7 октября. К этому времени мы как раз уйдем оттуда. Ты обоснуешься в городе на неделю, делая частые вылазки. Я же пришлю к тебе гонца с сообщением, когда тебе следует уходить. Вероятно, это будет Флао, – сказал он, указывая обнаженной маленькой белой рукой на своего адъютанта, неподвижно сидевшего верхом на лошади неподалеку от коляски.

– Кстати, – продолжил Наполеон, – полковник Арриги к тебе присоединился?

– Да, сир, он уже под моим командованием. Мы вместе готовим план дальнейшей оккупации Москвы.

– Удачи Бейль, ты внесешь свой вклад в нашу победу, – сказал ему император, наполовину свесившись из коляски, чтобы ущипнуть его за мочку уха в знак расположения. – После того как присоединишься к нам, можешь отчитаться о проведенной тобой операции перед генерал-майором, маршалом Бертье. С этого момента – ни слова! После я дам тебе аудиенцию в Тюильри.

Когда генерал Бейль сел в седло, император обратился к кучеру:

– Мы видели достаточно, можешь ехать!

Пока катилась коляска императора, Великая армия продолжала свой путь по долине, согретой солнечными лучами. Шум голосов и топот ног сливались в нескончаемый гул.

Великая армия покидала Москву.

Глава V

ОДИН В МОСКВЕ, 24–27 СЕНТЯБРЯ

Генерал Бейль счел необходимым лично присутствовать при отходе последнего полка из Москвы. Это произошло в четверг вечером, 24 сентября, спустя ровно десять дней после вступления французов в город. В сопровождении своего адъютанта, лейтенанта Вильнёва, и четырех кавалеристов Бейль отправился верхом на юго-восточную окраину города. Дважды переправившись через Москву-реку, образовавшую петлю у него на пути, он прибыл к церкви, окруженной большим кладбищем. Он узнал окрестности – в этих местах ему ранее отдал свои приказания Наполеон. Теперь здесь собрались кони и всадники, готовившиеся к отъезду. Бейль заметил небольшую группу военных в стороне, там, где несколько дней назад стояла коляска императора. Ему показалось, что он узнал среди них маршала Понятовского. Это действительно оказался он. Когда Бейль приблизился, сидевший верхом на лошади Понятовский тронул коня ему навстречу и окликнул его:

– Приветствую, Бейль, рад тебя видеть.

Они знали друг друга по прежней службе в гвардейской кавалерии и с тех пор оставались друзьями.

– Но что ты здесь делаешь? Ты знаешь, что мы последние?!

Окружавшие Понятовского офицеры крепко держали поводья своих лошадей, которые гарцевали от нетерпения.

Все они были поляками, в красных узких панталонах, обтягивавших ноги до стремян, и высоких черных уланках с четырехугольным верхом.

Бейль ответил тихо, чтобы никто другой не услышал:

– Я остаюсь и пойду вслед за тобой с большим отставанием.

Маршал Понятовский кивнул:

– Император сообщил мне об этом по секрету. Это опасное задание, потому что русские будут стараться окружить тебя. Кажется, Беннигсен пребывает в сильном возбуждении. Не может простить Кутузову оставления Москвы. Если тебе придется совсем туго, – добавил он, наклоняясь в седле к самому уху Бейля, – пришли ко мне гонца, я посмотрю, что смогу для тебя сделать.

– Спасибо, Жозеф, но я получил приказ выкручиваться в одиночку.

Бейль и Понятовский поравнялись так, что их лошади встали параллельно друг другу, сняли перчатки с правых рук и обменялись рукопожатием.

– Прощай, и удачи! – крикнул Понятовский и пустил коня галопом к членам своего генерального штаба. Не остановившись подле них, он поскакал в сопровождении своих офицеров в направлении колонны, которая должна была вот-вот тронуться.

Франсуа Бейль остался на месте, задумчиво наблюдая последние приготовления. Он старался оценить количество лошадей в двух полках, выстроившихся перед ним: вероятно, их было около четырех тысяч. За ними стояли в ряд зарядные ящики. Бейль слышал, как Понятовский, приподнявшись на стременах, выкрикивал приказания по-польски. Ему вторили кавалерийские трубы, войско постепенно отправлялось в путь.

Бейлю хотелось обязательно досмотреть до конца. Эскадроны трогались один за другим, мелкой рысью, а затем, выйдя на дорогу, прибавляли скорость. «Хорошо обучены», – подумал он, воскрешая в памяти долгие часы муштры, которые он устраивал гвардейским егерям в парижской Военной академии.

Теперь кавалерия показывала себя во всей красе, заполняя окрашенную желтым долину, по которой пролегал маршрут. Посередине двигались пушки, запряженные тягловыми лошадьми. Утреннее солнце заливало все вокруг ярким светом, на березах трепетали золотые листья.

«Поистине великолепное зрелище», – сказал себе Франсуа Бейль. На военное поприще его привело желание участвовать в сражениях – грандиозных действиях, тщательно скомпонованных, словно на батальных полотнах. Позже ему открылись резня, смрад, груды железного лома, брошенного на поле битвы, и все это вселило в него ужас. Но сегодня картина большого маневра, круговерть конников, растекающихся потоком по золотой долине, витавшая в воздухе радость возвращения – для одних в Польшу, для других во Францию – воскрешали юношеские мечты в том, кто в тридцать три года стал генералом Бейлем, похлопывающим по шее свою лошадь.

* * *

Франсуа Бейль родился 5 марта 1779 года в родительском имении – поместье Англар в Оверни. Поместье располагалось близ Бийома, на полпути к вершине холма. С террасы, обращенной на запад, открывался вид на горизонт, который тянулся от гор Санси, часто покрытых снегом, до таинственной горной цепи Дом севернее. Франсуа обожал созерцать этот пейзаж, особенно по вечерам, когда из-за

налетавшего с запада ветра на небе принимались играть синеватые отблески.

Семья Бейлей принадлежала к числу тех, кого в этих местах, где долгое время хранили верность французской короне, называли благородными буржуа. Мать Франсуа происходила из Монбуасье, одной из старейших овернских семей. Его отец, Жан, был юристом, точнее законоведом. Он заседал в высшем податном суде, затем в овернском парламенте, то есть служил монархии, однако, читая Монтескье и Дидро (хотя и корил последнего за «безверие»), проникся реформаторскими идеями. Разочарованный неудачей, постигшей Собрание нотаблей, он принял участие в работе Генеральных штатов. Затем, будучи пламенным сторонником Учредительного собрания, оказался в числе членов первого Совета департамента Пюи-де-Дом, где занимал должность вице-президента.

В то время дети Жана Бейля – сын Франсуа и две дочери, Анжелика и Люси, – наслаждались счастливым детством на лоне сельской природы в Англаре. Раз в месяц Франсуа составлял компанию матери, когда та в небольшой коляске отправлялась в Клермон за покупками. Он гордился тем, что она поручала ему присматривать за лошадью, если задерживалась в примерочной. Когда ему исполнилось девять лет, его поместили в коллеж в Бийоме, где он изучал латынь и математику. Через два года он поступил в военное училище в Эффиа, по рекомендации дяди, служившего в чине полковника в королевской армии. Сестер его тогда же приняли в пансионат в Сен-Сире.

Революция нарушила размеренное течение их жизни. После провозглашения республики и казни короля Жан Бейль решил эмигрировать, чувствуя угрозу со стороны тех, кого он называл «одержимыми», поскольку был воспитан Кутоном, которого знал с детства, ибо мать Жана жила с ним по соседству в деревне Орсе. Чтобы защитить семью, он отправил жену с тремя детьми на ферму в Бурбонне, где никто не стал бы их искать, сам же пересек границу и обосновался в Пьемонте.

В течение двух лет Франсуа вел жизнь селянина, заботясь о дойных коровах и катаясь верхом на имевшейся в хозяйстве лошади. Слухи о «Великом терроре» затихли, не успев начаться, хотя в Мулене участились аресты. Франсуа был спокоен, зная, что отец его в безопасности, хотя и не имел возможности получать от него известия, пока не грянул Термидор, воспринятый всей страной с облегчением.

Пятнадцатилетний Франсуа тотчас решил продолжить военную карьеру. Армия стала республиканской и служила теперь нации, однако военные учебные заведения сохранили организацию, существовавшую при старом режиме. Бейлю удалось поступить в кавалерийскую школу и окончить ее в чине младшего лейтенанта в 1798 году.

Он был свидетелем восхождения Наполеона на вершину власти, от консула до императора. Он мечтал о том, чтобы служить ему. Храбрость, проявленная во время кампаний, в которых ему посчастливилось не получить ранений, способствовала быстрому продвижению Франсуа по службе: в 1810 году, в возрасте тридцати одного года, он стал полковником 3-го гвардейского конно-егерского полка, чей мундир носил сам император.

В русской кампании он прошел вместе с армией весь долгий путь, однако разделил судьбу гвардии и ни разу не участвовал в сражении. Он посвятил себя поискам крова и фуража, уходу за лошадьми в неблагоприятных для них окружающих условиях.

В ходе московской битвы его полк стоял на участке, откуда он ничего не видел, только слышал ужасающую канонаду. В два часа пополудни он получил приказ выдвигаться вперед. Егеря сели по коням, Бейль в сопровождении двух подполковников поскакал впереди полка. Оказавшись на возвышенности, он увидел небывалое зрелище. На покрытом зеленой растительностью небольшом пространстве кипел ожесточенный бой. Император сосредоточил основные силы по центру, напротив укрепленного редута русских. Сам он расположился на невысоком пригорке метрах в трехстах от Бейля, откуда наблюдал за сражением в подзорную трубу. В окружении императора Бейль разглядел двух маршалов, Бертье и Нея, и денщика, который подавал императору питье. Непрестанно сновавшие туда-сюда гонцы доставляли генералам письменные приказы Наполеона.

Франсуа ждал записки с приказом об атаке. Он полагал, что в качестве цели ему укажут русский редут, окутанный дымом от оглушительных взрывов. С помощью подзорной трубы Бейль мог различить, что там идет яростная рукопашная схватка. Он прикидывал про себя, как будет атаковать. Передний край редута казался ему слишком крутым, чтобы по нему могли взобраться лошади. Вероятно, лучше было обогнуть его справа, где он увидел более пологий откос. Один из гонцов отделился от толпы и направился в сторону егерского полка. Бейль привстал на стременах и узнал Анатоля де Монтескую, который остановился, подняв коня на дыбы.

– Император решил не вводить в бой гвардию! – прокричал он. – Оставайся на месте.

Затем он вновь поскакал галопом, повторяя приказ генералам гвардии, чьи полки стояли в резерве на южной оконечности поля боя.

Так Франсуа Бейлю не довелось сразиться под Москвой. Он испытывал разочарование, пока его эскадрон обеспечивал безопасность императора во время странного шествия от Бородино до Москвы. «Но лишь до этого момента», – подумал он.

Он дождался, не шелохнувшись, пока польская кавалерия скроется за горизонтом, оставив за собой облако серой пыли, указывавшее, в каком направлении она удалилась.

И внезапно почувствовал себя одиноким в огромной Москве.

* * *

Генерал Бейль в сопровождении своего немногочисленного эскорта вновь направился к центру города. Он пустил лошадь шагом и, склонив голову, принялся размышлять о том странном положении, в котором оказался.

Ему подумалось, что он остался в городе один и никто впредь не отдаст ему приказа. Его небольшой отряд хорошо укомплектован надежными подразделениями и храбрыми людьми, однако вокруг него в окрестностях Москвы несколько десятков тысяч русских солдат и казаков, которые ждут лишь приказа, чтобы обрушиться на них. Учитывая это, казалось странным, что Великая армия покинула город без единого выстрела.

Подняв голову, Франсуа Бейль увидел, что проезжает через квартал с красивыми зданиями. Их фасады украшали колонны и фронтоны, а подступы к ним перекрывали высокие железные ограды, увенчанные золочеными наконечниками. На некоторых домах виднелись черные отметины, оставленные пожарами. Единственным звуком, отражавшимся от стен домов на практически пустынных улицах, был стук копыт их собственных лошадей.

Чуть ли не на каждом перекрестке в отдалении им попадались сторбленные фигуры, завернутые в куски серой материи и тотчас исчезающие. Поджигатели это или просто горожане, прятавшиеся, когда все покидали город, задавался вопросом Франсуа Бейль. Думать об этом не имело особого смысла, ибо фигуры исчезали из поля зрения раньше, чем к ним удавалось приблизиться, а заходить в дома было бы слишком рискованно.

За мостом, переброшенным через петлю Москвы-реки, Бейль заметил башни Кремля.

«Что мне там делать?» – спросил он себя. От царившей вокруг пустоты у него слегка кружилась голова. Обернувшись, он удостоверился, что вдоль всей набережной, простиравшейся за спинами его адъютанта и двух сопровождавших их кавалеристов, нет ни живой души, ни повозки, ни собаки. Эта пустота, которая должна была бы вселить в него спокойствие, напротив, начинала его угнетать.

– Мы проедем через Кремль, – сказал он младшему лейтенанту Вильнёву.

Входные ворота охранял французский вольтижер одного из линейных полков. Он сидел на ящике, прислонив ружье к стене, но, едва завидев генерала, вскочил и вытянулся.

– Ты один? – спросил его Бейль.

– Нет, мой генерал, нас четверо. Остальные греются внутри.

Бейль и правда заметил устроенное в стене караульное помещение, откуда струился дымок.

Соборная площадь была пустынна. Сразу за ней несли дозор польские уланы.

Франсуа Бейль изучил плакаты, прибитые к церковным дверям, и не понял ни слова. Он силился различить буквы кириллического алфавита, но помнил всего шесть-семь из них: перевернутую «N», которая означала «и»; букву, похожую на греческую «л» и означавшую «Л», и повернутую в обратную сторону «R», которая произносилась как «я».

Итак, он один в огромном городе, покинутом его обитателями, чьих языка и письменности он не понимает. Бейль спешно разыскал своих спутников и пустил лошадь галопом прочь из Кремля.

Дворец, отведенный ему императорской интендантской службой, располагался в нескольких сотнях метров к северо-востоку от Красной площади. Это было большое здание, незадолго до того возведенное итальянским архитектором, который запечатлел свое имя на фасаде. Языки пожара лизнули дворец, но как будто не причинили ему большого вреда. От здания к улице вела лестница с крышей, которую поддерживали четыре колонны. Солдат стоял на часах в сооруженной из досок хибаре.

Наверху лестницы распахнулась дверь, и показался ординарец Бейля Лоррен, его широкое лицо озарила улыбка.

– Позови конюха Бонжана, пусть займется моей лошастью! – бросил ему Бейль, соскочив на землю, и поднялся по лестнице, звеня шпорами о каменные ступени.

В передней он сел снять сапоги. Они плотно охватывали ноги, поэтому подошедший Лоррен зажал ногу генерала между своими и принялся легкими рывками стаскивать сапог.

Бейль ухватился за подлокотники кресла, чтобы не съехать на пол.

В доме раздавался необычный шум, которого он не слышал долгое время: смешки, французские междометия, звон стаканов о бутылки – веселые и громкие. Это показалось ему чудом: словно он перенесся во Францию, в офицерскую столовую в Монтобане или Сомюре.

Когда он радостно распахнул дверь столовой, то увидел перед собой офицеров своей маленькой армии, которых ранее пригласил на ужин. Они сидели на подвернувшихся под руку ящиках и стульях, расставив ноги и расстегнув жилеты. Каждый держал в руке стакан, на сундуке стояли в ряд пустые бутылки. Едва завидев входящего генерала, они вскочили на ноги и встали по стойке смирно.

– Добрый вечер, господа, – произнес Бейль и с упреком обратился к ординарцу: – Лоррен, я просил занять этих господ на время ожидания. Но я не говорил, что их нужно напоить! Откуда все эти бутылки?

– Из погреба, мой генерал, из погреба графа Шлыкова, если я правильно помню его фамилию. Там еще много осталось! Когда граф Шлыков поспешно покидал город, он распорядился сгрузить в повозки все, что было перед домом, но оставил без внимания то, что за ним, на противоположной стороне двора, где кладовые ломились от провизии.

– И откуда ты почерпнул эти сведения?

– От кухарки, мой генерал!

– Так здесь еще и кухарка есть?

– Да, она француженка, из Лотарингии, как и я. Это она приготовила сегодня ужин. Только она просит, чтобы мы взяли ее с собой.

– Как ее зовут?

– Мари-Тереза. Больше мне ничего не известно.

Офицеры привели свой внешний вид в порядок, застегнули воротники и жилеты. С покрасневшими от выпитого глазами они ожидали распоряжений.

– Садитесь, господа, – сказал им генерал Бейль. – Потрудитесь разыскать стулья. Полковник Арриги сядет напротив меня, остальные – где пожелают. Мы начнем с ужина, а потом обсудим наши планы. Лоррен, налейте мне выпить! Я хочу пить, и мне нужно наверстать упущенное! И откройте окно, здесь душно!

Когда ставни распахнули, в комнату ворвался ветерок, свежий, хотя над домами виднелись отсветы распространявшихся пожаров.

Франсуа Бейля это не волновало. Мысленно он был во Франции. Все его товарищи молоды и беззаботны, как и он сам, красивый дом, где они сидят, вполне мог бы находиться где-нибудь в Авиньоне, а московский пожар – всего лишь костер в лесу!

– Можешь подавать, – сказал он ординарцу. – А мы с вами, господа, давайте будем обращаться друг к другу на «ты», поскольку нам предстоит принять совместное участие в одном забавном приключении.

Вошла кухарка Мари-Тереза и поставила на стол нечто вроде яичного пирога. На вид ей было около двадцати пяти лет, светлые волосы были заплетены в косы и уложены поверх ушей, на русский манер. Ее тонкая талия, округлость бедер, угадывавшаяся под серым сукном длинной юбки, будили желание в мужчинах, давно лишенных женского общества.

Ужин проходил, словно праздник. Все рассказывали о происшествиях, случившихся с ними по пути в Москву. Лошади полковника

3-го драгунского полка отравились во время проливных дождей, которые обрушились на французскую армию сразу после переправы через Неман. Как, чем? Каждый высказал свое мнение. Лоррен беспрерывно наполнял стаканы, спрашивая только: «Красное или белое?» Франсуа Бейль узнал на этикетке название одного из лучших виноградников Бордо. За яичным пирогом последовала речная рыба. Жадные мужские руки то и дело норовили очутиться на талии Мари-Терезы, когда та подходила к столу и собравшиеся, по крайней мере те из них, кому посчастливилось раздобыть стул, откидывались назад, на его спинку. Спустилась ночь. Лоррен и Мари-Тереза разыскали в задней части дома свечи, которые были расставлены по комнате и разливали вокруг себя дрожащий свет. Под радостные возгласы сотрапезников появились бутылки из-под шампанского, обернутые в золоченую бумагу. Кавалеристы предложили свои услуги, отбивая горлышки саблями. Генерал Бейль встал.

– Становится поздно, – сказал он, – Лоррен, освободите стол, нам нужно поработать!

* * *

– У кого-нибудь из вас есть карта Москвы? – спросил Бейль.

Офицеры расположились вокруг стола, опершись на него локтями. Их было десять человек: помощник Бейля полковник Антуан Ариги, четыре капитана артиллерийских батарей, граф Веровский, командовавший польскими уланами, полковник Эмери де Вильфор, под начало которого был поставлен 3-й драгунский полк, и трое командиров пехотных батальонов – Фрежо, Шмидт и барон Гренбер, командовавший швейцарцами.

– Да, – ответил Веровский. – Я принес карту, которую обнаружил на стене дворца генерал-губернатора. Взял ее на память.

Он сходил в переднюю за старательно сложенным листом бумаги.

– Вот, – сказал Веровский, разворачивая карту. – К сожалению, все надписи и названия улиц сделаны кириллицей.

– Это неважно.

Бейль, поблагодарив его, указал пальцем:

– Вот это коричневое пятно посередине – Кремль. А зеленым цветом, должно быть, отмечены сады?

– Да, – подтвердил Веровский, – и здесь можно ясно различить три московских кольца.

– Это дает нам общее представление. Мы должны занять это пространство, заставив русских поверить, будто являемся многочисленным арьергардом Великой армии. Поэтому нам нужно будет произ-

водить много шума и показываться повсюду. Тогда их шпионы не будут знать, что им сообщать.

– Если нам удастся их схватить, что с ними делать? – спросил Фрежо.

Генерал Бейль поразмыслил некоторое время.

– Если будете уверены, что это действительно шпионы, – а я не знаю, как вы сможете в этом удостовериться, – расстреливать.

На мгновение прикрыв глаза, он представил страшную картину: невнятные мольбы, вопли ужаса.

– Поджигателей отпускайте на все четыре стороны! Хотят сжечь Москву дотла – их дело. Мы же уйдем отсюда через три дня. Это они будут спать в пепле вместо кроватей! Разумеется, если они приблизятся к месту нашего расположения, стреляйте в них издалека.

Ординарец Лоррен принялся сметать крошки со стола паркетной щеткой, которую обнаружил в кухонном чулане, и расставлять перед офицерами шаровидные стаканы с гербом графа Шлыкова, чтобы налить в них коньяк из хозяйского погреба.

Генерал Бейль уточнял диспозицию, водя пальцем по карте. Москву он поделил на два участка – северо-восточный под командованием Веровского и юго-западный, вверенный Вильфору. В распоряжение каждого передавались кавалерийский эскадрон, артиллерийская батарея и пехотный батальон. Оставшийся пехотный батальон и две артиллерийские батареи он предполагал разместить поблизости от Кремля под командованием Арриги. Сам Бейль решил обосноваться на Соборной площади, внутри Кремля, в палатке, где его всегда можно будет застать. Принимать пищу и ночевать он собирался во дворце Шлыкова.

«В компании Мари-Терезы», – вздохнул про себя полковник Веровский.

– Днем вам нужно будет усилить конные патрули и приказать пехоте маршировать по улицам. Постарайтесь вновь занять места расквартирования Великой армии, оставленные ею, разместив там ваших людей, и ищите повсюду продовольствие и фураж, которые понадобятся нам на обратном пути. А если увидите неприятельские отряды, воспользуйтесь случаем и дайте несколько пушечных залпов, – заключил Франсуа Бейль озабоченным голосом. – Это наделает шума в городе!

– Какие будут приказания на тот случай, если нас атакует русская армия? – спросил полковник Вильфор.

Он держался очень прямо и носил тонкие черные усы. Дисциплина, которую он завел в своем драгунском полку, славилась на всю армию. Выходец из аристократической перигорской семьи, Вильфор

смотрел на полковника Веровского и на неаполитанского короля как на выскочек, хотя сам был ничуть не выше их.

– Все будет зависеть от численности неприятеля, – ответил ему Бейль. – Если наткнетесь на разъезд, окружите его и уничтожьте всех до последнего солдата, чтобы ни один информатор не смог ускользнуть. Если же их отряд будет более многочисленным, тотчас же отправьте гонца к Арриги, и он решит, какие следует принять меры. В любом случае подготовьте свои войска к отходу через три дня на рассвете. И я хотел бы еще раз напомнить, – заключил он, – чтобы вы хорошенько позаботились о лошадях, они нам очень пригодятся на обратном пути. Еще две вещи. Полковник Веровский, не могли бы вы поискать среди ваших унтер-офицеров тех, кто хоть как-нибудь говорит по-русски, и приставить их к каждому из ваших коллег, чтобы они могли, по крайней мере, разбирать названия улиц? Вы получите их обратно после отправления, когда нам больше не будет нужды что-либо читать! Наконец, прикажите разложить костры в местах вашего расквартирования, большие костры, которые мы разожжем перед самым отходом. Действуйте решительно! Все должно сгореть дотла! Не тронем только церкви и Кремль. Теперь, Лоррен, налей нам кофе.

Без всякого приглашения Фрежо затянул застольную песню. Это была бургундская мелодия, хорошо известная в Великой армии. Офицеры подхватили мотив хором, и их голоса зазвучали среди русской ночи.

* * *

Два дня миновали благополучно.

Патрули кружили по городу и стреляли в отдаленные силуэты, не попадая в них. На второй день небольшой отряд казаков, совершавший вылазку в северных кварталах, был застигнут врасплох польскими уланами, которые вырезали всех до единого.

Но на третий день в четыре часа дня на Красную площадь галопом ворвался всадник, лихорадочно разыскивая пост командующего, полковника Арриги.

– Русские! Русские вошли в город! – в смятении кричал он.

Арриги подумал, что речь идет о русском отряде, пересекающем город с запада на восток, вероятно, с целью нагнать армейский корпус Мюрата.

Он тотчас начал действовать по намеченному плану. Три артиллерийские батареи, поставленные на больших улицах в северной части города, открыли огонь по показавшимся русским кавалеристам. Батареи прикрывали швейцарские и баварские пехотинцы. Польские

уланы сделали несколько вылазок, прощупывая неприятельские позиции, но были вынуждены избегать контакта.

Антуан Арриги написал приказ на листке бумаги, передав его гонцу:

– Доставь это тотчас полковнику Веровскому. Ты знаешь, где он находится?

Пока гонец удалялся галопом, Арриги отправился к Бейлю в Кремль и поставил его в известность об отданных им приказах.

Генерал Бейль одобрил его действия:

– Все это прекрасно, – сказал он ему, – но если русских много и они собираются отвоевать город, – чего я, впрочем, не думаю, – нашим войскам придется отступить к Красной площади. Мы разместим здесь последнюю батарею, и я прикажу Фрежо возвести баррикады. В худшем случае окажемся запертыми в Кремле и попытаемся выйти из него через южные ворота. Однако твои приказы уже достигли цели, – добавил он, – послушай!

С севера Москвы действительно доносились звуки пушечных залпов. Следовавшие через определенные промежутки времени залпы становились все более размеренными.

– Они пристреливаются по целям, – сказал Бейль. – Прошу тебя довести мой приказ до всех подразделений. Мы покинем Москву завтра утром. Поскольку русские, кажется, уже на подходе, мы выступим до рассвета. В пять часов утра все войска должны собраться у южной стены Кремля. Ты пойдешь во главе процессии вместе с драгунами, за тобой последуют артиллерия и три пеших батальона, а я буду замыкать колонну с польскими уланами. Проследи, чтобы все было в порядке!

Взрывы слышались по-прежнему, но как будто стали реже. Быть может, русская армия пыталась всего лишь обогнуть город.

Франсуа Бейль сел верхом на лошадь по кличке Вольта, которую конюх Бонжан тщательно начистил щеткой, и вернулся во дворец Шлыкова, чтобы забыться полусном в свою последнюю ночь в Москве.

Глава VI ПРОЩАНИЕ С ГОРОДОМ

Франсуа Бейль любил атмосферу ночных сборов. Встать пришлось посреди ночи, около четырех часов утра, одеться в темноте, нащупывая ногой сапоги, побриться с холодной водой при неверном свете свечи, поскольку такое правило было заведено среди офицеров императорской гвардии. Он открыл дверь, толкнув ее в ледяную толщу воздуха, и встретил телом порыв ветра. Потом отыскал путь к месту сбора, где толпились темные фигуры, переговариваясь тихими голосами. Когда один из собравшихся рискнул закурить сигарету, в образовавшемся круге желтого света появилось лицо с резкими чертами, выступающими зубами и густыми бровями, – ночь жадно поглотила его, едва погасла спичка. Гнедые крупы лошадей на уровне глаз казались огромными. Животные нервно пятились, стараясь вырваться из рук поводья, неловко схваченные в темноте. Бейль опасался, как бы, несмотря на кожаные сапоги, ему не отдавили ноги.

За внешней неразберихой скрывалась методическая организованность. Группировались отряды, отдавались приказы, и, когда первые лучи солнца упали на крыши домов, окружив их светлым ореолом, стало понятно, что идет подготовка к походу. Спустя полчаса колонна тронулась в путь.

Вот так ранним утром 28 сентября дивизия генерала Бейля выстроилась вдоль южной стены Кремля. Привстав на стременах, Бейль мог окинуть взглядом свое войско: далеко впереди виднелись драгуны верхом на лошадях, за ними – артиллерийские батареи, на орудиях которых играли первые солнечные лучи. За батареями следовали плотные каре пехотных батальонов, дальше – беспорядочная группа небольших телег, на которых теснились последние беженцы и гражданская обслуга. Мари-Тереза перед уходом захватила стаканы и столовые приборы графа Шлыкова, погрузив их в последнюю повозку с белым верхом цилиндрической формы, запряженную двумя русскими лошадьми, которыми правил Лоррен.

Завершал шествие эскадрон польских гвардейских улан. Можно было подумать, что они на параде. Шесть взводов шли друг за другом с одинаковым интервалом самым мелким шагом. Веровский, находившийся в голове, приветствовал Бейля широким жестом.

Последний пустил лошадь галопом и в сопровождении эскорта проскакал вдоль своих войск. Оказавшись на лужайке, тянувшейся вдоль Москвы-реки, он стал отсюда наблюдать за подразделениями, проходившими под кремлевской стеной. Поскольку к тому моменту уже окончательно рассвело, перед ним открылось великолепное зрелище: на фоне красной стены Кремля, над которой возвышались башни Благовещенского собора, стройными рядами маршировали подразделения его маленькой армии. Он доехал вместе с ними до угла стены и остановился напротив крайней башни, у которой солдаты должны были свернуть на юго-восток, чтобы выйти на Смоленскую дорогу.

Дождавшись, когда последний польский кавалерист скроется за углом, Бейль замер на несколько минут, оглянувшись назад и опершись левой рукой на круп лошади. На всем пространстве между кремлевской стеной и зеленой водой Москвы-реки, насколько хватало глаз, не было видно ни одной живой души. В отдалении, в северной части города, столбы черного дыма поднимались над пожарищами, полыхавшими там, где ранее стояли французские войска. Была половина десятого утра 28 сентября. Спустя двенадцать дней после того, как Великая армия вошла в Москву, в городе не осталось ни одного ее солдата.

Глава VII СМОЛЕНСКАЯ ДОРОГА

Путь от Москвы до Смоленска проделали практически без происшествий. Исполняя приказ императора, генерал Бейль медленно продвигался вперед со своей дивизией, которая проходила от тридцати до сорока километров в день. Дорога была сухой. Колею, размытую дождями месяц назад, выровняла Великая армия, пушки и повозки гражданских лиц легко катились по ней.

Русские солдаты почти не показывались. Два или три раза, при свете дня и в вечернее время, на горизонте черными точками появлялись фигуры казаков. По обе стороны от колонны шли по одному эскадрону французской и польской кавалерии. От них отделялся кавалерийский взвод, устремлявшийся галопом вслед за казаками. Если бы ему удалось их нагнать, казаков зарубили бы саблями. Те оборонялись плохо, так как их обременяли тяжелое снаряжение и ружья, перекинутые через плечо и стеснявшие движения. Польские уланы превосходно выполнили свою задачу и понесли незначительные потери. Один-единственный раз русский полк попытался сблизиться с дивизией Бейля. В подзорную трубу генерал видел, как русские наступают плотными рядами. Генерал воспользовался наличием березовой рощи и разместил позади нее в засаде две артиллерийские батареи. Артиллерия подпустила пехотинцев поближе, и, когда открыла по ним огонь, ядра проделали кровавые коридоры в их рядах. Один вольтижер сумел попасть из ружья в полковника, который упал с лошади. Русских солдат охватила паника. Не сумев обнаружить противника, они обратились в беспорядочное бегство.

– Пусть бегут, – приказал генерал Бейль, не желавший, чтобы его кавалеристы тратили силы на преследование неприятеля, – они расскажут своим военачальникам, что повстречались с Великой армией!

Бейль никак не мог понять стратегию русского командования, которое на тот момент словно не решалось преследовать армию Наполеона и не предпринимало попыток ее уничтожения. Чем вызваны эти колебания? Может, русская армия – или ее остатки – слишком далеко к востоку от Москвы, чтобы незамедлительно начать преследование? Может, русские генералы ломают головы над тем, какую цель преследует маневр армейских корпусов Мюрата и Даву, кото-

рые как будто намеревались двинуться по Тверской дороге на Петербург? Или причиной всему разногласия между практически отстраненным от дел Барклаем-де-Толли, непредсказуемым Кутузовым и горячим Беннигсеном?

Как бы то ни было, маневр Наполеона явно удался. Великая армия, во всяком случае то, что от нее осталось после московской битвы, беспрепятственно пересекала Русскую равнину. Она находилась не более чем в пяти днях пути от Смоленска, где собиралась остановиться на отдых. Погода стояла хорошая, было свежо, в отличие от летнего периода, когда по пути в Москву Великая армия до конца августа изнывала от невыносимой жары в сочетании с засухой, не позволявшей в достаточном количестве обеспечить водой десятки тысяч армейских лошадей. Военные инженеры Великой армии рассчитали ей путь от значительной части железного лома, отходов и стволов поваленных деревьев, брошенных на дороге неприятелем, чтобы замедлить ее продвижение. Каждое утро на рассвете генерал Бейль всматривался в небо на северо-востоке, откуда дул ветер, желая удостовериться, не принесет ли он с собой дождь, опасный прежде всего тем, что его людям пришлось бы пробираться по жидкой грязи. Однако небо оставалось ясным.

На развилке Смоленской дороги, где она разделялась на Старую Смоленскую, поворачивающую на юг, и Новую Смоленскую, забравшую к северу, Бейль сознательно выбрал последнюю, что давало ему возможность пройти мимо места московской битвы. Он не мог увидеть его издалека, пока находился за складкой местности, на которой тогда стояла императорская гвардия.

Через два дня он прибыл в деревню Бородино. Было четыре часа пополудни. Заметив на обочине дороги длинное приземистое строение, от которого открывался вид на всю местность, он соскочил на землю, отдал поводья своей Вольги конюху Бонжану и сел на каменную скамью у фасада. Судя по земле, изрытой следами сапог и лошадиных подков, в этой избе, должно быть, во время битвы размещалась ставка русского командования. Бейль взялся за подзорную трубу, которую носил за спиной. Он раздвинул ее и, уперев локти в колени, чтобы не дрожали руки, принялся жадно разглядывать местность.

Слева, в двух-трех километрах, он узнал небольшой пригорок, с которого император наблюдал за битвой (да, скорее наблюдал, чем руководил, подумал про себя Бейль). За ним, отделенная теневой полосой, простиралась ложбина, в которой стояла в резерве гвардия. Бейль находился там, где ранее были русские генералы, и, поставив себя на их место, рисовал в воображении передвижения французской армии, готовившейся к атаке.

Перед ним, по-видимому, лежал тот самый участок реки, который пытались форсировать армейские корпуса принца Евгения и маршала Груши.

Чуть дальше, посреди долины, горы взрытой и разбросанной земли, вероятно, указывают, подумал он, на расположение знаменитого русского редута, возведенного по приказу Кутузова.

Бейль сказал полковнику Арриги, чтобы тот продолжил руководить движением колонны и позаботился о ее расквартировании неподалеку от ближайшей деревни, которая, вероятно, лежала в руинах, после чего вскочил в седло и в сопровождении лейтенанта Вильнёва помчался галопом в направлении русского редута.

Внезапно в лицо ему ударил резкий порыв ветра, поднявшего с земли серое облако. Он принес с собой тяжелый, отвратительный, тошнотворный запах. Бейль поднял лошадь на дыбы. Этот запах шел с поля боя – от разлагавшихся трупов, которые в течение больше чем двадцати дней не были ни погребены, ни вынесены с поля боя, от человеческих и лошадиных экскрементов. От смрада перехватывало дыхание. Бейль достал из кармана большой носовой платок и поднес ко рту, стараясь не дышать носом. Он пустил лошадь шагом и поехал дальше, полуприкрыв глаза, чтобы не видеть окружавшую его картину: обезглавленные тела, оканчивавшиеся обрубок, вымазанным красно-белой кашей, лошади с раздутыми животами, лежавшие в нечистотах, засыпанные землей ружейные приклады и невообразимое нагромождение колес, покореженного железа, грудных клеток и животов, развороченных артиллерийскими снарядами.

Бейль по-прежнему погонял свою лошадь, ибо хотел добраться до редута, но внезапно кровь застыла у него в жилах. Перед ним лежал кто-то и смотрел на него. Французский вольтижер с широко открытыми глазами, с кивером на голове и затянутым на подбородке ремешком, наполовину свесился с зарядного ящика. Его лицо, словно мох, покрывала сизая борода. Тело его обрывалось на уровне пояса, но глаза остались целы и устремляли на генерала Бейля пристальный взгляд, словно исполненный упрека, который уже не нуждался в ответе. Тот, кому адресовался упрек, почувствовал, что больше не в состоянии выносить эту сцену. Зловонный воздух просочился сквозь его усы и смешался со слюной. Он резко развернул лошадь и перевел ее на рысь. Животный инстинкт помогал ей не наталкиваться на трупы и обломки, словно ей был известен путь, который вел прочь из этого ада. Она высоко поднимала ноги, чтобы ничего не задеть.

Едва выбравшись на дорогу, Бейль отшвырнул платок на землю. Однако он тотчас вспомнил, что этот платок старательно вышивала для него матушка, сидя на террасе в Англаре. Он спешился, поднял

платок, сложил его по линиям, оставленным утюгом, и убрал в карман. Затем вновь сел в седло и, нахлестывая лошадь, помчался галопом. Ему хотелось убежать от ужасного запаха, от хаотичного смешения железного лома и плоти и застывшего взгляда вольтижера, который смотрел ему прямо в глаза. Вот какова война, ужасающая реальность, столь отличная от картин, представившихся ему в молодости, с кавалерийскими атаками среди зеленых лугов и одетыми в парадные мундиры пехотинцами, взбирающимися на холмы!

Полковник Арриги поджидал его в нескольких сотнях метров.

– Что, повидал место сражения?

– Да, это ужасно! Надеюсь, мне никогда больше не придется туда возвращаться.

Арриги, с живыми глазами и носом с небольшой горбинкой, как у императора, взглянул на него искоса.

– Конечно ужасно, – сказал он, – но мы на войне, и она еще не закончена!

Они припустили рысью, чтобы нагнать колонну, и поехали плечом к плечу, касаясь друг друга стремями и не произнося ни слова.

* * *

Три дня спустя, после полудня, они прибыли в Вязьму – небольшой городок на полпути между Москвой и Смоленском. Как ни странно, этот городок (скорее, большая деревня, населенная крестьянами) уцелел и при отступлении русской армии, которая не стала его сжигать, и после прохода Великой армии, оставившей повсюду следы своего присутствия: пустые полотняные мешки, оловянные ведра, брошенные повозки со снятыми колесами. Вдоль главной улицы, длинной и кривой, стоял ряд маленьких деревянных домов, выкрашенных в светлые тона, среди которых преобладали синий и зеленый. Все ставни были заперты, однако возникало странное чувство, что жители не покинули город и где-то прячутся.

Драгуны вошли в город первыми, в сопровождении артиллерии, и принялись устраиваться там, где главная улица выходила за пределы города. Пехотным батальонам, по всей видимости, предстояло разместиться в окраинных районах.

Генерал Бейль в сопровождении лейтенанта Вильнёва прибыл на квадратную центральную площадь, окруженную самыми большими городскими зданиями из белого камня в три этажа. Одно из них, с золотыми буквами на фасаде, которых Бейль не мог разобрать, должно быть, имело административное назначение. Похожее сооружение на другой стороне площади выглядело как жилой дом – вероятно, резиденция городского главы. Ординарец Лоррен, расположившийся ла-

герем перед этим домом, двери которого были открыты, делал выразительные жесты, прося подойти к нему.

– По словам русского слуги, здесь всего четыре дня назад пребывал император, – высокопарным тоном заявил он спешившемуся генералу Бейлю. – Я подумал, что вы могли бы тут переночевать, да и полковник Арриги, наверное, тоже, потому как дом просторный! Следуйте за мной, я вам его покажу.

Бейль поднялся по лестнице и очутился в передней, довольно опрятной, но без какой-либо мебели. К своему удивлению, он узнал кухарку Мари-Терезу, стоявшую перед дверью в комнатку, которая, должно быть, служила кухонной кладовкой. Она распустила свои заплетенные на русский манер косы, и ее светлые волосы падали на плечи. Длинную серую юбку сменило синее платье с передником из довольно грубого бежевого кружева.

Бейль протянул ей руку, сказав:

– Добрый день, Мари-Тереза, рад видеть вас здесь. Итак, вы решили составить нам компанию?

– Да, генерал. Сержант Лоррен передал мне ваше распоряжение. Он сказал мне, что вам понадобится кто-нибудь, чтобы стряпать в пути. Я сегодня же приготовлю вам ужин. Он также сообщил, что вам нужен переводчик.

Франсуа Бейль не припоминал, чтобы отдавал такое распоряжение или чтобы у него спрашивали о чем-то подобном. Но, конечно, француженке, подумал он, лучше было сбежать от зверств, которые наверняка творились, пока русские снова занимали Москву.

– До встречи, Мари-Тереза, – сказал он. – Я ужинаю сегодня вечером в семь вместе с полковником Арриги.

Бейль следом за ординарцем поднялся по лестнице на второй этаж, такой же просторный, как и первый. Лестничная площадка служила прихожей, по сторонам которой располагались двустворчатые двери.

– Здесь спал император, – произнес Лоррен, отходя в сторону и пропуская генерала в комнату. Из мебели там была только деревянная кровать, поставленная на четыре квадратные ножки и состоявшая из перекрещенных планок, на которые клался матрас. Две белые подушки лежали вплотную к стене, угол комнаты занимал туалетный столик цвета желтой черешни. У ножки стола стоял кувшин с водой.

– Спасибо, Лоррен, – сказал Франсуа Бейль. – Теперь мой черед спать здесь, только раздобудь мне одеяло.

– Это легко. Там есть еще стенной шкаф с бельем.

Бейль пересек прихожую и открыл другую дверь. В той комнате мебель также отсутствовала, а стены покрывали черные трещины.

– А тут кто спал? – спросил он.

– Маршал Бертье.

– Приготовь эту комнату для полковника Арриги.

* * *

После ужина Бейлю сразу же захотелось подняться наверх. Он устал. Посещение поля битвы истощило его нервные силы. Поднимаясь по лестнице, он слышал ружейную пальбу.

– Что бы это могло быть? – спросил он полковника Арриги, поднимавшегося вместе с ним.

– Наши часовые, – ответил Арриги. – Этой ночью на часах стоят солдаты швейцарского батальона. Они расставлены вокруг всего города, группами по пять человек, чтобы не проспать, и у них приказ стрелять по всему, что движется.

Очередной залп разорвал тишину ночи.

– Доброй ночи, Арриги, – сказал Бейль. – Завтра выдвигаемся в шесть часов. Если я просплю, можешь меня разбудить?

– Да, можете на меня рассчитывать. Доброй ночи, мой генерал.

– Не генерал! Франсуа.

– Доброй ночи, Франсуа.

Обе двери в прихожей захлопнулись одновременно.

* * *

Франсуа Бейль чувствовал себя опустошенным от усталости. Видения Москвы продолжали его преследовать и били по нервам, натянутым, словно струна. Он решил не раздеваться. С трудом стащил сапоги и остался в рейтузах и белой рубашке с расстегнутым воротом. Затем вытянулся во весь рост на планках кровати, жесткость которых смягчало одеяло, раздобытое Лорреном. Франсуа раскинул руки и ноги и закрыл глаза, намереваясь заснуть. Немного времени спустя он услышал легкий шум, словно кто-то скребется. В дверь постучали.

– Кто там? – спросил он.

Ответа не последовало.

– Кто там? – повторил Франсуа. – Войдите!

Дверь открылась, и появилась Мари-Тереза. На ней было все то же синее платье, но передник она сняла, а в руке держала подсвечник. Она подошла к кровати, на которой лежал Бейль.

– Я пришла сказать вам спасибо!

– Но тебе не за что благодарить меня.

– Нет, генерал! Я вам всем обязана! Если бы вы не распорядились взять меня с собой, то русские, вернувшись в город и обнаружив там

француженку, разорвали бы меня на части, мучая и насилуя. Вот за это я и хочу отблагодарить вас!

Мари-Тереза подошла еще ближе. Она приподняла обеими руками подол своего платья и села на колени к Франсуа, обхватив его шею руками. Бейлю показалось, что под жесткой тканью платья он чувствует гладкую кожу ее бедер.

– Не стоит меня благодарить, Мари-Тереза, – ответил он ей. – Я сделал лишь то, что должно!

Она спрятала лицо на плече у генерала, затем спокойно, без назойливости, продолжила:

– Я вижу, что вам от меня ничего не нужно! Вы держите меня за девку, которая спит с русскими. Вы ошибаетесь. Сам граф Шлыков нанял меня в Нанси. Он посещал Лотарингию и искал хорошую куртку, чтобы взять ее к себе на службу, но его не интересовали женщины, да и ничто другое, за исключением, быть может, его коллекций. Что до московской прислуги, то все они были скотами и пьяницами, и я не позволяла им до себя дотрагиваться. Был там один хороший молодой человек, сын управляющего, который влюбился в меня без памяти. Я позволяла ему кое-какие ласки, но не давала заходить слишком далеко. Вы же сразу показались мне красивым, и тем сильнее мое желание отблагодарить вас.

Мари-Тереза выпрямилась, охватила ладонями лицо Бейля и надолго припала губами к его губам, потом отстранилась.

– Если вы ничего от меня не хотите, я не буду тревожить ваш сон.

– Все не так, Мари-Тереза. Я нахожу тебя очень красивой и желаю тебя. Но посмотри, где мы находимся, и что меня ждет...

По какому-то совпадению два ружейных залпа грянули одновременно в разных концах города.

– Я не могу позволить дать себе волю. Позже, если ты по-прежнему будешь этого хотеть, я буду счастлив встретиться с тобой. Возможно, когда мы доберемся до Варшавы.

Мари-Тереза подалась назад. Ее глаза сверкнули.

– Может, вы забудете об этом, оказавшись там! – сказала она. – Но я буду помнить и напомню вам в Варшаве! Я буду вас там ждать.

Она встала и шагнула к двери, оправляя платье. Франсуа Бейль провожал взглядом ее руки, которые тщательно разглаживали складки ткани на бедрах. Внезапный прилив желания поколебал его решимость. Он вскочил и нагнал Мари-Терезу у самого выхода. Он повернул ее к себе, схватив за плечи, и обнял сначала нежно, потом страстно, несмотря на беспокойную ружейную пальбу, возобновившуюся в ночи. Ее губы на вкус были сладкими и пахли малиной.

Франсуа Бейль вернулся в постель и вновь вытянулся во весь рост в ожидании сна. Однако тот долго не шел, ибо визит Мари-Терезы оставил Франсуа взволнованным и неудовлетворенным.

Ставни на окнах были наполовину прикрыты, на площади перед домом царило безмолвие. По комнате разливался бледный полусвет.

На лестнице послышался легкий шум, какое-то шуршание. Как будто кто-то поднимался по лестнице на цыпочках. Бейля поразила недобрая мысль, разжегшая в нем ревность. Что, если Мари-Тереза, разочарованная его отказом, решила выразить свою признательность полковнику Арриги?! Бейль жадно прислушивался. Шум не стихал, хотя его стало едва слышно. Вне себя от гнева он выпрыгнул из кровати, устремился к двери, открыл ее. В прихожей было темным-темно и пусто. Из-под двери полковника Арриги не пробивались лучи света. Он уловил движение на лестнице – по всей видимости, там прошмыгнул какой-то мелкий зверек вроде мыши.

Бейль снова лег в постель, злясь на самого себя.

Три дня спустя, утром, дивизия Бейля шла вдоль правого берега Днепра, который в этом месте был небольшой речушкой. До Смоленска оставалось около тридцати километров.

По правому берегу друг за другом двигались два кавалерийских эскадрона, прикрывая южный фланг от возможных атак казаков. Их было едва видно за изгибами местности, из-за которых они то и дело показывались на горизонте.

За ними, по центру колонны, следовали пехота и артиллерия во главе с полковником Арриги, гарцевавшим на своем вороном коне. Они шли по хорошей прямой дороге, проложенной в свое время по приказу Екатерины II для переброски войск к польской границе. На том же правом берегу генерал Бейль шагом ехал на лошади и всматривался в противоположный берег Днепра, желая удостовериться, что на прилегающей к реке равнине не наблюдается движения русских войск. Он искал следы моста, по которому армейский корпус Жюно сумел переправиться через реку в ходе кровавого и жестокого сражения во время похода на Москву, закончившегося взятием Смоленска. На память ему приходили эпизоды той битвы, ибо именно тогда у него появились первые сомнения насчет физического и душевного здоровья императора.

Бейль позволил лошади идти самостоятельно, с ослабленными поводьями и опущенной головой. По обеим сторонам от лошадиной шеи висели его седельные пистолеты с перламутровыми рукоятками,

убранные в прикрепленную к седлу кожаную кобуру. Он получил их в подарок от дяди — генерала королевской армии. Земля была мягкой, словно песок, из нее торчали редкие стебли сухой травы. С реки доносились пронзительные крики водоплавающих птиц, занятых поиском рыбы. Ничто не нарушало течения мыслей Франсуа Бейля.

Он размышлял о том, как изменился император в последнее время. В Великой армии эта тема обходилась молчанием почти с религиозным благоговением. Никто не осмеливался обмолвиться об этом ни единым словом, хотя все признаки были налицо. Император пополнил, скорее даже опух. Толстый слой жира покрывал некогда рельефные мышцы. Линия волос отошла ото лба, оставив лишь причудливый черный клок. Вокруг глаз легли темные тени. И что особенно бросалось в глаза, почти исчезла его энергичность, необычайная живость, заставлявшая императора скакать галопом с одного края поля боя на другой, как при Аустерлице, отдавая приказы и руководя движением войск. Бейль заметил это, когда после взятия Смоленска русская армия находилась в очень уязвимом положении, лишенная свободы для маневра, а император замешкался и не отдал вовремя приказы, которые позволили бы ее уничтожить без лишних потерь со стороны Великой армии. Вопреки своему обыкновению, Наполеон не остался на поле боя и повернул к Смоленску, поручив маршалу Нею завершить сражение. На обратном пути Бейль лично вместе со своими гвардейскими егерями сопровождал Наполеона.

Столь же тягостное впечатление оставила у него и московская битва. Пока его полк стоял за холмом, на котором расположился император, он сумел кое-что подметить. Ни разу Наполеон не сел на коня и не отправился проследить за передвижениями войск на своем левом фланге. Все утро он просидел на одном месте, в то самое время, когда решался исход сражения, составляя приказы на стоявшем перед ним маленьком столике. Императорский камердинер Рустан часто подавал ему питье — горячее, судя по поднимавшемуся вверх пару. Впоследствии Бейль узнал, что император страдал от насморка или гриппа, но этого было недостаточно для объяснения его инертности.

Самый тяжелый для него момент настал после драматического взятия русского редута тяжелой французской кавалерией, когда кирасиры рубили саблями артиллеристов, пока те наводили на них свои пушки. Было около половины третьего дня. Ней и Мюрат обратились к императору с просьбой срочно задействовать резервы, чтобы окончательно разгромить русских. Бейль находился слишком далеко от палатки Наполеона, чтобы понять, какой смысл заключался в непрерывной отправке гонцов, но в конце концов догадался, в чем дело, когда, наряду с другими гвардейскими полками, получил при-

каз оставаться на месте и не вступать в бой. Этот приказ показался ему отвратительным. На гвардию приходилось более четверти всех французских войск, участвовавших в сражении. Целая и невредимая, она жаждала действия. Она не для того прошла более двух тысяч километров, чтобы остаться в стороне во время решающего сражения всей кампании. Если бы гвардия получила приказ атаковать, то разнесла бы в клочья русские войска, измученные и наполовину разбитые в ходе утреннего боя. Бейлю подумалось, что отказ Наполеона вызван неоправданной осторожностью как раз в тот момент, когда требовалось превратить победу в триумф, или, хуже того, нехваткой воли, неспособностью принять решение, что свидетельствовало о закате гения великого человека!

Направляя вперед свою лошадь, Бейль пытался теперь оценить недостатки и опасности системы, в которой все зависело от власти одного человека, обреченного на неизбежное угасание.

На собрании в Москве во дворце генерал-губернатора Наполеон, казалось, в полной мере проявил свой исключительный ум и способность стратегически мыслить. Его решение немедленно уйти из Москвы было ободряющим сигналом, но что, если его способности командовать на поле боя и маневрировать войсками начали иссякать? Все так хрупко, несмотря на внешнюю видимость, рассуждал Франсуа Бейль: наследнику престола всего год, среди германских правителей многие не прочь его предать, при проходе через территорию Пруссии население открыто демонстрировало антифранцузские настроения, да и Англия – циничный и грозный противник, готовый воспользоваться любыми средствами, тем более сейчас, после побед, одержанных Веллингтоном в Испании! Да, все так хрупко, повторил про себя Бейль. Нужна победа и хорошее лекарство...

– Мой генерал! – раздался позади него крик лейтенанта Вильнёва. – Мой генерал, взгляните вперед. Те дымки вдалеке – это из городских труб. Мы подходим к Смоленску!

Глава VIII НЕДЕЛЯ В СМОЛЕНСКЕ

Войдя в Смоленск, генерал Бейль хотел получить представление о состоянии города, который он видел в языках пламени чуть больше месяца назад, во время сражения 18 августа. Он проехал верхом по улицам в сопровождении полковника Арриги и девяти командиров подразделений.

Для начала они объехали город по периметру, по улицам, идущим вдоль линии укреплений. Огромные кирпичные стены высотой восемь и шириной до пяти метров сначала французы, а потом русские превратили постоянными артиллерийскими обстрелами в кучи земли и груды черепицы. В стенах виднелись широкие бреши, через которые входили штурмовавшие город солдаты. Из всех башен, предназначенных для защиты стен, сохранилась только одна, да и у нее верхняя часть была причудливым образом срезана.

За руинами крепостных стен по обоим берегам Днепра виднелись полукружья холмов, опоясывающих город. Мост через реку инженеры Великой армии предусмотрительно восстановили.

Бейль с отрядом кавалеристов направился к центру города. По его наблюдениям, две трети домов сгорели в пожаре. Из мирного населения ему попадались на глаза в основном женщины и дети, копошившиеся в развалинах. По улицам ходили евреи, которых легко было узнать по одежде и густым черным бородам. До войны население города составляло наверняка от двенадцати до пятнадцати тысяч человек, думал Бейль, сопоставляя Смоленск с похожими французскими населенными пунктами. Но за время сражений большинство жителей либо погибли, либо сбежали. Остались немногие, так как после ухода русских войск Великая армия прошла сквозь город почти без остановки и на пути к Москве, и возвращаясь обратно.

Французская армия покинула Смоленск двумя днями ранее. Как заметил Бейль, она сделала большую работу по расчистке города. Большинство мостовых были разворочены, но по ним могла проехать повозка. На дорогах не валялись трупы или оторванные конечности. Вероятно, их сложили в двух городских больницах, коридоры которых больше походили на бойни. А раненые, увечные, хромы уныло бродили по улицам, опираясь на костыли, вырезанные из досок.

Сколько же тут еще жителей? Наверняка меньше тысячи. Но необитаемым город назвать нельзя.

Бейль остановил лошадь на центральной площади и развернулся лицом к офицерам, чтобы дать им указания. Все остались в седле. Он заговорил громко, поскольку вокруг них не было никого, кто мог бы его услышать (а если бы кто-то и услышал, то вряд ли понял бы французскую речь).

– Мы прибыли сюда на неделю, так как должны дать Великой армии отойти подальше. Вместе с тем нам нужно создать у русских военачальников ложное впечатление о величине наших сил, и о нашем намерении удержать Смоленск. Это означает, прежде всего, что мы должны быть способны выстоять здесь какое-то время. Поручаю вам, полковник Арриги, обеспечить дежурство на крепостных стенах или на том, что от них осталось, и оборону города. У вас будет три батальона пехотинцев и две артиллерийские батареи. Но нам следует также показываться к северу и к югу от реки. Это, безусловно, задача кавалерии. Польские уланы – на север, французские драгуны – на юг. Вам будет придано по бригаде артиллерии. Каждый вечер собираемся в 18 часов и намечаем операции на следующий день. Сегодня пятница. Мы можем запланировать выход из Смоленска на следующую субботу, если только император приказом не назначит нам другую дату. Выходить будет нелегко, так как нас, вне всяких сомнений, окружит русская армия. Но мы выиграем эту Смоленскую битву!

Во время его речи площадь галопом пересек какой-то всадник. Это оказался адъютант генерала, лейтенант Вильнёв, с важной новостью.

– Мой генерал, только что я встретил интендантское подразделение армии маршала Нея, которое осталось в городе, чтобы помочь нам разместиться здесь.

– Где они? Ведите нас к ним.

Офицеры поскакали за лейтенантом Вильнёвом в северо-западную часть города.

– Этот квартал пострадал меньше других, – пояснил он генералу. – Бои в основном шли в другой стороне.

Они прибыли на прямоугольную площадь, распланированную в екатерининском стиле. В центре стоял постамент конной статуи, но сама статуя была сброшена на землю. Бейль подумал, что, скорее всего, это русский царь Петр I. На углу площади его ждала небольшая группа людей в серовато-синей интендантской форме.

– Кто вы? Что здесь делаете? – спросил Бейль, когда его лошадь приблизилась к группе.

– Прапорщик Конишар, мой генерал! – отрапортовал тот, кто выглядел старшим по званию. – Мы из интендантской службы 1-й ар-

мии, получили приказ помочь вам с размещением. В ожидании вашего прихода прятались в городе.

– Почему прятались?

– Да тут кишмя кишат шпионы и бандиты всех мастей. Попадись мы им, нас бы всех поубивали и, наверное, сожгли бы. Но нам сказали, что вы неподалеку и ждать вас придется не дольше одного дня.

– Шпионы, попадавшие мне, казались довольно безобидными, – ответил Бейль, – но вы правильно поступили, приняв предосторожности. И что же вы можете нам показать, Конишар?

– Во-первых, дом, зарезервированный для вас, генерал. Я вас туда проведу. Это небольшой дворец, здесь же, на площади. А тем временем мои подчиненные покажут вашим офицерам квартиры для их людей. Не шикарно, но там же размещалась и Великая армия. Извольте следовать за мной.

Конишар подвел Бейля к двум красивым зданиям, расположенным на другой стороне площади, прямо напротив статуи.

– Это дворцы князя Калиницкого, – рассказал Конишар. – Он построил их два, один для себя, другой для сына, который служил полковником в русской армии. Оба уже умерли, и теперь в том доме с красивой дверью проживает графиня Калиницкая, невестка князя. Если вам подойдет, займете соседний дом. Там же селился и маршал Ней, который поручил мне передать вам привет от него. Просто чудо, что здание сохранилось почти нетронутым. Каменные стены пережили пожар, который наши войска быстро потушили!

Прапорщик подошел к двери соседнего дома и потянул за ручку звонка. Внутри послышался звон колокольчика, и дверь отворилась. Ее открыла женщина в традиционной одежде русской служанки: длинном черном платье и фартуке с белыми лямками, перекрещенными на груди. Седые, туго уложенные волосы были обвязаны белой накрахмаленной широкой лентой. Она прошептала несколько слов, которые, вероятно, означали приветствие.

– Ее зовут Анна, – пояснил Конишар. – Она говорит только по-русски. Будет вам прислуживать вместе с вашей французской прислугой, потому что знает дом. Но не стоит ей доверять. Мне кажется, она обманщица и водится со шпионами.

У Анны были голубые стальные глаза и бегающий взгляд. «У Лоррена появится достойный противник», – подумал Бейль.

– Извольте, я покажу вам внутренние помещения? – предложил Конишар.

Он взобрался впереди Франсуа Бейля по лестнице на второй этаж. Поднявшись наверх, Бейль огляделся. Дом очень красиво обставлен, подметил он. Просто чудо, что все это уцелело во время пожаров. Мебель напомнила ему родительский особняк в Англаре.

Прихожую украшали два комода красного дерева в стиле Людовика XVI, несомненно сделанные во Франции.

Наблюдавший за генералом Конишар пустился в объяснения:

– Любуетесь мебелью? Она почти вся привезена из Франции. Отчасти служила приданым молодой графини, ее дед, граф Суваровский, некогда был русским посланником во Франции при царице Екатерине.

Из прихожей вело несколько дверей, Конишар открыл среднюю. За ней оказалась гостиная, украшенная фамильными портретами.

– Это мать графини, польская аристократка, – указал Конишар пальцем на полотно, изображающее вполоборота утонченную даму в длинном платье из синего шелка и отороченной мехом пелеринке. – Кажется, она живет в Варшаве.

Затем он открыл крайнюю правую дверь.

– А вот ваша спальня. Ее занимал маршал Ней, а до того – муж графини. Он был офицером русской армии и погиб в битве при Фридланде.

Комната была просторной, с двумя окнами, выходящими на площадь. Впритык к стене стояла большая кровать с балдахином, ближе к двери – письменный стол с креслом, развернутым к одному из окон. Напротив входной двери висел прямоугольный ковер с польскими, по всей видимости, гербами. Франсуа Бейль с удивлением и радостью рассматривал комнату, где ему предстояло ночевать ближайшую неделю.

Вернувшись на лестничную площадку, он обратил внимание на дверь слева от лестницы.

– А куда ведет эта дверь? – поинтересовался он.

– Она заперта, – ответил Конишар. – Она ведет в коридор, связывавший два дома до смерти старого князя. С того момента, как молодая графиня с маленькой дочкой переехали во дворец, этот переход оставался закрытым. Маршал Ней задал мне тот же вопрос, что и вы. Я передал его графине. Она ответила, что с той поры эта дверь строго разделяет два дома, и не может быть и речи, чтобы ее открывать.

Франсуа Бейль и интендант спустились вниз.

– С вашим обслуживанием справятся ваш ординарец и кухарка с помощью этой неприятной Анны, – сказал Конишар. – Они будут спать не здесь. Я оставил для них подходящие комнаты в том здании у края площади, которое занимали мы с друзьями.

– А! Там, где вы прятались! – шутливо прервал его Бейль.

– Именно, – огрызнулся Конишар, раздраженный насмешкой. – Иначе я не смог бы вам сейчас помочь.

– Хорошо, хорошо! Не хотел вас обидеть, – произнес Бейль. – Это правда, без вас наше пребывание здесь было бы организовано совсем иначе.

– Я приказал Анне подать вам ужин в 7 часов. Сколько вас будет за столом?

– Четыре человека: мой помощник и двое командующих кавалерийскими эскадронами. Не могли бы вы предупредить их, а также заняться их размещением? – спросил Бейль и добавил, чтобы избавиться от легких остатков угрызений совести: – Надеюсь, я не слишком обидел вас напоминанием о том, что вы прятались?

– Не слишком, мой генерал. Мы все сейчас живем на нервах, но все-таки живем, и это главное!

* * *

Поднявшись после ужина в спальню, Франсуа Бейль лег на широкую кровать с тонким бельем, не снимая одежды, потому что слишком устал, чтобы долго раздеваться. Он еще раз осмотрел комнату при свете свечи, стоявшей на столике около кровати, удивился причудливости ситуации, в которой оказался. Он лежал в изысканном доме с прекрасной французской мебелью, такой же, как у его родителей. Однако вокруг него была не Овернь, а нескончаемые русские просторы, по которым со всех сторон перемещались вражеские солдаты. Они где-то собирались, возможно, совсем близко, ждали подкреплений, спешащих со всей страны. Однажды они на нас нападут, думал Бейль. Сможем ли мы выдержать столько, чтобы прикрыть отход Великой армии, которая в трех днях перехода от нас? Окажусь ли я способен на это?

Так и не найдя ответа, Бейль заснул.

* * *

На следующий день, в субботу 10 октября, стояла ясная сухая погода, с легким ощущением морозной свежести. Солнце, пусть и осеннее, неяркое, придавало городу почти нарядный вид, разрушенные стены домов теперь выглядели как зубчатые края на театральной декорации. Генерал Бейль проехал по улицам верхом, направляясь на центральную площадь, где решил разместить свой командный пункт в том, что осталось от губернаторского дворца, разрушенного на три четверти.

Ему казалось, что взгляды жителей исполнены неприкрытой ненависти и злобы, за исключением нескольких проходивших евреев, глаза которых выдавали осторожное любопытство. Придя во дворец, он нашел там командиров девяти своих подразделений, собравшихся

в единственной уцелевшей комнате. Интенданты принесли туда деревянный стол и поставили разномастные деревянные стулья. Когда все расселись, в комнату вошел Лоррен с оловянным кувшином, в котором дымился кофе, за ним появилась улыбающаяся Мари-Тереза в красном хлопчатом платье, на подносе в ее руках стояли стаканы. Генерал Бейль начал разговор о размещении с проверки исполнения приказов:

– Вчера я отдал приказания. Вам удалось их выполнить?

Все офицеры ответили утвердительным кивком головы.

– Наша главная трудность, – продолжил Бейль, – состоит в том, что мы не знаем настоящего расположения русских армий и их намерений относительно Смоленска. Пойдут ли они севернее Днепра к Витебску? Или обогнут Смоленск с юга и двинутся на Минск? В любом случае они постараются нас уничтожить, потому что не могут оставить в тылу такой очаг сопротивления в тот момент, когда им предстоит битва с Великой армией. Наступит время, когда придется выбирать. Для правильного выбора нам необходимо располагать сведениями о передвижениях русских войск. Предоставят ли нам эти сведения наши кавалеристы? – обратился он с вопросом к полковникам Вильфору и Веровскому.

Но прежде чем те успели ответить, вмешался полковник Арриги.

– Мне кажется, – сказал он, – русская армия выберет южную дорогу. Я много размышлял над этим. Судя по тем немногим признакам, о которых нам сообщили поляки, Кутузов, видимо, собирает силы и обучает новобранцев в районе Тулы, к югу от Москвы. Если он хочет нагнать Великую армию, то ему нужно будет выбрать кратчайший маршрут. Обойдя Смоленск с севера, он удлинил бы свой путь более чем на сто пятьдесят километров, то есть на три дня непрерывного перехода. Именно поэтому я считаю, что нам следует ожидать их на юге.

– Что скажете на это, господа? – произнес Бейль, поворачиваясь к двум полковникам-кавалеристам.

– Казаки, которых мы ловили в эти дни, показывали, что пришли с юга, – ответил Веровский. – Мы убили лошадей под ними, а выживших отпустили пешком. Не думаю, что они могли далеко уйти.

– А ваше мнение, Вильфор?

– Ничего не могу вам сказать, Франсуа, – ответил полковник де Вильфор, у которого безапелляционный тон Арриги вызвал явное раздражение, – у меня нет никаких точных сведений. Когда мои драгуны встречают казаков, то ограничиваются тем, что рубят их саблями, потому что все равно не смогут вытянуть из них ни одного понятного слова, кроме дикого бормотания! Может, рассуждения Арриги верны, но есть и другая возможная гипотеза: Кутузов попытается

разгромить корпуса Мюрата и Даву и одновременно защитить дорогу на Петербург на тот случай, если император решит предпринять внезапную операцию в том направлении. В таком случае Кутузов двинется на северо-запад и застанет нас врасплох.

Генерал Бейль задумался. Обе версии стоило рассмотреть.

– Нам необходимо заблаговременно получить сведения о перемещениях русских войск. Попробуйте выслать ваших кавалеристов на разведку как можно дальше по равнине, только будьте осторожны! Мы не можем себе позволить потерять много людей накануне неизбежной битвы. Даю вам два дня на сбор информации. Завтра вечером соберемся вновь, сделаем окончательный выбор относительно размещения наших сил. Благодарю вас, господа!

Офицеры встали, отодвинув каблуками табуреты, отдали честь генералу и гуськом вышли из комнаты на площадь, где стояли их лошади.

Когда Франсуа Бейль, в свою очередь, вышел из здания, то увидел, что главная площадь по-прежнему выглядит яркой и праздничной, несмотря на протянувшиеся наискосок тени. «Удивительно, – подумал он, – достаточно одного луча солнца, и город, лежащий в руинах, разграбленный и разрушенный, уже кажется совершенно нормальным». Бейль вставил кожаный сапог в стремя Вольты, которую конюх держал под уздцы, легко вскочил в седло, и тут заметил перед собой купол церкви Спаса Нерукотворного Образа, где хранилась знаменитая чудотворная икона Богородицы, почитаемая в России. «Сегодня суббота, – вспомнил он, – завтра воскресенье. Русские фанатично религиозны, так что утренняя служба завтра должна быть праздником для этих несчастных людей в лохмотьях. Схожу-ка я на эту службу».

Он пустил лошадь рысью и по дороге до дворца Калиницкого, вспоминал, как по утрам в воскресенье отправлялся на мессу в Бийом, в кабриолете, которым управляла его мать. Он сидел между матерью и улыбающейся сестренкой Анжеликой, держа сестру за талию, чтобы не упала со скамейки. А она игриво чмокала его в шею, давая понять, как ей приятно ощущать на талии тяжесть его руки.

* * *

Когда в воскресенье, 11 октября, Франсуа Бейль в сопровождении лейтенанта Вильнёва прибыл в церковь Спаса Нерукотворного Образа, увиденное поразило его. Здание было разрушено почти полностью, правая часть сильно обгорела. Крыша еле держалась, но покрывала вертикальную стену иконостаса, за которой священник совершал службу. Иконы, в том числе и чудотворная, унесенная рус-

скими войсками во время отступления, были выдраны из рам, но кто-то умелой рукой нарисовал на обгоревшем дереве их расположение. Центральный неф заполняли тесно сгрудившиеся люди, которые шептали молитвы, перебирая руками четки. Бейль попытался пробраться сквозь толпу, заметив перед рядами стоявших верующих несколько скамеек. Прокладывая себе дорогу, он ощущал немое сопротивление закутанных в шерстяные шали женщин, которые отказывались подвинуться, и мужчин, одетых в синие кафтаны из грубого сукна и бросавших злобные взгляды на его униформу. Пустив в ход локти, он добрался до третьего ряда скамей, где и пристроился с краю. Перед собой, через открытый просвет в иконостасе, он видел литургические действия священника, или, скорее, священников, потому что на псалмы слышались громкие ответы густым баритоном. В конце пения все сидевшие на скамьях поднялись, чтобы получить благословение. Франсуа Бейль осмотрелся. Поглощенные псалмами мужчины и женщины вокруг него были небольшого роста. Только в первом ряду одна женщина возвышалась над всеми своими соседями чуть ли не на голову. Ее светлые локоны, ниспадавшие каскадом по спине, покрывала белая кружевная мантилья. Вытянув шею, Бейль разглядел, что она держит за руку маленькую, но изысканно одетую девочку. «Кто же они? – подумал он. – Что здесь делают?»

Когда служба подошла к концу, молодая женщина повернулась к соседке слева, желая шепнуть ей несколько слов на ухо, и Франсуа Бейль получил ответы на свои вопросы. Она была чрезвычайно похожа на даму в синем платье на портрете в гостиной дворца Калиницкого. Теперь он не сомневался, что это ее дочь. Толпа начала рассасываться, и взгляды их встретились. Женщина, казалось, на мгновение удивилась при виде генеральской формы, зеленый мундир и позолоченные эполеты так выделялись на фоне сероватой массы, еще заполнявшей церковь. Франсуа медленно подошел к выходу, точнее, к проему между двумя столбами без всякого перекрытия.

Очувтившись на крыльце, он обнаружил, что все присутствующие встали полукругом – мужчины впереди, женщины позади – и наблюдают, как он выходит из церкви. Глаза с хмурых лиц впивались в него ненавидящими взглядами. Стояла поразительная тишина. «Достаточно одного крика, одного резкого жеста, – подумал Бейль, – и все эти славные люди кинутся и растерзают меня». Ему нечем было защищаться, потому что он оставил саблю пристегнутой к седлу, так же как и Вильнёв. В любом случае, под рукой у толпы хватало камней и булыжников, чтобы забросать и просто похоронить под ними французов.

Бейль медленно пошел к своей лошади, которую конюх Бонжан держал под уздцы в дальней точке образованного людьми полукруга.

Сапог застрял между камнями, и ему показалось, что по толпе про-
несся удовлетворенный гул. Он ждал ударов, но ничего не происхо-
дило. Он двинулся дальше, аккуратно огибая препятствия, и заметил
впереди молодую женщину, держащую за руку маленькую девочку.
На ней было черное длинное манто с жемчужно-серым меховым во-
ротником и элегантные черные кожаные ботиночки.

Он подошел к ней и произнес:

– Разрешите представиться, мадам. Меня зовут генерал Бейль,
командующий дивизией французской армии, разместившейся
в Смоленске.

– Вы крайне неосторожны, мсье, – ответила женщина по-
французски без малейшего акцента, голосом приятного серебристого
тембра. – Все эти люди только ищут предлога, чтобы убить вас. Что
касается меня, то я – графиня Кристина Калиницкая, и, полагаю, вы
живете у меня дома.

Пока она говорила, он продолжал идти вперед и теперь уже ока-
зался рядом со своей лошадей, по чьей блестящей шкуре уже пробе-
гала дрожь нетерпения.

– У вас прекрасная лошадь, – сказала графиня, следовавшая за ге-
нералом. – Моей дочери она очень понравилась. У нее был неболь-
шой пони в нашем поместье, в пятидесяти километрах отсюда, но он
пропал вместе со всем остальным имуществом, когда крестьяне по-
дожгли постройки и унесли все, отступая вместе с доблестной арми-
ей генерала Тучкова, который сражался под Москвой, чтобы поме-
шать вам войти в город.

Ее дочка большими, полными удивления глазами жадно разгля-
дывала лошадь и даже поднесла к ней руку, словно собиралась
погладить.

– Если позволите, мадам, я могу взять вашу дочку с собой и отвез-
ти ее на лошади к вашему дому.

– Ни в коем случае! – живо возразила графиня. – Это было бы
безумием. Окружающие заставят ее дорого заплатить за это в буду-
щем. Возможно, вы удивлены моим знанием вашего языка, но моя
мать – полька, и меня воспитывала французская гувернантка.

Франсуа Бейль привстал на стременах, отдал честь графине, за-
ставил лошадь совершить пируэт и поскакал прочь от площади в со-
провождении лейтенанта Вильнёва.

Обернувшись, он заметил, как медленно, небольшими группками
расходится толпа, словно эти благочестивые души до сих пор жалеют
о том, что не воспользовались случаем растерзать его.

* * *

На следующий день, 12 октября, ближе к вечеру, генерал Бейль
вновь собрал всех офицеров в комнате губернаторского дворца. Та-

буреты стояли на тех же местах, а стаканы были чисто вымыты. Лоррен держал в руке кувшин с дымящимся кофе.

– Садитесь, господа, – произнес Бейль. – Удалось ли вашим людям заметить какие-то перемещения?

Первым взялся отвечать полковник де Вильфор.

– Как вы приказали мне, Франсуа, мои люди совершили разведку как можно дальше к югу от реки. Они повстречали обычные отряды казаков-мародеров, которых порубили саблями, а поднявшись на небольшой пригорок, смогли увидеть на горизонте организованные соединения, перемещавшиеся в западном направлении. Те находились слишком далеко, чтобы их можно было точно идентифицировать, но моим кавалеристам показалось, что это был авангард. А вся армия следует за ним. Мы не привели пленных, – продолжил он с усмешкой, – так как все равно не смогли бы их допросить. Двоих моих солдат ранили казаки. Мы привезли их в город, где им оказали помощь.

Граф Веровский, командир польских улан, взял слово вторым:

– Мы также продвинулись очень далеко, но на север. Я послал разведывательный отряд вплоть до Демидова, что, возможно, было неосторожностью. Мои люди не встретили никого, ни единого казака или солдата, за исключением мародеров и дезертиров. Как русских, так и немцев, из Великой армии. – Он бросил взгляд на полковника Шмидта. – Мародеров мы порубили, а дезертиров отпустили добру-поздорову.

– Кстати, о мародерах, – прервал его Франсуа Бейль, – по дороге сюда я заметил солдат, тащивших повозки, набитые разным скарбом. Среди них были и французы, и поляки, и швейцарцы. Но ни одного немца, – добавил он, желая смягчить укол, нанесенный полковнику Шмидту. – Это недопустимо. Вы должны отдать самые жесткие распоряжения, чтобы предотвратить подобное.

– Расстреливать их? – спросил полковник Фрежо.

– У нас не так много людей, чтобы позволить себе это, но если вы застанете солдат за грабежом, то можете поручить им какую-нибудь неприятную работу, например закопать последние трупы, лежащие на развалинах крепостных стен. И вместе с Конишаром расследуйте, каким образом в руки ваших солдат попали запасы, обнаруженные Конишаром в городских тайниках. А теперь вернемся к расположению наших сил. Кажется очевидным, что русская армия подходит с юго-востока и достаточно быстро продвигается на запад в ожидании предстоящей битвы с Великой армией. Русские пока еще на несколько дней отстают от наших основных сил. Когда они выйдут к Смоленску, то предпримут массированную атаку, чтобы выбить нас из города. Наши средства слишком ограничены, чтобы сопротив-

ляться, но мы можем маневрировать ради выигрыша времени. Надо доказать нашу решимость, так чтобы они не заметили наших недостатков. Два кавалерийских эскадрона будут выведены на юг вместе с артиллерийскими батареями. Они должны показаться готовыми к нападению, но держаться при этом на дистанции, чтобы свести потери к минимуму. Лучшая тактика – замаскировать артиллерию и открывать огонь только в последний момент. Не поддавайтесь искушению перейти в атаку, прежде всего вы, поляки. Враг заставит вас слишком дорого за это заплатить. Когда продвинетесь на семь–десять километров, я распоряжусь развернуть за вами еще один батальон пехоты в сопровождении артиллерийской батареи, чтобы уверить их в подготовке больших маневров. Савойяры 141-го линейного полка встанут за спиной у драгун, что облегчит коммуникацию между ними. Баварцы подкрепят польских улан, и я надеюсь, что они смогут понять друг друга. Когда день станет клониться к закату, развернетесь и отправитесь обратно в Смоленск. Не стесняйтесь показываться на улицах и производить тут как можно больше суеты. Начало операции назначается на завтра, вторник, 7 часов утра. По возвращении я соберу вас здесь снова, в 18.30, расскажете мне, что вам удалось увидеть. Доброго вечера, господа!

Франсуа Бейль сел верхом на лошадь и отправился на свою квартиру. Повсюду он ловил те же исполненные ненависти взгляды под густыми бровями, наполовину спрятанные меховыми и шерстяными шапками, натянутыми на уши. Ему чудилась в этих лицах новая решимость. «Наверняка предчувствуют скорое появление русской армии и готовятся, когда она придет, наброситься на нас, как стая бродячих собак. Отсюда они могут попробовать бросить в меня камень», – подумал он и решил ехать прямо по середине мостовой, под защитой эскорта из четырех драгун, которые следовали вдоль стен с саблями наготове. Но существовала еще опасность, что какой-нибудь бандит, авантюрист или спрятавшийся беглец выстрелит в него сверху из окна. «От этой угрозы защититься невозможно, – рассудил Бейль, – но надо отдать распоряжение о передаче всех полномочий полковнику Арриги на случай, если меня убьют».

Подъехав ко дворцу Калиницкого, Франсуа перемахнул ногой через голову лошади и легко спрыгнул на землю. Ему показалось, что сквозь плотную занавеску на окне за ним внимательно наблюдают. Он был рад ощутить прежнюю гибкость: бесконечные переходы никак не повлияли на состояние его мышц.

Бейль сразу поднялся на второй этаж своего дома. Лоррен, выпятив грудь от сознания собственной важности, протянул ему большой голубой конверт:

– Письмо от графини Калиницкой, ее горничная принесла для вас.

Франсуа взял конверт и, просунув палец под едва приклеенный верх, легко открыл его. Внутри оказалась прямоугольная карточка, в верхней части которой красовались сложные гербы, очевидно, принадлежавшие князю Калиницкому, а под ними черным вытиснено по-французски: «Графиня Калиницкая будет счастлива видеть г-на ... на ужине во дворце Калиницкого ...», – и от руки вписано в пустых местах изящным округлым почерком: «французского генерала» и «в понедельник, 12 октября, в 7 часов 30 минут пополудни». Той же рукой внизу карточки было добавлено: «Я пришлю за вами человека, чтобы показал вам дорогу».

– Когда тебе вручили это письмо? – спросил Бейль у ординарца.

– Поздним утром, мой генерал.

– Ждали ответа?

– Мне ничего не сказали!

Уже почти 7 часов, подумал Бейль, придя в хорошее настроение при мысли о том, что это приглашение нарушит мрачную монотонность его пребывания в Смоленске.

Он решил подготовиться к ужину, достал свою парадную форму. Мари-Тереза, ставшая по совместительству его кастеляншей, погладила ему две сорочки и выложила их на кровать. Лоррен, как и каждый вечер, начистил вторую пару сапог. Теперь Франсуа был готов отправиться на ужин к графине, осталось только дожидаться посланника. Он открыл дверь своей спальни.

Спустя несколько минут, показавшихся ему очень длинными, он услышал шаги по плиточному полу. Горничная графини открыла ключом дверь из коридора, соединявшего два дворца.

– Если ваше превосходительство желает, я провожу вас к графине, – произнесла она по-немецки.

Бейль собрал в памяти все остатки знаний немецкого, полученных в коллеже Бийома.

– *Vielen Dank**, – ответил он и протиснулся вслед за горничной через полуоткрытую дверь.

* Большое спасибо (нем.).

Глава IX ГРАФИНЯ КАЛИНИЦКАЯ

Переступив порог, Франсуа Бейль и горничная Мария очутились в длинном коридоре, обтянутом крапповой* тканью. Такая же покрывала стены на третьем этаже в Англаре, и название цвета Франсуа узнал от матери. По правой стороне висели карты русских областей, большие, выполненные в сепии. Должно быть, военные, решил Бейль. Напротив – коллекция портретов бояр в удивительных шапках – вероятно, предки семьи Калиницких.

Коридор выходил в прихожую, похожую на ту, что в первом доме, но более просторную и роскошную на вид. «Архитектор наверняка себя не обидел», – подумал Бейль. Прихожую украшала балюстрада белого мрамора, на второй этаж, заворачивая вдоль стены, спускалась лестница из того же камня. С потолка свисали две цилиндрических люстры с зажженными свечами, а в углу, где кончалась балюстрада, на пьедестале красного дерева стоял бюст императора, очевидно, Петра I.

В гостиную вела двустворчатая дверь. Она была открыта, и в проеме стояла графиня Калиницкая, с обнаженными плечами, в платье из шелка, переливающегося зеленым и черным. С мочек ушей двумя водопадами мелких бриллиантов спускались подвески, посередине глубокого выреза была приколоты брошь с чьим-то эмалевым портретом, лицо изображенного Бейль издалека разглядеть не мог. Его удивил наряд графини, который, как ему казалось, лучше подходил для придворного бала в Петербурге, чем для провинциального ужина, но, может быть, у русских так принято?

– Добро пожаловать, господин французский генерал, чье имя мне, к сожалению, неизвестно. Вы были крайне предупредительны к моей дочери Ольге у выхода из церкви, и я рада принимать вас у себя. Ольга уже легла спать. Ее безумно утомили все эти ужасные события, которые нам довелось вынести. В противном случае она принимала бы вас вместе со мной.

Франсуа Бейль вспомнил серебристый голос, который слышал накануне, и склонился над протянутой графиней рукой без перчатки.

* Ярко-красной. – *Примеч. пер.*

– Прошу прощения, мадам. Вероятно, я невнятно представился вчера. Меня зовут Бейль, – и он повторил по складам.

– Если желаете, можем немедленно сесть за стол, у вас наверняка были трудные дни. Я прислала горничную провести вас через коридор, чтобы вам не пришлось идти по площади к парадной двери. По-всюду шпионы, и ваш визит мог бы меня скомпрометировать. Я боюсь ужасного будущего, страстей, которые вы разбудили, разрушив наш город. Боюсь, как бы они не обернулись против всего, до чего вы имели касательство. Прошу меня простить за качество ужина, но у меня не осталось прислуги. Все разъехались еще в прошлом месяце, с приходом вашей армии. Только старая кухарка осталась, она делает, что может.

Графиня повернулась, приглашая Франсуа в столовую, располагавшуюся в следующей комнате. Увиденное повергло его в оцепенение. Мебель своей утонченностью не уступала парижским особнякам: превосходный черный лакированный французский комод, расписанный японским рисунком; кресла, обитые тканью с сюжетами из басен Лафонтена, на камине – часы позолоченной бронзы с нимфой, опирающейся на циферблат, также не лишённые французского изящества. Стены были украшены полотнами мастеров XVIII века.

Графиня, заметив его удивление, пояснила:

– Мы в доме моего свекра, генерала Калиницкого. Он был очень богатым человеком, унаследовал много земель и несколько тысяч крепостных. Но он также обладал хорошим вкусом. Несколько раз ездил в Париж, еще до вашей революции, покупал там мебель и разные предметы для украшения двух своих домов – в Петербурге и Смоленске. Когда я поселилась здесь, то оставила все, как было.

Она прошла дальше в столовую. Середину комнаты занимал стол с двумя приборами, поставленными друг напротив друга. Вдоль стен стояли шкафы со стеклянными дверцами, уставленные коллекцией фарфора. Стекло одного из шкафов наискось пересекла трещина, появившаяся, вне всякого сомнения, после недавних артиллерийских обстрелов.

Графиня пригласила Бейля садиться. Прислуживала им Мария, по такому случаю надевшая длинный белый фартук. Она поставила перед каждым глубокую тарелку саксонского фарфора, откуда поднимался парок над супом из красной свеклы. Бейль по запаху определил, что она добавила туда водки.

– Могу я спросить о вашей кампании, мсье Бейль? – спросила графиня. – Она была очень тягостной для вас?

– Не только для меня. Нам пришлось совершать длинные переходы. Сначала через Европу, так как мой полк, входящий в императорскую гвардию, располагался в Париже. В России мы обнаружили

совсем другую природу. Вначале, когда мы переправлялись через Неман, на нас обрушились ливневые дожди. Затем мы долго шли по равнине, которая ничем не напоминала наши родные провинции. В сражениях я не участвовал – ни во взятии Смоленска, ни в московской битве. Император не хотел бросать в эти битвы свою гвардию, сохраняя ее в резерве.

– Значит, вы из тех солдат, что не сражались! Что касается Смоленска, то я очень рада, штурм этого города был отвратительным. Но зачем вы отправились поджигать Москву, как нам рассказали пробежавшие здесь раньше вас дезертиры?

– Это ложь, мадам, каждое слово – выдумка, пропаганда петербургского двора! Я в числе первых вошел в Москву, вслед за Наполеоном. И там уже пылали пожары, устроенные русскими поджигателями, обычными бандитами, освобожденными из тюрем по приказу губернатора Ростопчина. Он объявил, что предпочтет увидеть Москву в углях, чем в руках французов!

– Это ваша версия, генерал! Возможно, вы удивляетесь, почему я задаю вам такие вопросы. Я жила здесь в кругу военных. Мой свекор, генерал, воевал всю жизнь. Он сражался с турками и татарами на юге России, под командованием князя Потемкина. Служил адъютантом у генерала Суворова, которого считал величайшим из русских стратегов, руководившимся девизом «Только вперед». Он рассказывал нам, как Суворов воодушевлял свои войска. Сам был тщедушным, но каждый день утром на снегу, почти раздетым, выполнял свои упражнения и кульбиты. Он, с его бычьим упрямством, никогда бы не позволил русской армии бежать до самой Москвы. И мой муж тоже был военным. Он поступил на службу, едва закончив школу в Царском Селе, в кавалергарды. Совсем юным участвовал в сражении под Аустерлицем, где имел возможность любоваться силой духа и выправкой Наполеона: он видел, как император перемещался на лошади по полю битвы. Мы познакомились в Петербурге, где мой отец работал в министерстве иностранных дел. А поженились мы здесь, в Смоленске, перед чудотворной иконой в той церкви, куда вы приходили на службу в воскресенье. Наша дочь Ольга родилась два года спустя, и моего мужа назначили в штаб генерала Беннигсена. Его убили пять лет назад, в битве при Фридрихсберге. Французская армия шла к Кёнигсбергу при поддержке своей мощной артиллерии. Беннигсен послал моего мужа к генералу, командовавшему правым крылом русской армии, чтобы приказать ему удерживать позиции любой ценой. И едва мой муж добрался до этого генерала, как был убит ядром, вместе с лошадей. Так мне рассказали его товарищи.

Графиня прервала свой рассказ, в глазах у нее стояли слезы, голос задрожал. Глубоко вздохнув, она продолжила:

– Видите, генерал, ваша армия виновна в смерти моего мужа! Той армией командовал маршал Ней, как я впоследствии узнала. И только утром в день отъезда военного, который квартировал во втором доме незадолго до вас, я обнаружила, что это был тот самый маршал Ней. Он спал, как и вы давеча, в комнате моего мужа! Если бы мне об этом сообщили раньше, я бы выставила его на улицу!

– Вам едва ли удалось бы это сделать, мадам. Мы все-таки на войне.

– Вы, может быть, и на войне. А я еще у себя дома, пока он не разрушен, – пронзительным голосом возразила графиня.

Затем она прислонилась к спинке стула, схватила двумя руками платок, поднесла к лицу и долго сидела, прижав его к глазам.

– Напрасно я так говорила с вами. Вы же мой гость, – промолвила она, положив руки по обе стороны от тарелки.

Мария стояла в дверном проеме, озабоченная, не смея вмешаться в разговор, в котором не понимала ни слова. Она тут же вошла в комнату, неся перед грудью блюдо, где лежал омлет с грибами.

– Это не свежие грибы, а сушеные, – извинилась графиня. – Теперь их невозможно собирать. Хотя соседние леса полны грибов. Как раз перед вторжением я водила Ольгу в лес, учила их распознавать.

В течение всего разговора Франсуа Бейль наблюдал за лицом графини, которое до этого видел только издали. Безусловно, она была изумительно красивой женщиной, того типа славянской красоты, которую называют «лучезарной». Немного овальное лицо, золотые волосы, стянутые в пучок, открывают высокий лоб без единой морщины. Пристальный взгляд сине-зеленых глаз, своим оттенком напоминающих цвет воды в Балтийском море, чуть выступающие скулы. Рот изящный, но не тонкий, решил Франсуа, мысленно старательно подбиравший слова для наилучшего описания. Губы положительно достойны восхищения, особенно верхняя, приподнимающаяся в уголках рта.

Он заметил удивительную деталь: на левой щеке хорошо заметна ямочка, а второй справа нет. Эта деталь, вкупе с блеском глаз, придавала лицу графини выражение веселой беззаботности.

Графиня, чувствуя, что за ней наблюдают, разрешила омлет и продолжила беседу:

– Мы уже много говорили о военных делах, но я хотела поделиться с вами еще одним-двумя наблюдениями. Вы все там, в Западной Европе, включая самого императора Наполеона, привыкли недооценивать силу нашей армии. Вы забываете, что эта армия есть условие нашего выживания. Мы почти два века непрерывно воюем на всех

наших границах: на западе против шведов и поляков, на юге – против турок и крымского хана, и это не считая безумцев на Кавказе; на востоке – против татар и монголов. Для нашего существования жизненно необходимо улучшать армию. Именно поэтому мы создали военные школы, и мой муж говорил мне, что нам удалось организовать лучшую артиллерию во всем мире, и, несомненно, более эффективную, чем ваша. И еще одно. Вы не понимаете, как неграмотные крепостные могут быть такими хорошими солдатами. Это и правда загадка. Эти крепостные посланы хозяевами нести воинскую службу, которая длится самое малое 15 лет. Большинство из них никогда больше не увидят семьи. Дисциплина в русской армии суровая, гораздо более жестокая, чем у вас, как мне рассказывали. И все-таки они бьются, как львы, и готовы скорее пожертвовать собой на поле боя, чем отступить. Думаю, любой из них в своей примитивной душе видит себя исполняющим важную миссию: защищать до самой смерти землю Святой Руси. У них, если так можно сказать, сознание осажденных мистиков.

– Прекрасно сказано, мадам, – ответил Франсуа, удивленный такими разглагольствованиями на военные темы, и принялся за уже слегка остывший омлет. – Откуда вы так прекрасно знаете наш язык? Наверняка далеко продвинулись в его изучении.

– Не совсем. Родители посылали меня в большой институт для девочек из благородных семей в Смольном монастыре на берегу Невы. Дома родители между собой разговаривали по-французски. Моя мать, полька, говорила превосходно, отец – чуть хуже, с русским акцентом. И у меня была французская гувернантка Маргарита, которую я обожала и о судьбе которой мне так хотелось бы знать... Но меня не интересовала учеба. Я мечтала стать балериной.

При этих воспоминаниях глаза графини затуманила легкая дымка мечтательности.

– Я уже много говорила о военных делах и о себе, – сказала графиня Калиницкая. – Во время десерта – к сожалению, не могу предложить ничего, кроме яблок, – мне бы хотелось поговорить немного о вас. Вы женаты? Сколько у вас детей? Много ли земли у вас во Франции? И в конце концов, если позволите, что вы думаете о своем хозяине, императоре Наполеоне?

– С удовольствием отвечу вам, мадам, – сказал Франсуа, отодвинувший стул и наслаждавшийся игрой теней от огоньков свечей вокруг лица графини, – но боюсь вас разочаровать. Я не женат, у меня нет детей, в этом году мне исполнилось тридцать три.

– Вы так молоды для генерала, – прервала его графиня.

– Да, довольно молод, но я в армии с четырнадцати лет и прошел почти все кампании Директории и Империи, включая войну против

русской армии вашего драгоценного генерала Суворова в Северной Италии. У меня не было времени задуматься о свадьбе, тем более что я никогда не уверен, вернусь ли живым из следующего похода. Что касается размеров моих земель, то они скромны, у меня есть небольшое владение в центре Франции.

Вспомнив площадь поместья Англар, составлявшую около ста шестидесяти гектаров, включая лес, он не стал уточнять цифру, боясь показаться графине смешным. Он предпочел перейти к личности Наполеона.

– Вы спросили, мадам, что я думаю об императоре Наполеоне. Попробую вам ответить. Это гений, прежде всего военный гений...

– Он не доказал этого здесь, в России! – прервала его графиня.

– У него не было возможности, за исключением московской битвы, где его подвело состояние здоровья. Но война еще не закончена! Это военный гений, повторяю. У него светлый ум, зоркий глаз, у него есть чувство маневра и понимание, как использовать ландшафт. По этим качествам ему нет равных. Его обожают солдаты, и он умеет их вознаграждать. Когда требуется, он ведет простую, даже скромную жизнь. И в то же время обладает необычайным гражданским умом: в том состоянии хаоса, в котором находилась Франция после революции, он за десяток лет сумел установить новый порядок, хорошо приспособленный к французским нравам.

– Порядок авторитарный и полицейский, при всем том!

– Авторитарный – несомненно, но не тиранический. Вокруг него много институтов – Законодательный корпус, Охранительный сенат, Верховный суд и Государственный совет, мнение которых он запрашивает. Я сопровождал его во время нескольких выступлений в Государственном совете, и видел, как он вступает в дискуссию...

– Возможно, – парировала графиня, – но решения принимает всегда только он.

– Кто-то же должен их принимать, мадам. Но не по воле каприза, а после размышления. То, что режим остается слишком полицейским, в этом я с вами соглашусь, мадам, а министр полиции – поистине дьявольская фигура. Однако мы не можем через пятнадцать лет после «Великого террора» игнорировать существование заговоров и угрозы покушений!

– Совершенно не обязательно было расстреливать герцога Энгийского вопреки всякому закону! – воскликнула герцогиня.

– Да, этого не надо было делать, я с вами согласен, мадам. Он, вне всякого сомнения, хотел дать гарантию республиканской общественности, опасавшейся скатывания к империи. Но ошибся с гарантией, или его обманули. Герцог Энгийский не претендовал на трон. Два брата бывшего короля до сих пор живы.

Франсуа Бейль спросил себя, может ли он зайти дальше и высказать свои опасения насчет изменений, происходящих с императором с недавних пор: ослабления его военного гения, ухудшения физического состояния. Его собеседница в данный момент отрезана от мира и не имеет с ним никаких контактов, но ведь она вернется когда-нибудь в Петербург и может рассказать там о его откровениях. Лучше остановиться.

Графиня подметила, что он вдруг замолчал.

– Я вижу, для вас он до сих пор великий человек!

И с потрясающей интуицией добавила:

– А вы ничего не хотите сказать мне о его нынешнем состоянии?

– Я не видел его после Москвы, – ушел от ответа Бейль. – Но я вам больше ничего не скажу, ведь я не забываю, что мы все-таки противники в войне!

– Я не ваш противник, – отозвалась графиня Калининская ироничным тоном, – я ваш недруг!

И она отодвинула стул, чтобы встать из-за стола. Франсуа Бейль поступил так же, бросив последний взгляд на обстановку столовой: скатерть из белого дамаста, приборы с фамильным вензелем, серебряные подсвечники на витых ножках, свечи из зеленого воска.

Все это казалось нереальным, словно картина из мира, наслаждавшегося последними часами существования, прежде чем рухнуть в бездну разрушения. У него защипало в глазах. Только без сентиментальности, оборвал он себя. И вышел из комнаты.

Графиня Калининская ждала его.

– Я провожу вас, – сказала она. – Уже поздно, а вы, я полагаю, начинаете заниматься вашими военными делами с рассветом!

Она шла перед ним по коридору с подсвечником в руках. Франсуа заметил, как покачиваются ее бедра. Проходя мимо карты Смоленской губернии, он взглянул на крупное зеленое пятно к западу от города. Графиня, перехватившая взгляд Франсуа, сказала:

– Это Катынский лес. Он начинается в пятнадцати верстах отсюда. Туда я водила Ольгу собирать грибы.

Бейль зафиксировал в памяти расположение этого леса. Он мог бы оказаться полезен в случае возможной эвакуации из Смоленска.

Графиня подошла к двери, разделявшей дома, и открыла ее.

– Благодарю вас за визит, генерал. Он был мне очень приятен в том горе, в котором я живу.

И, помолчав пару секунд, добавила:

– Меня зовут Кристина.

– Доброй ночи, Кристина, – произнес Франсуа, целуя ей руку.

Дверь снова закрылась, и он услышал звук ключа, поворачивающегося в замочной скважине. Он пересек прихожую, освещавшуюся

тусклым светом с площади, и вошел в спальню. Голова его наполнилась противоречивыми впечатлениями.

* * *

Весь день вторника 13 октября польские и французские кавалеристы постоянно ездил все дальше и дальше в южную часть города. Подтверждалось сообщение, что русская армия движется в западном направлении. Они не наблюдали никаких попыток атаковать Смоленск, но это неизбежно должно было произойти во время прохода русского арьергарда, которому наверняка поручили бы ликвидировать очаг сопротивления.

Генерал Бейль пытался определить местоположение Великой армии. Она находилась далеко впереди и от него, и от русских войск, в шести днях перехода, то есть примерно в двухстах пятидесяти километрах. Скорее всего, она уже форсировала Березину севернее Минска, где император планировал найти поле для битвы, чтобы дожидаться и разгромить Кутузова. Утром в течение часа шел дождь, что обеспокоило генерала, так как избыток воды превратил бы дороги в грязное месиво и затруднил его отступление из Смоленска. К счастью, после полудня небо просветлело, и солнце высушило окрестности. Бейль подумал, что ему предстоит провести в городе еще три дня, прежде чем поступит неизбежный приказ императора.

Во второй половине дня он занялся инспектированием расквартированных войск, проверил, получают ли лошади достаточный корм и уход. Это было необходимо для быстрого пересечения следующего отрезка пути.

На восточной стороне центральной площади он наткнулся на палатки штатских, относившихся к дивизии, и беженцев, примкнувших к французам. Они разместились рядом с палатками 141-го пехотного линейного полка, обеспечив себе таким образом защиту. Зрелище было удивительное, словно на каком-нибудь рынке во Франции. Каждый устроил себе небольшой очаг, на который поставил котелок. Несколько детишек прыгали среди камней, наверняка дети беженцев. Крепкие мужчины заметили генерала Бейля и окружили его лошадь.

— Когда выступаем? — спрашивали они, пока все остальные читали: — Нельзя ждать, русские вот-вот придут.

Генерал Бейль, наклонившись к шее лошади, ответил им:

— Не бойтесь, мы отправимся вовремя, но вы должны быть наготове. Занимайтесь починкой своих телег, заготовьте запасные колеса, погрузите мешки с сеном для лошадей, так как никто не обещал, что по дороге мы его найдем.

Мужчины смотрели на него горящими глазами. Половина из них, очевидно, не понимала ни слова по-французски. Другие пытались

переводить, произнося какие-то слова по-немецки и по-польски. Затем все одобрительно закивали. Разнообразие их одежды привело Бейля в замешательство: драповые или кожаные штаны, шинели до щиколоток, залатанные сапоги, лес шапок, беретов, картузов, на которые пошли все возможные виды тканей и шкур.

Генерал Бейль выпрямился и легонько прищипорил Вольгу. Когда он отъехал, эта странная толпа стала кричать здравицы, наполнившие теплотой его сердце.

Подъехав к дому, он принял решение поужинать как можно раньше и сразу же лечь спать.

Ужин приготовила Мари-Тереза, а подал Лоррен. Очевидно, им удалось устранить подозрительную Анну, которая гремела кастрюлями на кухне.

Мари-Тереза приносила блюда прямо в столовую. Франсуа заметил, что она очень красиво одета, в чисто польском стиле: в широкую плиссированную черную юбку и корсаж с пышными рукавами и красным бархатным бантом под горлом.

– Ты очень элегантна, – сказал он ей. – Но где ты нашла такой наряд? Ты же не могла увезти его из Москвы!

– В этом доме столько шкафов, – покраснев, ответила она. – Я взглянула посмотреть, что там внутри, потому что никогда не забываю, что прислуживаю знаменитому генералу Бейлю!

– Ну, насчет «знаменитого» я не уверен, но получилось у тебя восхитительно.

Мари-Тереза забрала супницу из рук Лоррена и вернулась на кухню.

После ужина Франсуа Бейль поднялся к себе в спальню. Он хотел провести спокойный вечер. На полках он заметил несколько завалившихся друг на друга книг с французскими названиями. Он узнал «Жака-фаталиста», один из любимых романов отца. Взял эту книгу, положил на кровать и начал раздеваться, последовательно снимая жилет, сорочку и брюки для верховой езды. Затем лег на кровать, поднес свечу и начал читать. Он пытался найти фразу «это написано выше», которую любил цитировать отец. Перевернул первую страницу, но дальше не продвинулся. Уснул.

* * *

Проснулся Франсуа словно от легкого толчка. Что происходит? Он с трудом собрался с мыслями. В комнате появился свет от второй свечи. Она освещала высокий силуэт, завернутый в темную накидку. Франсуа узнал графиню Калиницкую. Та подошла к кровати и произнесла тихим голосом:

– Надеюсь, вы не будете ругать меня за то, что я вас разбудила. Я видела, что у вас в комнате еще горит свет...

Затем она повернулась к креслу, сняла накидку, аккуратно сложила ее, сбросила домашние туфли. На ней осталась лишь белая рубашка до колен с вышивкой на груди.

Она подошла к кровати, и Франсуа подвинулся, освобождая ей место. Графиня села на край кровати, затем ловким движением подняла колени и повернулась, примостившись рядом с Франсуа. Не затрагиваясь до него, она снова заговорила шепотом:

– Я говорю так тихо, потому что в этом доме все слышно, а я бы не хотела, чтобы кто-нибудь услышал меня и узнал, что я здесь, у вас. Для меня это было бы ужасно. Я знаю, что поступаю неправильно, что это нехорошо, но постарайтесь меня понять! Я живу одна, с несколькими слугами, в этом ужасном городе. Мне не с кем поговорить. Ольга еще слишком мала, чтобы я могла делиться с ней своими заботами. Вот уже семь лет, как ко мне не приближался ни один мужчина, даже на балу. Я очень любила своего мужа, хотя о нашем браке договорились родители. Но он уехал на войну через год после рождения Ольги, а еще через год его убили.

Франсуа Бейль слушал ее со странным чувством. Ему казалось, что обращается она не к нему, а к себе самой, и жалуется на жизнь, чтобы оправдать себя. Она и не смотрела на него. Ее лицо было обращено к потолку. Она замолчала и лежала неподвижно.

Выслушав ее рассказ, Франсуа понял, что не испытывает к ней никакой нежности. Физическое влечение к высокой элегантной русской даме? Возможно. Но никакого порыва страсти. Он подумал, что нежность у него вызывает скорее милая Мари-Тереза, с ее совершенно не манерным голосом и красивой польской юбкой, надетой специально в его честь. Покопавшись в памяти, он не вспомнил ни единого случая, когда бы занимался любовью без какой-либо душевной симпатии, за исключением, возможно, одного-двух случаев в ранней молодости, послуживших, так сказать, инициацией.

Графиня повернулась к нему и подвинулась ближе. Теперь он ощущал легкое прикосновение ее тела. Она схватила и крепко сжала его руку.

– О чем вы думаете? – спросила она. – Вы ничего не отвечаете мне, и, кстати, я даже не знаю вашего имени.

– Франсуа.

– Я должна сказать вам совсем о другом, Франсуа, а не излагать всю свою жизнь. Меня так пугает все, что может произойти со мной. Пугает и ужасает.

Ее пальцы нервно тербли его пальцы.

– Вы же видели мужчин, остающихся в городе. Сплошные бандиты. Они готовы совершить самое худшее, как только вы уйдете. Ко-

нечно, придет русская армия, но у ее командиров будут другие заботы кроме наведения порядка в Смоленске. Я умираю от страха и ничего не могу сделать.

Она прижалась к нему, и он ощутил тепло ее тела сквозь тонкую рубашку. Этот страх, панический страх заронил в него, возможно, легкую искорку нежности. Он вспомнил выражение, которое любила повторять его мать. Ее восхищали все красивые вещи, она обожала итальянскую живопись Возрождения, от Мантеньи до Караваджо. Она собирала книги, картинки из которых показывала сыну.

– Смотри, – говорила она, – и не забывай, что в мире нет ничего важнее красоты!

Он повернулся направо, чтобы взглянуть на Кристину, и утонул в ее сине-зеленых глазах, оказавшихся буквально в десяти сантиметрах от него. Он обнял ее рукой за плечи, прижал к себе. Она придвинула колено и положила ему на бедро.

* * *

Франсуа Бейль почувствовал, как его трясет чья-то рука. Вокруг было темно. Он едва разглядел силуэт графини Калиницкой, стоявшей около его кровати и плавно двигавшей рукой.

– У меня появилось новое увлечение – будить вас! – произнесла графиня. Она уже надела свою накидку. – Занимается новый день, любой ценой надо не допустить, чтобы кто-нибудь узнал, что я приходила к вам.

Она продолжала что-то шептать, сидя в кресле и надевая туфли, одновременно что-то разыскивая в кармане.

– Пойду к себе. Я принесла для вас ключ. Их всего два. Если захотите увидеть меня вечером, можете пройти по коридору, но только дождитесь, когда все заснут. Увидите у меня слабый свет и найдете меня либо в гостиной, либо в спальне.

Она раскрыла ладонь, протягивая ему железный ключ.

– До свиданья, Франсуа. Доброго дня! Вы меня утешили, – добавила она и бесшумно проскользнула за дверь.

Бейль едва слышал ее шаги в прихожей и легкий скрежет ключа в замочной скважине.

Графиня Калиницкая вернулась к себе.

* * *

Среда 14 октября принесла подтверждение того, что Бейль наблюдал в предшествующие дни. Русская армия продолжала двигаться на запад. Двигалась не быстро, основные силы еще не подошли к

Смоленску. Дозорные не отмечали ни малейшего признака подготовки к атаке на город.

Не осмеливаясь себе в том признаться, после прошедшей ночи генерал Бейль надеялся продлить свое пребывание в Смоленске и старался представить себе события последующих дней. Вариант, что Кутузов не заинтересуется судьбой Смоленска и его гарнизона, совершенно исключался, но в то же время фельдмаршал старался сократить свое отставание от Великой армии. Когда-нибудь он пошлет армейский корпус отбить город. Когда? Через два-три дня или позже?

Вечером Бейль собрал командующих подразделениями во дворце губернатора. Каждый зачитал донесения, составленные его подчиненными. По флангам русской армии следовали отряды казаков, вооруженные пиками. Казалось, казаки существовали отдельно от регулярной армии. Они грабили крестьянские хозяйства, убивали дезертиров, если те им попадались. С трупов снимали все, что можно унести, до медных колец, ради которых отрезали пальцы, и кожаных поясов, вследствие чего трупы оставались лежать полуголыми. Эти казаки представляли собой легкую добычу для польских гвардейских улан, которые действовали организованными колоннами и располагали современным оружием, но их пленение не давало никаких полезных сведений, потому что из них ничего нельзя было вытянуть, за исключением того, что пришли они с юга. Поэтому их просто бросали полумертвыми на дороге.

Полковник Арриги выглядел озабоченным. Он долго молчал, а потом решил задать вопрос Бейлю:

– Все это, мой генерал, не сообщает нам ничего нового! Русские находятся к юго-западу от Смоленска и движутся на запад. В конце концов, они на нас нападут, но мы не знаем когда, и наших сил не хватит для обороны. Может быть, следует подумать об организации эвакуации, чтобы избежать нашего уничтожения и принести пользу Великой армии?

Франсуа Бейль внимательно выслушал своего помощника, восхищаясь его умением обобщать.

– Ты уже начал над этим думать, полковник Арриги? – спросил он в манере, которая могла удовлетворять и требованиям дружбы, и правилам военной иерархии.

– Да, но мне не удалось прийти к выводу. Проще всего, разумеется, было бы форсировать Днепр и двинуться на север вдоль реки. Вероятно, территория там пустая, и мы могли бы присоединиться к армейским корпусам Мюрата и Даву.

– В чем же неудобство такого решения?

– Для нас – никакого неудобства, мой генерал. Оно обеспечило бы сохранность нашей дивизии. Но мы бы тогда манкировали нашей главной задачей – замедлить и осложнить продвижение русской армии к месту будущего сражения.

– Тогда что ты мне рекомендуешь? – настаивал Бейль.

– Попробовать вылазку на юг, чтобы нарушить планы русских. Но я пока не вижу, как мы сможем после этого удачно избежать столкновения.

– Возможно, решение существует, – ответил генерал, который уже подумал об использовании Катынского леса. Он не говорил об этом раньше, так как боялся лишних ушей, прячущихся среди развалин здания. – В любом случае, отдайте распоряжения о выходе из города в субботу, через три дня. Это та отсрочка, которую мне назначил император. После мы уже рискуем оказаться в сугубо оборонительной позиции. Подготовьте снаряжение и запасы в течение ближайших двух дней.

Откланявшись, генерал Бейль удалился во дворец Калиницкого, так как ему требовалось время на размышление.

Он поужинал в одиночестве в столовой на первом этаже, после чего поднялся к себе в спальню. Наступила ночь. Он зажег свечи и решил выйти в коридор, чтобы взглянуть на карту, где он заметил большой Катынский лес. Стал искать ключ, выданный ему графиней и спрятанный им между страницами Дидро на ночном столике. Ключ лежал на месте. Бейль взял свечу и двинулся к двери на другом конце прихожей. Ключ легко вошел в замочную скважину, но поворачивался с трудом. Очевидно, этим переходом редко пользовались. Наконец, дверь открылась с глухим скрипом, и Франсуа углубился в коридор, обтянутый красным. Он нашел карту Смоленской губернии, поставил свечу на пол и сел рядом с ней. К западу от Смоленска находился большой лес, изрезанный тропинками, посередине его пересекали две широкие дороги. Одна вела строго на запад, другая поднималась к северо-западу, по направлению к Днепру, пересекала его и далее выходила на императорскую дорогу, ведущую к Минску. Франсуа долго раздумывал, как можно воспользоваться этими тропинками и дорогами, затем поднялся и снова взял свечу в руки. В конце коридора он увидел слабый свет, пробивавшийся под дверь в покои графини. Она была у себя. Заметно нервничая, он пошел дальше по коридору и открыл дверь в прихожую. Свет шел из гостиной. Графиня сидела за столом, делая вид, что разбирает бумаги. Она обернулась на шум.

– Заходите, Франсуа! Я немного надеялась на ваш визит сегодня вечером. Чтобы занять время, я решила разобрать переписку моего свекра с царицей Екатериной.

Кристина встала. На ней было длинное, облегающее зеленое шерстяное платье безо всяких украшений. Длинные светлые волосы, не уложенные в прическу, отброшены назад. Франсуа стоял, не в состоянии вымолвить ни слова. Его сердце колотилось, и он никак не мог совладать с собой.

– Добрый вечер, Кристина, – только и сумел сказать он.

Графиню позабавило его смущение.

– Лучше здесь долго не оставаться, свет могут заметить с площади. Нам будет спокойнее у меня в спальне. Я вас провожу.

Неожиданно даже для себя самого Франсуа подошел к графине, левой рукой обнял ее за плечи, правой подхватил под колени и поднял графиню над полом. Кристина не оказала ни малейшего сопротивления, лишь плавным движением устроилась поудобнее на руках, которые несли ее в спальню.

– Надеюсь, я не слишком тяжелая, – произнесла она, – и позвольте мне взять свечу.

Франсуа подошел к столу и наклонился, чтобы она могла дотянуться до подсвечника. Выйдя из гостиной со своей легкой ношей, он направился к закрытой двери спальни.

– Я открою, – прошептала графиня ему на ухо. Она протянула руку, даже не пытаясь высвободиться из объятий, и повернула дверную ручку.

«Как все просто и кажется естественным», – подумал Бейль.

Представшая его взору спальня была просторнее его собственной. На полу до самых стен лежал большой ковер. С графиней, прислонившейся щекой к его плечу, на руках Франсуа пересек комнату и подошел к кровати с балдахином. Постель была уже разобрана. Он осторожно положил графиню и, опираясь на обе руки, склонился над ней. Сквозь шерстяное платье угадывались контуры тела. Он наклонился ниже, наконец, его губы нашли ее рот и впились в него с повелительной нежностью.

Глава X УБИЙСТВО МАЙОРА ДЕ ФЛАО

Утром в четверг, 15 октября, Франсуа Бейль проснулся в приподнятом настроении. На него то и дело волнами накатывали воспоминания о нежном теле Кристины рядом. Во время утреннего верхового объезда города он обнаружил, что небо прояснилось, несмотря на несколько кучевых облаков. Солдаты в расположении частей занимались подготовкой к грядущему выступлению из города, объявленному на субботу. Они водили лошадей парами на водопой к наспех починенным желобам. Повозки стояли в ряд, мужчины – штатские и военные – прилаживали верх на деревянных стойках.

«Больше напоминает прогулку, чем войну», – подумал Франсуа, обнаружив в душе желание продлить пребывание в Смоленске, в котором даже себе не хотел признаться. В любом случае, он решил вечером, когда все огни погаснут, снова прийти к Кристине.

Вернувшись в свою временную резиденцию, Бейль расположился в столовой на первом этаже. Ему было необходимо обдумать в спокойной обстановке стратегию выхода из Смоленска. По его просьбе Мари-Тереза разложила на столе большой лист белой бумаги, тоже, вероятно, позаимствованный, из хозяйского шкафа, и Франсуа постарался воспроизвести на нем план Катынского леса. С помощью деревянной линейки измерил все расстояния.

Окно комнаты, выходявшее на площадь, было распахнуто, несмотря на то что в воздухе уже ощущалась прохлада, первый вестник грядущей зимы. По тротуару на противоположной стороне, где стоял патруль швейцарского батальона, торопливо шли редкие прохожие. Франсуа показалось, что где-то вдалеке на западе раздастся едва слышное потрескивание. Он посмотрел на свои золотые часы, лежавшие в кармане жилета, – их подарил ему дядя генерал по случаю первого причастия. Часы показывали четверть одиннадцатого. Он продолжил рисовать карту большого леса.

Полчаса спустя его работу прервал страшный грохот, от которого содрогнулась площадь. На нее галопом влетела группа кавалеристов, гремя подковами коней по булыжникам. Бейль подошел к окну. Во главе кавалькады он узнал полковника Арриги. Тот был с непокрытой головой – вероятно, потерял головной убор где-то по дороге. Бейль пошел к двери навстречу Арриги, который уже спрыг-

нул на землю со взмыленного коня и шел к генералу. Бейль заметил его блуждающий взгляд, совершенно белое, перекошенное от ярости лицо.

– Что случилось? – спросил он.

– Ужасная вещь, – ответил Арриги глухим голосом. – Флао расстреляли.

– Что ты болтаешь, Флао здесь нет!

– Он направлялся сюда. Вез тебе послание от императора, с ним были шесть гвардейских кирасиров. Они попали в засаду на выезде из леса, в пяти километрах от города. Видимо, нападавшими были казаки из наступающей армии. Флао, вероятно, принял их за польских улан. Казаки окружили их, заставили слезть с лошадей, привязали к деревьям и расстреляли. Это же дикари! Они выкололи им глаза.

– И Флао тоже? – спросил потрясенный Бейль.

– Флао еще и добили выстрелом в голову. Видимо, перед этим промахнулись. У него разнесен череп, и мозги вытекли на лицо.

– А ты откуда узнал?

– Отряд улан услышал стрельбу. Они выслали одного всадника, чтобы предупредить меня.

– А куда ушли русские?

– Наверное, сразу убежали. Мы их не заметили.

Бейль немного подумал.

– Идем, – сказал он, – я съезжу туда вместе с тобой.

* * *

Флао и его отряд, по-видимому, пересекали небольшую поляну на краю рощицы. Обернувшись, можно было увидеть вблизи развалины крепостных стен Смоленска.

Прогалина заросла густой травой, усыпанной треугольными желтыми листочками. Белые стволы берез обозначали границу леса, около них застыли в неестественных позах тела кирасиров, похожие на тряпичные куклы. У одних голова склонилась на грудь, другие осели на колени, руки безвольно свисают до земли. Все они были залиты кровью. Над поляной стояла тишина, только куковала кукушка в лесу.

– Где Флао? – спросил генерал Бейль.

– Он последний, – ответил Арриги.

– Как ты его узнал?

– Я хорошо с ним знаком. Мы вместе учились в кавалерийской школе. И я знал, что император пошлет к нам именно его.

Бейль подошел к телу, распростертому на земле лицом вниз. В отличие от других, оно не было привязано.

– Поможешь мне его перевернуть? – спросил он Арриги.

Они принялись неловко переворачивать тело на спину. Под разможенным черепом лицо сохранилось нетронутым, застывшие глаза смотрели в небо. Пули продырявили мундир в нескольких местах, чуть ниже сердца. «Целили слишком низко, – подумал Бейль, – пришлось добивать».

Бейль и Арриги встали. Сопровождавшие их кавалеристы неподвижно сидели на лошадях. Лошади инстинктивно прижали уши к голове, почувствовав общее настроение. Кукушка продолжала куковать.

– А куда пропали их лошади? – спросил Бейль.

– Наверняка казаки увели.

Обойдя всю поляну, они нашли место с изрядно примятой травой. Подобрали с земли обрывки картонных гильз от патронов. Тропинка уходила дальше на юг.

Франсуа Бейль размышлял о судьбе письма, посланного ему императором. Майор де Флао, несомненно, положил его в седельную сумку. В таком случае оно пропало вместе с лошадьё. Если только он не хранил его на себе... Бейль вернулся по своим следам, опустился на колено около тела де Флао и принялся его ощупывать. Тело еще не остыло. Содержимое желудка Бейля подступило к горлу, но он продолжал поиски. Он почувствовал, как справа под пальцами зашелестела бумага, и расстегнул мундир. Внутри оказался тканевый карман, в котором лежал конверт. Это был приказ императора.

Франсуа Бейль аккуратно застегнул мундир обратно и закрыл глаза де Флао, затем поднялся и медленно перекрестился.

– Поедем, – обратился он к Арриги. – Тебе придется выслать отряд, чтобы захоронить тела. Пусть возьмут нескольких русских копать могилы. Останки Флао, думаю, следует перевезти в смоленский госпиталь. Пусть там приготовят гроб, попробуем увезти его с собой на одной из наших двуколок. Соберите также его личные вещи.

Франсуа вспомнил, что за разными заботами даже не ознакомился с посланием императора. Он остановил лошадь, привстал на стременах и достал конверт из кармана. На конверте не было следов крови. Франсуа развернул лежавший внутри листок бумаги и принялся читать. Текст написал князь Невшательский, начальник штаба армии. Он указывал, что Великая армия подходит к одному из тех мест, где будет готовиться дать бой. Дивизия Бейля должна покинуть Смоленск и направиться на запад. Дальше ей следует пересечь Березину у Борисова и двинуться в сторону Вильны, чтобы атаковать остатки русской армии, которые побегут после грядущих сражений. Внизу письма император приложил свою подпись.

– Держи, Арриги, – сказал Бейль помощнику, протягивая ему документ, – тебе надо это прочитать. Император приглашает нас покинуть Смоленск.

Генерал и полковник перевели лошадей на шаг и бок о бок направились в сторону города, куда прибыли полчаса спустя. Они подъехали к резиденции Франсуа Бейля, где на столе до сих пор лежала разложенная карта Катынского леса.

– Каковы твои приказания, генерал Бейль? – с мрачным лицом осведомился Арриги.

– Надо уходить как можно скорее, – ответил Бейль, неправильно поняв суть вопроса. – Это ужасное событие показывает, что русские проникли уже в ближайшие окрестности города. Мы больше ничего не выиграем, выжидая. Нужно ускорить выход на один день, назначим его на завтрашнее утро. Предупреди командиров подразделений, пусть поторопятся с подготовкой. Я соберу всех сегодня в 6 вечера в губернаторском дворце, там уточним порядок марша.

– Я спрашивал не о том, – произнес Арриги. – Я имел в виду Флао и его кавалеристов. Как ты прикажешь мне отомстить за них?

Бейль был застигнут врасплох. Об этой проблеме он не подумал. Русские сбежали. Он никак не мог их наказать.

– О какой мести ты говоришь? – спросил он.

– Я не верю, что ты сможешь оставить такое преступление безнаказанным, да и наши солдаты этого не простят. Как только отряд, посланный похоронить тела, вернется в город и привезет сюда тело Флао, солдаты узнают обо всех деталях произошедшего и возопят о мести. Ты обесчестишь себя в их глазах, если им не ответишь.

– И что ты предлагаешь?

– Схватить какое-то количество русских солдат и расстрелять.

– Это же будут другие люди!

– Разумеется, другие. Но если бы они оказались на месте тех, то поступили бы так же.

– Тогда какого приказа ты ждешь от меня?

– Возглавить отряд польских улан, проскакать по южной равнине, собрать десяток русских, среди которых будет один офицер, а затем велеть нашим пехотинцам расстрелять их у ворот города, на глазах у всех.

Генерал Бейль поразмыслил. Такой план не вполне соответствовал его представлению о правосудии, ведь они накажут не виновных, но разве можно в этой забытой Богом пустыне дать солдатам повод подумать, что военачальники допустят столь жестокое обращение с ними, никак не реагируя, что они могут закрыть глаза и спрятать голову в песок, даже не попытавшись отомстить? Он вспомнил лицо майора Флао, наполовину скрытое под кашицей вытекшего мозга.

– Полковник Арриги, отдаю тебе приказ выполнить то, что ты мне предложил.

Арриги отдал честь, немного помедлил и вышел из комнаты.

* * *

Когда незадолго до шести часов генерал Бейль вошел в кабинет губернатора, то нашел там всех командиров подразделений в сильном возбуждении. Они стояли вокруг полковника Арриги, рассказывавшего им о своей вылазке, и шумно выражали одобрение. По тем репликам, которые он уловил, Бейль понял, что Арриги и его люди напали на отряд русской пехоты, возглавлявшийся капитаном. Ударом сабли они обезглавили капитана, а всех солдат привели к городу, окружив их своими лошадьми. Двое попытались сбежать и были убиты. Остальных, двенадцать человек, отвели к полуобрушенной крепостной стене и поставили к ней спиной. Польский улан зачитал им на русском языке моментально составленный приговор, лейтенант крикнул стрелкам открыть огонь. Стрелки получили приказ стрелять одним в голову, другим в сердце. Все русские тут же упали замертво.

В это время некоторые жители города вскарабкались на стену и швыряли камни в солдат, но не могли добросить. Арриги приказал кавалеристам объехать стену кругом и разогнать бунтовщиков.

Командующие одобрительно покачивали головами. Полковник Арриги протянул Бейлю орден Почетного легиона, снятый с тела майора де Флао. Бейль, не говоря ни слова, взял его, аккуратно положил в портфель и пригласил всех садиться.

– Я получил от императора, – начал он, – приказ оставить Смоленск. Именно с этим поручением ехал майор де Флао, память которого я хочу почтить.

После нескольких секунд тишины Франсуа продолжил:

– Полковник Арриги уже дал вам указания привести ваши подразделения, включая гражданских лиц, в готовность к выступлению к завтрашнему утру. Мы не собираемся пользоваться покровом темноты, потому что не должны показывать, что бежим, это наступательный маневр. Таким образом, я назначаю начало операции на 7 часов утра. Из городских стен выходят в юго-западном направлении весь эскадрон польских улан и половина гвардейских драгун при поддержке двух артиллерийских батарей. Им нужно перемещаться так, чтобы враг решил, что это начало наступления, и был вынужден развернуть свой фронт к северу, потеряв день или два. В это время оставшиеся подразделения дивизии покинут Смоленск в западном направлении и пойдут прямо по Катынскому лесу до центрального перекрестка дорог.

Генерал Бейль указал место пересечения дорог пальцем на принесенной с собой карте.

– Дивизия развернет две артиллерийские батареи на юг, а пехотные батальоны должны будут готовиться продолжить движение в северо-западном направлении. Командование этой колонной возьмет на себя полковник Арриги. Кавалерийские отряды, выдвинувшиеся на юг, пройдут по тропе Катинского леса до начала вот этой дороги, – палец Бейля переместился к пункту, обведенному на карте жирным кругом. – Она приведет их к центральному перекрестку, где они присоединятся к дивизии, которая в этот момент начнет свой путь на северо-запад, кавалерия прикроет арьергард. Все ясно? Вопросы есть?

Командующие подразделениями имели сосредоточенный вид. Все чувствовали удовлетворение от того, что снова находят применение их военные таланты. Первым взял слово полковник де Вильфор.

– Я не совсем понимаю, Франсуа, смысл прогулки, которую ты приглашаешь меня совершить на юг с моим польским другом, если потом мы все равно вернемся к лесу.

Полковник Веровский одобрительно кивнул.

– Напоминаю, Эмери, – ответил ему Бейль, – что наша задача состоит в том, чтобы покинуть Смоленск, максимально сохранив наши силы. Если мы организованно выйдем из города, его тут же займут русские и бросятся за нами в погоню. И им, вне всяких сомнений, удастся нас догнать. А если мы заставим их поверить в нашу атаку на южном направлении, им будет труднее принять решение, они начнут колебаться, думать, какие меры предпринять, и потратят на это все утро. Их главный штаб находится в нескольких десятках километров. Когда они, наконец, сделают выбор, мы будем уже далеко, и нам будет легче перекрыть им доступ в лес. Поэтому необходимо, чтобы вы с Веровским создали полную видимость атаки, погромели как следует пушками! Ваш последующий поворот на лесную тропу должен заставить русских врасплох, выглядеть импровизацией, придуманной в последний момент. Если все согласны, господа, предлагаю распisać точный порядок всех операций.

Словно в учебной аудитории, каждый достал из кармана клочок бумаги и стал что-то на нем царапать. Совещание продолжалось еще около часа. В половине восьмого Бейль назначил время следующей встречи:

– В 6 утра сбор на центральной площади, в половине седьмого выступление кавалерии, в семь часов – выход на марш остальной дивизии. Доброй ночи, господа, выпитесь хорошенько. Вам понадобятся все ваши силы!

Командующие вышли на площадь, где их ждали лошади, и разъехались по своим подразделениям, дабы проследить за последними приготовлениями.

* * *

Полковник Арриги в рединготе цвета морской волны, какие носили штабные офицеры, уходил последним. Он поставил ногу в стремя и медленно поднялся в седло, затем пустил верного коня шагом. Его озадачила и встревожила растерянность, выказанная начальником, генералом Бейлем, нынче утром.

«Он прекрасный солдат, – думал Арриги. – Смел, знает, как организовать маневр, умеет прививать дисциплину и хорошо заботится о своих людях. Его совершенно не в чем упрекнуть, но что-то в нем меня смущает. Какое-то любительство, при всех его способностях. Он явно не одобрил мое требование расстрелять заложников и держался в стороне от их казни. Я крепче него, я не развлекаюсь, как позволяет себе он с глупышкой Мари-Терезой, а может, и с этой странной графиней Калиницкой, когда они остаются взаперти в ее доме. Дело, безусловно, в разнице нашего воспитания. Он из привилегированных слоев, которым революция малость обломала рога. Он не пренебрегает своими обязанностями, тщательно их исполняет, но живет словно в свое удовольствие. Он не знал тяжелого детства, какое было у меня. Мне ничто даром не давалось. Я сын простого кузнеца из бедной корсиканской деревни, у меня еще пять братьев и сестра. Моя деревня встала на сторону французов, а затем и на сторону Бонапарта, хотя вокруг нас все поддерживали Паоли. Я с трудом выучился читать, пока пас в горах деревенское стадо коз. Моя мать всегда ходила в черном. К счастью, у нее был кузен в Аяччо, который достиг кое-какого положения. Когда он узнал, что я мечтаю стать солдатом, он воспользовался своими связями, чтобы меня приняли в детскую военную школу в Бастии. Я получал самые лучшие оценки и с той поры постоянно двигаюсь вверх. Однажды, когда император проверял наш полк, где я служил капитаном, он мне фамильярно бросил: “Мне докладывали о тебе, маленький корсиканец! Если продолжишь в том же духе – сделаю тебя генералом!” Не думаю, что Франсуа Бейль презирает меня, но он инстинктивно чувствует, что мы принадлежим к разным кругам, и это именно так. Он – офицер. А я – военный. Армия – вся моя жизнь. Я почти никогда не пользовался правом на отпуск, только ради посещения свадеб моих братьев. Он считает меня бесчувственным, потому что я суров, но мне нравится музыка, я люблю петь в хоре. Когда вместе со всеми мужчинами нашей семьи я участвовал в отпевании моего дяди в церкви Пьетросанто, то был

взволнован гораздо больше, чем тот же Франсуа Бейль при виде несчастных расстрелянных».

Полковник Арриги подъехал к своему дому. Прохожие с удивлением смотрели на французского офицера, который ехал верхом, склонив голову, и бормотал что-то нечленораздельное.

Спрыгнув на землю, Арриги подумал: «Маневр Франсуа Бейля мне кажется очень сложным! Было бы гораздо проще резко углубиться на север, где, кажется, никого нет, но, разумеется, я в точности исполню его приказания».

И ему в голову пришла одна идея: у сохранившейся башни Смоленска надо подготовить большой костер, дым которого послужит им хорошим ориентиром, пока они будут скакать галопом по равнине, и будет еще лучше, если в этом огне сгорят тела расстрелянных русских, до сих пор лежащие возле стены!

* * *

Генерал Бейль, в свою очередь, вернулся во дворец Калиницкого. События прошедшего дня его изрядно потрясли. Майор де Флао был одним из его друзей в армии. Де Флао, как и он сам, принадлежал к группе молодых офицеров, получивших образование в королевских военных школах, но решивших служить Империи. Многие из них уже полегли на полях кровавых сражений – при Эйлау, Ваграме и на Москве-реке. А скольким удастся вернуться из России?

Его также волновал собственный план отступления из Смоленска. Арриги прав: план немного сложноват. Но эта сложность вызвана тем обстоятельством, что он преследует две цели, во многом противоположные: держать русское командование в неведении относительно подготовки к крупному сражению; обеспечить сохранность своих людей и вооружения дивизии. Для успеха план следует выполнять с филигранной точностью, а это зависит от маневров кавалерии. К счастью, и Вильфор, и Веровский – блестящие офицеры.

Войдя в столовую, где он планировал без промедления поужинать, Франсуа заметил Мари-Терезу. Ему показалось, что она одна.

– Мари-Тереза, больше никого нет?

– Никого! Я сама подам вам ужин. Все остальные ушли. Русская кухарка Анна убежала, когда услышала выстрелы, а Лоррен готовит вашу коляску к завтрашнему отъезду. Но ужин у меня поспел. Подавать?

– Да, прошу тебя.

– Он очень простой: картофельный суп, колбаса с капустой и печеное яблоко. Могу также достать последнюю бутылку французского вина, которое мы прихватили из подвала графа Шлыкова.

– Это было бы превосходно.

Мари-Тереза принесла суп, затем блюдо колбасы по-русски. На ней была все та же польская юбка. Когда она проходила мимо, Франсуа испытывал большое искушение обнять ее за прелестную, гибкую и крепкую талию, но он запретил себе это делать. Относиться к ней, как к кабацкой девке, слишком неуважительно, да и день неподходящий.

Когда она вернулась с яблоком и вином, Франсуа придвинул еще один стул и попросил принести второй стакан.

– Садись, выпьем за отъезд из Смоленска.

– Я не смею, генерал. Мне тут не место, – ответила она. Франсуа взял ее за руку и буквально заставил сесть. Она собрала складки польской юбки на коленях.

– Этот наряд тебе очень идет, – сказал Бейль. – Возьмешь его с собой?

– Нет, оставлю здесь, я же не воровка! Положу туда, где взяла. Но, – добавила она с хитрой улыбкой, – когда мы прибудем в Варшаву, я найду еще лучше!

Франсуа Бейль завладел бутылкой и наполнил оба бокала.

– Ты здесь не слишком несчастна? – спросил он.

– Нет, вовсе не несчастна. У меня есть моя работа, и я горжусь тем, что могу вам прислуживать.

– А ты не очень боишься?

– Я совсем не боюсь, потому что вы здесь, чтобы меня защитить. Я никогда не выхожу в город, но опасайтесь Анны. Она не знает, что я понимаю по-русски, и я подслушиваю ее разговоры с прохожими, которым она рассказывает про вас. Я не удивлюсь, если она шпионка.

– Ей скоро не за чем будет шпионить, потому что мы завтра уезжаем. Ты поедешь в одной коляске с Лорреном, и возьми с собой все твои вещи. Будь осторожна, потому что дорога будет трудной. А теперь, если ты не против, давай выпьем за успешный отъезд из Смоленска!

– И за приезд в Варшаву! – прошептала Мари-Тереза.

Они выпили, и Франсуа схватил бутылку, чтобы разлить остаток по бокалам.

* * *

Поднимаясь по лестнице, Бейль подумал, что можно нанести прощальный визит графине Калиницкой. Он подождал, пока Мари-Тереза уйдет к себе на квартиру на другом конце площади, и вернулся в свою комнату за ключом от перехода. В нем бурлили два противоречивых чувства. С одной стороны, радость от новой встречи

с Кристиной и жажда продолжения любовного диалога с прерванного места. Это желание распяляло его нетерпение. Но с другой стороны, он сознавал, что завтрашний утренний отъезд положит конец их знакомству. И все-таки желание оказалось сильнее.

Он вытащил ключ из книги, лежавшей на своем месте, потому что у него больше не было случая ее открывать. Затем снял мундир и подошел к зеркалу, чтобы поправить жилет. Провел рукой по волосам и оглядел себя целиком. «Не такой уж у меня и дикий вид», – подумал он.

Франсуа взял свечу, пересек прихожую и попробовал вставить ключ в замочную скважину. Наткнулся на сопротивление, что его не удивило: «Старый замок, им редко пользовались, разумеется, он плохо работает». Он повторил попытку. Ключ отказался проворачиваться в замке, и Бейль забеспокоился. Он понял, что в замок вставлен другой ключ с противоположной стороны, изо всех сил подергал за ручку двери, но тщетно.

Он застыл в недоумении. Открывшаяся истина по своей жестокости была сравнима с ударом в сердце. Графиня Калиницкая вставила свой ключ, чтобы не дать ему пройти.

Бейль долго стоял в неподвижности, прислушиваясь и не слыша ни звука, затем решил вернуться к себе в спальню. Он снял жилет, оставшись в сорочке, промокшей от пота. Значит, она на него обиделась, рассердилась из-за того, что он сам не сказал ей о своем отъезде, о котором она узнала от Марии. Он не сможет попроситься с ней, и никогда ее больше не увидит. Его отчаяние росло, превращаясь в черную дыру. Но постепенно верх взяла усталость. Сон его был переполнен кошмарами. В одном из них Флао вызывал Франсуа на дуэль. В другом – графиня Калиницкая уезжала верхом, а он гнал за ней пешком, задыхаясь и спотыкаясь о камни.

Разбудил его Лоррен.

– Уже половина пятого, вам надо готовиться к отъезду. Я подожду вас внизу.

Франсуа Бейль с трудом поднялся. У него совершенно не было настроения ничего делать.

Глава XI ПРОЩАЙ, СМОЛЕНСК!

Когда в пять часов Франсуа Бейль, побрившись и умывшись холодной водой, аккуратно сложив одеяла по всем правилам императорской гвардии, спустился в столовую, то нашел там лишь своего ординарца Лоррена.

– А Мари-Тереза ушла?

– Нет, она грузит вашу коляску, но я приготовил вам кофе, – сказал Лоррен, ставя на стол большую чашку, наполненную до краев черной жидкостью, рядом с которой он положил два ломтя ржаного хлеба и миниатюрный кусочек масла.

– Пока я буду пить кофе, поднимись в мою спальню и собери все, что я там сложил.

Выпив кофе, Франсуа Бейль открыл дверь и вышел на площадь. На улице было еще темно. Перед дворцом он с трудом различил силуэт кареты, запряженной двумя лошадьми, вокруг которых сутились какие-то тени. Он подошел ближе. Уже совсем рядом он увидел трех человек. В самой высокой фигуре он узнал графиню Калиницкую, одетую по-дорожному – в длинное манто из гладкого меха, застегнутое на все пуговицы от шеи до низких сапожек, и круглую шапочку из того же меха. К ней жалась маленькая Ольга, которую мама держала за руку. Девочка выглядела уменьшенной копией графини – в таком же манто и такой же шапочке. Позади них находилось нечто шарообразное, закутанное в шерстяную накидку. Это немкагорничная стояла с кошкой на руках и бормотала:

– Könnte ich meine Katze mitbringen?*

Франсуа Бейль снял форменный кивер и подошел к графине.

– Могу я спросить вас, мадам, куда вы направляетесь?

– Я рассчитываю присоединиться к вашему обозу, – ответила она голосом, глухо прозвучавшим в темноте.

– Но это военный обоз, вы не попросили у меня разрешения! – воскликнул Франсуа Бейль, уязвленный такой бесцеремонностью.

– Я не могла себе представить, что вы мне откажете!

* Можно, я возьму с собой кошку? (нем.)

Бейль подошел еще ближе. Теперь он мог разглядеть ее черты – эмалевую белизну белков, рот, ямочку. Он заговорил шепотом, чтобы темнота полностью заглушила те слова, которых не следовало слышать Лоррену.

– Я хотел прийти к вам вчера ночью. Хотел рассказать об отъезде и попрощаться с вами, но обнаружил, что дверь заперта.

– Это я ее заперла. Я не хотела вас видеть. Вы не должны были приказывать расстрелять этих бедных людей. Они не сделали вам ничего плохого!

Франсуа Бейль решил промолчать. Любые споры бесполезны. Он выждал мгновение, прежде чем задать следующий вопрос:

– Почему вы решили уехать?

– Потому что после вчерашнего расстрела жестокость в городе достигла невыносимого уровня. Вам же донесли, что в ваших людей кидались камнями. Русская кухарка Анна сбежала к себе домой. Она наверняка распускает грязные сплетни обо мне и о вас. Она меня ненавидит, потому что я наполовину поляк. Я не хотела, чтобы Ольга увидела все эти ужасы, поэтому решила уехать. Попробую добраться до матери, которая живет в Варшаве.

Пока она говорила, начал заниматься рассвет.

«Все тот же фееричный переход от тьмы к свету, – подумал Бейль, глядя на проступающие с каждой минутой белые фасады домов на площади. – Тот же самый эффект, который возникает в момент подъема занавеса в парижской Опере!»

Рядом с графиней Калиницкой теперь отчетливо виднелась ее упряжка – черная карета с дорожными сундуками позади, две серые в яблоках лошади в сбруе из черной кожи и меди.

– Откуда появилась эта карета? – спросил Бейль, удивленный ее роскошным внешним видом.

– Стояла спрятанной на заднем дворе. Я пользовалась ею, только когда ездила в наш загородный дом. Я уговорила кучера выкатить ее и подготовить к дороге. Но, едва закончив, он тут же испарился!

– Кто же будет править лошаадьми?

– Я сама. Я к этому привыкла. В деревне я даже ездила вместе с мужем охотиться на волков.

– Это же не охота, путь будет долгим и утомительным.

Генерал Бейль сделал Лоррену знак подойти.

– Карета графини Калиницкой поедет с нашим обозом, так как графиня желает направиться в Варшаву. Но каретой некому управлять. Не мог бы ты вывести ее на главную площадь и вместе с польским интендантом выяснить, нет ли среди раненых улан, которых мы забираем с собой, одного или двух, кто мог бы править лошаадьми

графини? Когда отправитесь в путь, ты со своим фургоном пойдешь впереди, а карета графини пусть следует строго за тобой.

Пока он отдавал приказания, графиня Калиницкая стояла без движения.

– Значит, нам можно уехать? – спросила она.

Она перехватила взгляд генерала Бейля. Их глаза встретились, в них отразились следы переживаний и сладких сожалений о вечерах и ночах, проведенных вместе.

– Да, мадам, – ответил он.

Он снова надел кивер, а немка-горничная и маленькая Ольга продолжали набивать дорожные сундуки сумками с провизией, домашними вещами, которые они стремились спасти от уничтожения. К колесу был прикреплен длинный рулон холста. Графиня Калиницкая проследила взгляд генерала и объяснила:

– Это портрет моей матери, висевший в гостиной. Сегодня утром я вынула его из рамы.

Франсуа Бейль вспомнил, что именно благодаря сходству с этим портретом он и узнал молодую графиню.

* * *

Дивизия Бейля, готовившаяся к выступлению из города, была так велика, что заполнила всю центральную площадь Смоленска. Несмотря на неразборчивый гул, доносившийся из разноязыких подразделений, зрелище в целом производило впечатление весьма организованного.

На южной оконечности площади в ряд выстроились два кавалерийских эскадрона. Именно им предстояло выступить первыми. Два полковника – Веровский и Вильфор – в полевой форме заняли место во главе в ожидании приказа пуститься в путь. Их помощники держались немного поодаль позади них. Между подразделениями оставалось небольшое пространство, где треугольником стояли лейтенант и два унтер-офицера. Строй польских улан был длиннее колонны гвардейских драгун, от которых генерал Бейль отделил один взвод для прикрытия пехотных батальонов. Драгуны сидели на гнедых лошадях, уланы на вороных. Все животные стояли ровно в ряд, их круглые глаза светились любопытством, они били копытами по гравию, показывая нетерпеливое желание отправиться в путь.

За двумя эскадронами помещались артиллерийские батареи, чьи пушки тянули более мощные лошади, орудийные расчеты, одетые в аспидные мундиры, восседали на зарядных ящиках.

В центре площади распоряжался полковник Арриги, строивший на месте пешую колонну. На тротуары он выслал жандармов с нагай-

ками, чтобы разогнать любопытствующих городских жителей. Швейцарский батальон первым выступал в направлении западных ворот, вслед за ним должны были двигаться савойяры, а уж затем – вереница гражданских телег, фургонов, колясок, повозок, сгрудившихся в конце площади. Их беспорядочное расположение приводило Арриги в отчаяние. Третий батальон баварских пехотинцев отправлялся после гражданских повозок, а замыкать колонну надлежало двум артиллерийским батареям и взводу драгун.

Пехотинцы занимали всю левую сторону площади. Полковник Арриги отдал им приказ выстроиться по шестеро в ряд, в соответствии с шириной дороги, по которой им предстояло идти. В результате каждый батальон растянулся примерно на сотню метров. Полковники верхом держались во главе колонны, унтер-офицеры распределались по правилам: трое спереди, двое – по бокам.

Арриги проскакал вдоль всей площади и счел, что установлен полный порядок. Он приветствовал полковников Гренбера, Фрежо и Шмидта, которые, в свою очередь, отдали ему честь. Часы показывали ровно шесть. Солнце поднималось на востоке, небо прояснилось.

Раздался чистый звук трубы. Кавалерия выступала маршем на юг.

* * *

Франсуа Бейлю хотелось понаблюдать за выездом кавалерии на равнину.

Взяв с собой лейтенанта Вильнёва, он отправился к городским воротам и попробовал взобраться на стену. Внезапно его окутало белым дымом, налетевшим со стороны огромного костра, который приказал разжечь полковник Арриги, распорядившийся собрать всевозможные доски и балки. Он хотел таким образом создать ориентир для войск, маневрировавших вдали от города. Сквозь облако дыма вдруг выстрелили языки пламени, рванувшиеся прямо в небо благодаря сухой погоде и отсутствию ветра и ярко осветившие хаотичные руины смоленских стен.

Бейль отвернулся, чтобы случайно не наткнуться взглядом на искореженные трупы расстрелянных накануне, и поднялся на вершину пригорка. Оттуда ему открылась вся равнина. Это было великолепное зрелище.

Слева польские уланы скакали колонной по двенадцать с саблями, висевшими на поясах красных штанов. Полковник Веровский шел галопом среди своих солдат.

Справа двигалась темная масса гвардейских драгун. Их лошади перешли на рысь, и полковник Вильфор направлял свою лошадь вперед, словно на показательных учениях в кавалерийской школе. Меж-

ду двумя этими группами, чуть позади катили артиллерийские бригады.

Чтобы разглядеть маневр в деталях, генерал Бейль достал подзорную трубу. Это, наконец, была война. Та война, о которой он мечтал, спектакль под солнцем, где в итоге верх возьмут лучше подготовленные и лучше управляемые войска.

Над окрестностями раздался гром пушечного выстрела, увенчанный миниатюрным белым, словно хлопок, облачком. Видимо, кавалеристы наткнулись на разъезд русских. Бейль увидел достаточно. Он развернул свою лошадь. Языки пламени стали просто исполинскими. Генерал вернулся в город, освещенный этим грозным заревом. Он прибыл на площадь в тот момент, когда полковник Арриги решил отправляться в путь. Было ровно 7 часов. Пестрая группа гражданских повозок пришла в движение. Бейль издали узнал фургон Лоррена и карету графини Калиницкой и решил присоединиться к замыкающему колонну взводу драгун.

Глава XII ЧЕРЕЗ КАТЫНСКИЙ ЛЕС

Марш пешей колонны проходил без происшествий. На всем пути до Катынского леса ей не встретилось ни одной живой души. На опушке леса в изобилии росли березы, но в глуши они очень быстро сменились непроходимыми зарослями хвойных деревьев. Дальше чем на десять метров ничего не было видно. К счастью, главная дорога, по которой двигалась дивизия, оказалась достаточно широкой. Обочины дороги заросли густой травой.

Единственным инцидентом стала встреча с небольшим отрядом русской пехоты, которая, вероятно, пряталась в лесу. Русские, заметив, что на них движется вражеская колонна, тут же разбежались врассыпную по лесу. Савойяры 141-го линейного полка бросились за ними в погоню. Они продирались сквозь деревья, перепрыгивали через поваленные стволы, словно охотились на серну. Когда они догнали одного русского, внезапно раздался треск, словно от ружейного выстрела. Беглец свалился в небольшую яму и сломал ногу. Савойяры решили его пощадить, бросили в лесу и вернулись к основной колонне.

Встречу с кавалеристами на главном перекрестке дорог генерал Бейль назначил на четыре часа пополудни. К этому моменту кавалеристы уже должны были завершить свой южный маневр, а дивизия успевала спокойно подойти с востока. Баварские пехотинцы, шедшие форсированным маршем, первыми появились на месте встречи. Неутомимый полковник Арриги решил укрепить перекресток на случай, если кавалеристов будут преследовать казачьи отряды. Он приказал срубить несколько деревьев, стволами которых перегородил дорогу, а с каждой стороны поставил по пушке, повернув их на юг.

Как раз в тот момент, когда все эти работы завершались, вдали на дороге показалось облако пыли. Франсуа Бейль в подзорную трубу узнал своих кавалеристов. Это были гвардейские драгуны. Маневр прошел успешно. Во главе группы скакал полковник де Вильфор. Когда полковник оказался в зоне слышимости, Бейль окликнул его:

- Эмери, все прошло хорошо?
- Нет, Франсуа, случилось несчастье.
- Что произошло?

– Наши польские друзья, ехавшие по опушке леса, наткнулись на лагерь русской пехоты, которую застали врасплох. Увидев это, Веровский отдал приказ атаковать. Они проскакали галопом через лагерь, пронзая насквозь все, что попадалось под руку. По несчастному совпадению, в одном из уголков лагеря тренировалась небольшая группа солдат, вооруженных ружьями. Они начали стрелять по полякам, убили Веровского выстрелом в голову, а также многих его людей. Остальные поляки перегруппировались, и им удалось присоединиться к нам. Кстати, смотри, вон они скачут.

И в самом деле, вдалеке на тропе показалась новая группа всадников. Десять минут спустя польские уланы вылетели на перекресток. Возглавлял их молодой офицер. Он остановил лошадь и представился:

– Капитан Залиский, мой генерал. Был помощником полковника Веровского, который только что героически погиб в сражении. Я временно возглавил эскадрон.

– Много людей вы потеряли?

– Не могу вам точно сказать. После боя наши люди рассредоточились. Лично я насчитал семь погибших. Возможно, были и другие, но кто-то еще должен вернуться.

Действительно, в конце тропы появлялись отдельные кавалеристы.

– Вы забрали тело графа Веровского?

– К сожалению, нет. Он остался в расположении русских. У нас не было возможности вернуться и спешиться.

– Какое горе для его родных!

– Я понимаю. Мы им так восхищались, но не могли ничего сделать.

– Разместите ваших людей на отдых и немедленно приходите ко мне для дальнейших приказаний.

Генерал Бейль отъехал на лошади вместе с полковником де Вильфором.

– Как это печально, – сказал Бейль, – Веровский был очень смелым офицером, почти моим другом.

– Да, и моим другом, даже близким, – ответил Вильфор. – Но он был неосторожным офицером. Не стоило нападать на этот лагерь. Там слишком много препятствий – палатки, веревки, разная утварь. Оттуда сложно было выбраться.

– Ты бы так не поступил?

– Нет, я бы не стал рисковать. Поберег бы своих людей.

– И в то же время его атака придала достоверности нашему маневру. Русские теперь точно будут опасаться атаки с севера.

– Это верно, но ведь так не планировалось, – холодно ответил Вильфор.

Вслед за последними кавалеристами, наконец, показались две артиллерийские батареи. Очевидно, им пришлось сделать крюк.

Приближались сумерки, и генерал Бейль решил, что дивизии лучше остаться на этом месте и провести ночь в лесу. Дальше они двинутся только следующим утром. Он попросил полковника Арриги сопровождать его для подготовки всех распоряжений.

Они начали с укрепления заграждений на дорогах при выходе их на перекресток. Там были расставлены артиллерийские батареи, развернувшие пушки на юг и на восток. А на востоке тем временем освещал небо красным заревом костер над Смоленском.

Остальная дивизия растянулась по дороге на северо-запад, в сторону предстоящего перехода. Бейль и Арриги по очереди проверили организацию во всех подразделениях. Сначала стояли швейцарцы, обеспечивавшие охрану перекрестка. Они поставили на траве свои маленькие палатки, сняли тяжелые рединготы и остались в рубашках с длинными рукавами и штанах, поддерживавшихся широкими подтяжками. Некоторые уже принялись разводить костры.

Чуть дальше кавалеристы привязывали длинные веревки между стволами деревьев, к которым крепили недоуздки лошадей, чтобы затем выстроить их в ряд, мордами к лесу. А пока их отвели на водопой к обнаруженному в лесу пруду.

Затем Бейль и Арриги прошли вдоль расположения батальона баварцев. Несколько солдат хором затянули немецкие песни.

Следующая остановка – гражданские лица, шедшие вместе с дивизией. Они остались верны привычному беспорядку, одновременно показывая и некоторую способность к организации. Маркитантки с закатанными рукавами стирали белье в тазах своими загрубевшими руками. Немногочисленные дети развлекались, с визгом прыгая по повозкам. Мужчины сидели вокруг костров и вырезали ножами что-то из дерева. Везде витал запах готовящейся еды. Беженцы группировались по языковому принципу: француженки и французы, выглядевшие более ухоженными, вероятно бывшие торговцы из Москвы; поляки рядом с русскими, завернувшимися в тряпичные лохмотья; несколько немцев устроились чуть в стороне, прямо у своей повозки. Разнообразие транспортных средств не поддавалось описанию – от низких телег на четырех колесах, до двуколок и возов, крытых бежевой тканью на полукруглых дугах. Стреноженные лошади паслись на траве. Над разнокалиберными повозками возвышалась монументальная карета графини Калиницкой, выделявшаяся лакированными бортами на фоне всей этой группы. Подойдя к ней, Франсуа Бейль увидел, что окна наглухо закрыты занавесками. Графиня и Ольга, должно быть, уже готовились ко сну. Он поклялся себе, что не будет навещать их во время перехода, только здороваться, проезжая

мимо. Кучер-поляк распряг лошадей, привязал их в нескольких метрах от кареты и растянулся на облучке, накрыв лицо одеялом.

Еще чуть дальше стоял фургон Лоррена. Бейль глянул на него мимоходом. Внутри все было аккуратно сложено, но фургон казался покинутым.

Последним оказался лагерь французских вольгитеров. Полковник Фрежо бродил среди своих людей, обмениваясь с ними замечаниями на смеси французского и савойского наречий. Эти люди явно привыкли к удобству и старались обустроиться основательно.

Полковник Фрежо окликнул Франсуа:

– Мой генерал, если вы пройдете еще вперед, то увидите место, приготовленное для вас.

В нескольких сотнях метрах впереди действительно открылась полянка. На ней хлопотал Лоррен в компании Мари-Терезы и нескольких призванных на помощь солдат-савойяров. Слева они установили две палатки, еще одну – напротив них. В середине, вокруг костра поставили раскладные скамьи.

– Эта палатка для вас, – показал Лоррен. – Мари-Тереза перенесла туда ваши вещи. Та, что рядом, – для полковника Арриги, а напротив – для двух кавалерийских полковников. Мы решили, что они будут спать вместе.

«Из них остался только один», – подумал Франсуа.

– Пехотинцы, – продолжал Лоррен, – сказали, что предпочитают остаться со своими людьми.

Мари-Тереза подкинула поленьев в костер, одновременно служивший плитой. Франсуа Бейль сделал ей знак подойти ближе. Она выглядела очень мило в длинной зеленой шерстяной юбке с черной каймой, некоем подобии открытого жилета и блузке с желтыми цветами. На руках у нее были рабочие перчатки.

– Ты выглядишь очень элегантно в дорожном наряде, – сказал Франсуа. – Как тебе это удастся? Нашла весь этот костюм в модной лавке в Смоленске?

– Я уже говорила вам, генерал, что ни разу не выходила там на улицу. Мне было слишком страшно. Вся моя одежда приехала из Москвы. До вашего появления там было много модных лавок, и, кстати, среди беженцев есть одна дама, державшая французский бутик.

«Надеюсь, она захватила кассу с собой», – подумал Бейль, а вслух добавил:

– Приготовишь нам вкусный ужин?

– Сделаю, что смогу, – ответила Мари-Тереза, – но продукты не слишком разнообразны. Я захватила вино и коньяк. Все будет готово через полчаса. Мне помогают савойяры.

– А где ты будешь спать?

– В нашем фургоне! Мы там в середине поставили ящики. Получилось что-то вроде перегородки, а по обе стороны от нее спальные места – одно для Лоррена, другое для меня.

– Ты все продумала, Мари-Тереза, – шутливым тоном заметил Франсуа.

На обратном пути он увидел, что к ним присоединились полковник де Вильфор и капитан Залиский. Солдаты савойского полка уже обустроили стол на бревнах около костра. Офицеры вчетвером уселись вокруг стола на складных креслах. Кавалеристы вытянули ноги.

– Нет ничего приятнее в этом мире, – пробормотал полковник де Вильфор, – чем вытянуть ноги как можно дальше, и мысочки, до кончиков пальцев, после дня, проведенного в седле галопом. Сладостное ощущение.

Он закрыл глаза и мысленно перенесся в свой дом в Перигоре, где растягивался на кровати после удачной погони за косулей. Но голос генерала Бейля вернул его к реальности.

– Несмотря на несчастье наших польских друзей, в целом итоги дня положительные. Мы посеяли сомнение на наступающем фланге русской армии, и нам удалось уйти из Смоленска с минимальными потерями. Город наверняка утопает в огне и крови, – добавил он, глядя на зловещий свет, отражавшийся в темном небе. – А мы здесь, на тропе в Катынском лесу, ведущей на северо-запад. Завтра переправимся через Днепр и, думаю, по дороге никого не встретим, так как русские все свои силы направили на юг, откуда они ждут подкреплений, и на запад, где рассчитывают догнать Великую армию. На другом берегу Днепра мы выйдем на дорогу на Минск и пойдем по ней, следуя приказу императора. После четырех дней на марше прибудем в город Борисов на Березине и пройдем дальше строго на запад, в направлении Вильны. Именно там, определенно, состоится большая битва.

Незаметно подошел Лоррен, принес стаканы, до середины наполненные коньяком. В пламени потрескивали дрова, временами сыпались искры. После перекрестка дорога слегка поднималась вверх, поэтому отсюда открывался вид на несколько километров. Франсуа Бейль созерцал ряд зажженных костров и тени, бродившие вдалеке вокруг огней. В чистом небе сияла луна, находившаяся в первой четверти, отбрасывая бледный свет на верхушки деревьев. Мари-Тереза начала подавать ужин с супницы, наполненной похлебкой из красной капусты.

«Неужели мы действительно на войне? – спрашивал себя Франсуа Бейль, глядя на мерцание крохотных огоньков, опаловый свет,

люющийся на молчаливый лес, и слушая шуршание шерстяной юбки Мари-Терезы. – Это правда война или сон о войне? – Внезапно перед ним возник неотвязный взгляд московского вольтижера, часто преследовавший его по ночам, и он представил себе тело полковника Веровского, распростертое в лагерной грязи, которое проходящие мимо русские солдаты наверняка пинают ногами. – Да, мы на войне», – и он опустил черпак в супницу, протянутую ему Мари-Терезой.

* * *

На следующее утро, в субботу 17 октября, дивизия Бейля выступила в северо-западном направлении. Она сохранила тот же походный порядок. Артиллерийские батареи замыкали колонну на случай, если русская армия все-таки попробует устроить маловероятную погоню. Ничего подобного не произошло. Польские уланы время от времени хватали каких-то нищих в лохмотьях, вышедших из-за деревьев. В зависимости от настроения (или от услышанных оскорблений) они отрубали вышедшим головы ударом сабли или давали им убежать обратно в лес. Только в конце дня, пройдя через большую равнину, дивизия вышла на берег Днепра, разбила там лагерь и воспользовалась всеми преимуществами стоянки на реке. Они находились в пятидесяти километрах от Смоленска, дым от которого уже растворился в воздухе.

Уход из Смоленска прошел успешно.

Глава XIII БОЛЬШАЯ РАВНИНА

Большую равнину пересекли без приключений. Почвы в этих местах болотистые, но дорога, на которую вышла дивизия, была совершенно сухой. Русская армия осталась где-то далеко на юге и теперь совсем пропала из виду. Генерал Бейль полагал, что его дивизия идет строго параллельно войскам Кутузова и что русский генерал совершенно не заинтересован в каких-то побочных диверсиях на севере, так как ему не терпится догнать Великую армию, прежде чем она форсирует Неман и сможет объявить себя победительницей.

До подхода к Березине оставалось еще три полных дня. Франсуа Бейль нравилось наблюдать за продвижением своей дивизии. Время от времени он съезжал с дороги в сопровождении четырех кавалеристов, удалялся на два-три километра в поисках подходящего пригорка, останавливался там, доставал из седельной сумки подзорную трубу и смотрел, как у линии горизонта идет его колонна. Каждое подразделение правильно выстроено. Солдаты хоть и не маршируют в ногу, но следуют почти строем за едущими верхом офицерами. В середине кортежа – удивительное сборище разномастных гражданских повозок, возглавляемое высоким силуэтом кареты графини Калиницкой, которую он не видел с момента выезда из Смоленска. Артиллерийские батареи в сопровождении польских улан замыкали шествие. После этого Франсуа Бейль складывал трубу, пускал лошадь в галоп и возвращался к своему войску. Вечером, перед сном, у него в памяти вставала та же картина: длинная вереница соединений, четко вырисовывающаяся на фоне сероватого неба и поблескивающая черными дулами ружей. Он ощущал настоящую радость от того, что вел свою дивизию практически без потерь – менее сорока погибших и тридцать тяжелораненых, которых заботливо везли в накрытых красной тканью повозках.

До сего момента он исполнял первое задание императора – замедлить движение Кутузова, создав некое замешательство вокруг Смоленска. Теперь оставалось лишь заняться вторым – перехватом бегущих русских после предстоящего сражения. У него для этого немного людей, но он приложит все силы. Надо только поторопиться, чтобы достичь нужного места.

В день полнолуния, во вторник 20 октября, он заставил дивизию идти до одиннадцати часов вечера, чтобы выиграть время. Солдаты, как и он сам, спали прямо на дороге, подстелив несколько охапок соломы и завернувшись в плащи.

На третий день, очутившись напротив кареты графини Калиницкой, он увидел, что стекло окошка опущено, чтобы можно было, наклонившись, любоваться пейзажем. Графиня сделала знак рукой, пригласив генерала Бейля подскочить поближе. Он пустил лошадь рядом с каретой, отмечая изящество руки графини, свисавшей через окошко.

– Все идет, как вы планировали, генерал?

Они не обменялись ни единым словом после той беседы утром в день отъезда, у ее дворца в Смоленске.

– Да, почти! – ответил Бейль. – Выезд был сложным, но затем все наладилось. Ваше путешествие не слишком утомительно, у вас хватает провизии?

– Хватает! – ответила она под стук колес, заглушавший ее голос. – А если чего-нибудь не хватит, ваша прислуга нас снабжает. Но у меня есть к вам один вопрос. Мы собираемся участвовать в сражениях?

– Не напрямую, мадам. Битва, разумеется, готовится. Кутузов хочет помешать императору форсировать Неман со своей армией. Но это еще далеко впереди. Я получил приказ держаться в арьергарде. Полагаю, через два дня мы прибудем в Борисов, и там вы сможете найти менее суровые условия пребывания. Если у меня появятся новые сведения, я вам обязательно о них сообщу.

– И последний вопрос, если позволите. Почему вы не зовете меня просто Кристиной?

Франсуа подумал, прежде чем ответить.

– Потому что мы на войне! Потому что у меня есть поручение довести эту дивизию в безопасное место. А еще, – добавил он с улыбкой, – потому что я не прав, Кристина!

И пустил лошадь рысью, отдалившись от коляски и присоединившись к первым рядам колонны.

* * *

Каждое утро Франсуа Бейль с беспокойством изучал небо. Он боялся дождя. Осень была в самом разгаре, горизонт стал свинцовым от серых туч, но дорога покамест оставалась сухой. В один день, как раз в ночь полнолуния, вся земля на рассвете покрылась белым инеем. Но солнце за утро его растопило.

Вечером 22 октября дивизия увидела Березину, серебристой змейкой бегущую по равнине. Дорога вела прямо к мосту, переброшенному через реку. Полковник Арриги ехал строго за польскими уланами, которым приказал развернуться на противоположном берегу, пока дивизия будет готовиться к переправе. Река катила тяжелые серые волны, образуя несколько стоячих рукавов. Было заметно, что мост недавно укрепляли, по всей вероятности, саперы генерала Эбле, проходившего здесь ранее. Чуть поодаль виднелись крыши борисовских домов.

Генерал Бейль дождался, когда последний драгун пересечет реку, развернулся, схватил свой кивер и театральным жестом, удивившим его самого, попрощался с пересеченной им только что большой равниной, после чего, в свою очередь, въехал на мост.

Глава XIV ОТДЫХ В БОРИСОВЕ, 22 ОКТЯБРЯ

Для солдат дивизии Бейля вступление в небольшой городок Борисов на берегу Березины означало в каком-то роде окончание русской кампании. Разумеется, война продолжалась, готовилась крупная битва, но они вернулись почти к той точке, из которой когда-то вышли, и завершили бесконечный круговой маршрут по русским просторам. За спиной, где-то в тысяче километров, остался московский кошмар; теперь они шли в Европу, к ее зеленым лугам, заботливым ухоженным полям и деревням, где окна домов украшены геранью.

Гуляя по улицам Борисова во время послеобеденного отдыха, они наблюдали любопытное зрелище. Город не был разрушен, его лишь в три приема пересекали войска. Сначала – русская армия, отступавшая перед Наполеоном. Тогда она еще не взяла на вооружение тактику «выжженной земли», как между Смоленском и Москвой. Она удовлетворялась опустошением лабазов и домашних амбаров. Великая армия продолжила эту работу. Наполеон торопил своих солдат, и армия вела себя довольно грубо, но не устроила ни разрушений, ни пожара. Только длинная центральная улица хранила следы ее пребывания: двери открыты, ставни вырваны из гнезд и пущены на дрова. На фасадах лавок остались надписи крупными черными или красными буквами, которые солдатам не удавалось расшифровать. Внутри все полки лежали сваленные на пол. Потревоженные крупные серые крысы бегали по комнатам в поисках отверстий, куда можно спрятаться.

Но уже в нескольких десятках метров от главной улицы картина менялась полностью. Жители с баулами спешили по делам, толкая перед собой тачки или тележки. Можно сказать, они пытались восстановить прежнюю жизнь за кулисами главной сцены. В отличие от Смоленска, они не обращали никакого внимания на солдат, не бросали на них злобных взглядов и мечтали только о том, чтобы их не трогали.

Лоррен в сопровождении Мари-Терезы, служившей ему также переводчицей, шел по городу в поисках дома для размещения генерала Бейля и полковника Арриги. Его внимание привлекла раскрашенная деревянная голова оленя, свисавшая с фасада одного из домов.

Вероятно, она указывала на постоянный двор. Войдя в дом, Лоррен и его спутница обнаружили темную комнату с закопченными от дыма стенами. Пол скрипел под ногами. В глубине комнаты, за стойкой, находился старик с лисьей мордочкой. «Никогда не видел, чтобы на чьем-то лице так явственно выражалась предательская натура!» – подумал Лоррен.

Переговоры шли недолго. Пока владелец издавал короткие вздохи, Мари-Терезе было поручено проинформировать его, что его постоянный двор реквизируется на два дня, каковое обстоятельство он должен почитать за честь, а ему самому лучше убраться отсюда подальше. Лоррен, не убежденный, что его мысль донесена правильно, дополнил ее красноречивым движением сапога.

В городе стоял шум от перемещений солдат, которым казалось, что они вернулись к радостям жизни. Лучше всего чувствовали себя поляки, они торговались в лавках, как на толкучке, пытались обменять форменные пуговицы и головные уборы Великой армии на пестрые иконы и статуэтки в форме яиц.

Лоррен заметил возвышающуюся над толпой фигуру Франсуа Бейля верхом на лошади и стал махать ему руками.

– Вот ваш дом для постоя, – сказал он. – Я вытребую гвардейцев для охраны. Есть две прекрасные комнаты, которые вы можете занять вместе с полковником Арриги. Мы с Мари-Терезой разместимся на заднем дворе, над конюшнями, куда вы можете поставить своих лошадей.

Генерал Бейль поблагодарил его и добавил:

– Займись, пожалуйста, размещением графини Калиницкой и ее дочери.

– Не стоит волноваться, мой генерал, это уже сделано. Кажется, она здесь чувствует себя как дома. Раздает приказания налево и направо. Она поселилась в прекрасном доме на площади, где церковь. Я так понял, дом принадлежит родственнику ее мужа.

– Предупреди ее, что я нанесу ей визит перед ужином, чтобы обсудить дальнейшее путешествие.

* * *

Незадолго до 6 часов вечера генерал Бейль показался у входа в дом графини. Его встретила горничная Мария в одежде служанки, помолодевшая на десять лет.

– Ваше превосходительство, извольте следовать за мной, – напыщенно произнесла она.

Франсуа Бейля поразило состояние дома. Это было прекрасное каменное здание в стиле XVIII века, но совершенно пустое, словно по нему прошли скребком: ни единого предмета мебели, ни утвари,

ни картин. Все увезено или украдено и болтается где-то в русских или французских повозках.

Мария проводила Бейля туда, где раньше находилась гостиная. Комната была полностью разорена. На голых стенах торчали крюки. Из кабинета принесли три простых стула, которыми грабители, очевидно, пренебрегли.

На одном из них сидела графиня Калиницкая, на втором ее дочь Ольга, поставившая ноги в белых носочках на перекладину.

– Присаживайтесь, генерал, – сказала графиня. – Это все, что я могу вам предложить, но мне кажется, сиденье надежное. Я лично его проверила. Я пришла сюда, потому что вспомнила, что дом принадлежит кузену моего мужа, мы останавливались здесь однажды, по дороге из Варшавы. Тогда он был очень прилично обставлен. А сегодня, как видите, не осталось ничего. Это здание напоминает мне череп, висящий среди охотничьих трофеев. С удовольствием предложила бы вам супу, но здесь нет ни единой тарелки.

– Я бы все равно не смог воспользоваться предложением, мадам. – Он назвал ее «мадам» из-за присутствия Ольги. – У нас идет важная операция, и я должен находиться среди своих людей. Я решил нанести вам визит, чтобы обсудить с вами кое-что. Когда мы обменялись с вами несколькими репликами около дверцы вашей кареты, вы с беспокойством спросили меня, не собираемся ли мы принимать участие в сражениях. Я постараюсь вам ответить. Теперь могу говорить с вами совершенно открыто, потому что русские шпионы от нас далеко. Готовится большое сражение. Оно состоится где-то впереди, в сотне километров отсюда. Мы займем позиции в арьергарде русской армии, а Великая армия окажется напротив нас. План императора состоит в том, чтобы разгромить армию Кутузова и таким образом ее окружить. В отличие от привычной тактики, он позволит ей продвинуться в центре, и я полагаю, он выслал корпуса маршалов Даву и Мюрата на север, а корпуса Жюно и принца Евгения – на юг, чтобы прикрыть фланги. Он хочет избежать ошибок московской битвы, где он позволил разбитой русской армии бежать, и потому выслал мне приказ перерезать дорогу, но у меня недостаточно средств и сил, чтобы это сделать. Поэтому я попробую расположиться на возвышенности, откуда смогу расстреливать из пушек отступающие русские части.

– Благодарю за урок военной тактики, генерал, – ответила графиня Калиницкая, которая не скрывала нетерпения, нервно покачивая ножкой под подолом платья. – Не могли бы вы сказать, что станет со мной, если мне придется подняться вместе с вами на эту высоту?

– Полагаю, ваше желание состоит в том, чтобы как можно скорее вернуться на Варшавскую дорогу, но вам никак нельзя пересекать

поле битвы. Если бы я был уверен, что Мюрат не ушел слишком далеко на север, вы могли бы попробовать присоединиться к его корпусу, но я не знаю его точного местоположения. Лучшее решение для вас – остаться с нами. Как только мы увидим части Великой армии, вы отправитесь к ним. Я дам вам небольшой отряд драгун в качестве сопровождения.

– Я бы предпочла польских улан! – ответила графиня и повернулась к дочери: – Уже поздно, Ольга. Тебе следует подняться в большую спальню и лечь спать. Попроси Марию расстелить на полу одеяла из кареты. Я скоро к тебе приду. Не забудь расчесать волосы.

Ольга поцеловала мать и вышла из комнаты. Один стул остался пустым. Графиня повернулась к Франсуа и села прямее.

– Мне кажется, я поняла ваши резоны, Франсуа, и последую вашим советам, но полагаю, вам не хватает немного эмоций. Я ждала, пока уйдет Ольга, чтобы сказать вам об этом. Подвиньте ваш стул. Мне бы хотелось, чтобы вы взяли меня за руку.

Франсуа переместил стул и взял графиню за руку. Его, как и в прошлый раз, восхитили изящество ее пальцев и шелковая мягкость кожи. Они напоминали ему плавно очерченные руки женщин на японских гравюрах.

– Вы правы, Кристина, я не выказываю бурных эмоций, но это невозможно. Это не только противоречит приличиям в той необычной ситуации, в какой мы с вами находимся. Дело также в том, что мое воспитание не позволяет мне делать две вещи одновременно, заниматься двумя важными делами, хочу подчеркнуть. Сейчас я поглощен командованием дивизией. На мне лежит ответственность за четыре тысячи человек, оторванных от привычной жизни, и я хочу вернуть их домой. В то же время я не могу подвести императора, провалив доверенное мне задание. Для страсти у меня остается совсем мало времени.

Кристина посмотрела на него. В глазах у нее стояли слезы, от чего взгляд светился.

– Я бы так хотела, чтобы вы полюбили меня, – сказала она, – чтобы вы меня безумно желали. Мне так этого не хватало!

Франсуа поднялся и подошел к ней. Он взял ее за руки и заставил встать, положил ее руки себе на плечи и сам обнял ее. Они прижались друг к другу изо всех сил. Франсуа не стал ее целовать. Он предпочел слушать учащенное биение ее сердца.

* * *

Растянувшись на своем убогом ложе на постоялом дворе с оленьей головой, Бейль позволил своему мозгу пофантазировать перед сном.

Стены в комнате были обшиты деревом от пола до потолка. На них висели несколько полок, куда он положил головной убор и хлыст. Роль ковра выполняла шкура дикого зверя, по всей видимости волка. В конце комнаты на улицу выходило маленькое окно с цветными стеклами. Оттуда с регулярным интервалом доносились размеренные шаги охраны. Бейль согрелся под одеялами, которые Лоррен отвязал от седла.

Он восстановил в памяти план предстоящих действий. Необходимо приблизиться к полю битвы, встать примерно в 15 километрах от него. Он будет ориентироваться по звукам пушек. Далее нужно найти небольшую возвышенность и устроить там свои укрепления. А что делать, если равнина окажется безнадежно плоской? С этой мысли его мозг переметнулся к личности императора.

Именно судьба императора волновала его сейчас больше всего. Восстановилось ли его здоровье? Обрел ли он жизненные силы? Он не может позволить себе проиграть это сражение. Если он потерпит поражение, это станет концом Империи. Германские княжества будут восставать на его пути. А как его примут в Париже, где многократно усилятся интриги, затеваемые Талейраном и Фуше? Сначала император их, конечно, победит, но ведь у этих гидр так много голов. В конце концов, они его погубят. По его собственным оценкам, русская армия получила подкрепление и стала численно превосходить Великую армию – 180 тысяч солдат с одной стороны против 130 тысяч с другой. Качество подготовки солдат у французов и их союзников выше, но, чтобы реализовать это преимущество, необходим военный гений Наполеона. Насколько вернулись его способности?

Тут Бейль погрузился в сон. Он оказался среди огромной равнины, кишашей солдатами, которые маршировали во всех направлениях. На них была самая разнообразная форма – русская, саксонская, итальянская, форма гренадеров Великой армии. Они шли к нему, чуть ли не сталкивались с ним и в последний момент огибали его фигуру. Бейль с ужасом спрашивал себя, в каком направлении ему двигаться, пока, наконец, не заметил в этой толпе вольтижера, смотревшего немигающим взором прямо на него и не отводившего глаз. Вольтижер был без ног – одно туловище, поставленное на тележку, в руках он держал деревянные катки, с помощью которых передвигался. Бейль хотел подойти к солдату, но силы покинули его.

Глава XV РУССКАЯ БИТВА, 29 ОКТЯБРЯ

Генерал Бейль следовал намеченным маршрутом. Выйдя из Борисова утром 23 октября, его дивизия двинулась в направлении Вильны, обогнув Минск с севера. На следующий день она шла вдоль берега огромного озера. Земля по-прежнему была болотистой, но дорога оставалась сухой. С неба не падало ни единой капли. Удивительное зрелище представляла собой хорошо организованная колонна, двигавшаяся по земле, где не встречалось ни единого человека, за исключением нескольких одиноких изб с закрытыми ставнями. Колонну сопровождали гражданские повозки, и Бейль, постоянно проезжая вдоль нее туда и обратно, кидал издали взгляд на карету графини Калиницкой. При воспоминании об их последней беседе он понимал, что ее отчаяние тронуло его даже больше, чем красота.

После нескольких временных стоянок в поле, где каждый размещался в своей палатке, 27 октября дивизия вошла в небольшой городок Сморгонь, где расположилась на ночь. Теперь она находилась всего в 60 километрах от Вильны, и каждый солдат уже предчувствовал неизбежность сражения. Разнообразный мусор и железки перед дверьми домов свидетельствовали, что часть Великой армии проследовала тем же маршрутом. После обеда Бейлю показалось, что он заметил вдалеке, на горизонте, вереницу кавалеристов, двигавшихся параллельно его колонне. Если это так, то речь безусловно шла об армейском корпусе Мюрата, направлявшемся к Вильне.

На следующее утро дивизия выдвинулась на поиски места, где можно разместить укрепления. Дорога, по которой они двигались, упиралась в главную дорогу, соединявшую Минск и Вильну. Возможно, по этой дороге, рассуждал Бейль, русская армия, сейчас находящаяся на юго-востоке, попытается осуществить отступление. Он заметил небольшой подъем, некое подобие скалы в правой части равнины, перпендикулярно дороге. Этот пригорок тянулся вдоль речушки, которая сама по себе уже составляла первое препятствие. Длиной более километра, он возвышался примерно метров на тридцать. Само Провидение, подумал Бейль, поместило его посреди равнины. И пустился в галоп, чтобы все лучше рассмотреть. Поднявшись на вершину, он удостоверился, что это небольшое плато, по краю которого те-

чет речушка. Можно поставить артиллерию на краю обрыва, откуда открывался вид на всю равнину, посреди которой змейкой вилась дорога на Вильну. Генерал Бейль был готов возликовать от такого расположения и созвал командующих подразделений, чтобы отдать все распоряжения.

Четыре артиллерийские батареи были поставлены в ряд на расстоянии восьмисот метров. Роты баварского батальона заполнили промежутки между ними, швейцарцы прикрывали левое крыло, не давая подойти к батареям с равнины. А батальон савойских вольтижеров остался в резерве, вне поля зрения противника, и обеспечивал безопасность гражданских лиц, сопровождавших дивизию.

Генерал Бейль долго думал, где разместить два кавалерийских эскадрона. Разделить ли их и в таком случае поставить с флангов? Или лучше составить из них единый кулак численностью восемьсот человек, который мог бы лавой высыпать на равнину? Он спросил мнения полковника де Вильфора и капитана Залиского, те единодушно посоветовали соединить их силы. Бейль с ними согласился и решил, что все кавалеристы должны стоять с правого крыла, а командование единым корпусом предоставил де Вильфору. Затем он отдал последнее указание:

– Мы не знаем, что произойдет дальше. Возможно, после сражения русская армия сохранит организованные части, например полк кавалергардов, который при виде нашего редута не побежит, а решит перейти в атаку. Тогда нашей артиллерии будет поручено дать им отпор, но также надо будет помешать им подняться наверх, для атаки пушек, усилив преграду на этом направлении. Поэтому отдайте приказ своим людям, – сказал он полковнику Шмидту, – выкопать ямы и возвести баррикады, срубив несколько деревьев.

В тот момент, когда он заканчивал свою речь, на западе раздался глухой раскат грома. И это была не гроза, а начало мощной канонады. Не говоря ни слова, все собеседники сделали шаг назад. Значит, подумалось им, все планы оказались верными. Великое сражение состоится завтра, и мы слышим приготовления к нему. Генерал Бейль понял общую реакцию и обратился к командирам:

– Пришла пора готовиться и нам, господа. Прошу вас собрать ваши подразделения и проследить, чтобы они завтра с самого раннего утра были готовы к действию. День грозит быть тяжелым.

* * *

Канонада периодически слышалась вплоть до самого наступления ночи. А на рассвете началась опять, с невероятной интенсивностью и рекордной длительностью. Ветер, дувший с запада, позволял разли-

чить две тональности: глухой звук, исходивший от французской артиллерии, и более ясный, от русских пушек, стрелявших против ветра.

Шум беспрестанно усиливался, теперь сосредоточившись по краям равнины, там, где армейские корпуса, пришедшие с севера и с юга, завершали маневр окружения.

Нервы солдат дивизии Бейля были напряжены до предела. Никто не произносил ни слова. В пушки засыпали пороховые заряды, и расчет из шестерых человек стоял около каждой из них с ершами в руках, а позади расположился унтер-офицер, командовавший стрельбой. Лошадей попарно привязали к ящикам в нескольких метрах от пушек. Один артиллерист держал их за недоуздок, развернув мордами назад. Каждый следовал своему плану. К 10 часам утра колонна русских солдат начала пересекать равнину с юго-востока в том направлении, откуда доносилась канонада.

«Это резервы, которые Кутузов посылает для поддержки правого фланга», – рассудил генерал Бейль.

Быстро посчитав, он прикинул их численность: от восьми до десяти тысяч человек. Вслед за пехотинцами тянулись два ряда пушек. Лошади, тащившие их, поднимали столбы пыли. До них, если оценивать через подзорную трубу, было около двух километров. Колонна ни разу не сделала попытки развернуться в сторону скалы и в конце концов исчезла на другом краю равнины.

Шум от поля боя теперь доносился ужасающий. Император, очевидно, бросил туда все силы, включая императорскую гвардию, чтобы компенсировать численное превосходство противника, подумал Бейль, но у Наполеона есть преимущество: выбор места сражения и наличие возможности зажать силы Кутузова в тиски благодаря двум корпусам на севере и юге, если ему удалось их вовремя подключить к сражению.

Бейль думал о своих друзьях в гвардии, воодушевленных шансом наконец сразиться с врагом на территории России. Его конноегерский полк, несомненно, призван идти в атаку. Ему казалось, что он слышит, как от стука копыт дрожит земля, он представлял себе падение кавалеристов, сраженных русскими пулями. Сколько офицеров и стрелков выживут после этой атаки?

У него не было никакой возможности следить за ходом сражения. Оно продолжалось где-то вне поля его зрения, на расстоянии пятнадцати километров. Пушки не переставали грохотать, и облако белого дыма стояло по всей линии горизонта.

Франсуа Бейль в третий раз отправился вдоль расположения своих частей. Лошадь шла рысью, он приветствовал жестом руки всех командующих подразделениями, включая теперь и капитанов пехотных рот, и лейтенантов артиллерийских батарей.

– Все в порядке? Вы готовы? – кричал он тем и другим. Он знал их всех до единого: они жили тем же ожиданием, наполненным смесью возбуждения и страха.

Лишь к трем часам пополудни произошли какие-то изменения. Грохот пушек внезапно утих наполовину. «Вероятно, судьба баталии решена, – подумал Бейль. – Именно к этому времени император чаще всего добивается решающего преимущества. Надеюсь, сегодня будет как раз такой случай!»

Только час спустя он получил ответ на свой вопрос.

Окраина равнины стала заполняться темной толпой, напоминающей полчища муравьев. Бейль прибегнул к помощи подзорной трубы, но ему все равно не удалось определить характер ее движения. Поскольку он сидел верхом, нельзя было полностью устранить легкое подрагивание прибора.

– Видишь что-нибудь? – спросил он у Арриги, сидевшего на лошади рядом с ним и также вглядывавшегося вдаль.

– Смутно. Похоже на толпу. Возможно, армия.

Пушки продолжали стрелять, но уже не беспрерывно. «Судя по ветру, кажется, разрывы доносятся со стороны Великой армии», – думал Франсуа Бейль, которому удалось стабилизировать окуляр, поставив локоть на головку передней луки седла. Картина становилась яснее. Теперь он различал группы, двигавшиеся в определенном порядке, а рядом с ними неорганизованные кучки, рассредоточившиеся по равнине. Очевидно, это русская армия отступала побежденной.

Генерал Бейль подождал еще несколько минут, чтобы удостовериться в первом впечатлении. Когда он обрел уверенность в том, что речь идет действительно о бегстве побежденного противника, то встал на стременах, поднял кивер на острие сабли и прокричал в полный голос:

– Великая армия победила! Да здравствует император!

И вдоль всего гребня, где выстроились батальоны, раздалось ответное:

– Да здравствует император! Да здравствует император!

Людское море растекалось по равнине. Уже можно было различить униформу: армия Кутузова покидала поле битвы. Среди бегущих панически и в беспорядке виднелись несколько полков и эскадронов, сохранивших вид боеспособных подразделений. Одна колонна кавалеристов во главе с офицером направлялась прямо на пригорок, занятый дивизией Бейля.

– Пусть подойдут ближе! – прокричал полковник Арриги.

Когда кавалеристы приблизились к подножью холма на расстояние двухсот метров, он приказал батареям открыть огонь. Это произвело устрашающий эффект, усиленный неожиданностью. Одних

всадников снесло с лошадей, другие спешно развернулись и бросились назад галопом. Замешательство достигло и пехотинцев, которые стали беспорядочно метаться по равнине. Неожиданное препятствие, о наличии которого они не могли догадаться, создало атмосферу хаоса. Полковник Арриги велел артиллеристам вести беглый огонь.

Франсуа Бейль внимательно наблюдал за происходящим. На горизонте он различал первых всадников Великой армии. Внезапно удивительная картина привлекла его внимание. Справа появились две открытые коляски, каждая запряжена четверкой лошадей. Они стремились пробить себе дорогу. Коляски охранял взвод из двадцати казаков, растянувшихся вдоль дороги на восток. Вероятно, они стремились добраться до Минска.

«Кто бы это мог быть?» – спрашивал себя генерал Бейль. Ему удалось поймать в окуляр подзорной трубы скамью первой коляски. Он вздрогнул и еще сильнее прищурился. Совершенно невероятно: это сморщенное лицо, полуприкрытые глаза, полное тело, увешанное впечатляющим набором орденов, – это же Кутузов, великий Кутузов!

За полсекунды Франсуа Бейль, бросил лошадь в галоп, доскакал до края плато, где стояли кавалерийские эскадроны. Заметив де Вильфора, он подозвал его задыхающимся голосом:

– Эмери, там Кутузов пытается проехать перед нами в открытой коляске. Поспешите вместе со своими людьми, постарайтесь его перехватить.

– У него есть охрана?

– Несерьезная. Ты справишься с ней одним махом. Поторопись!

Драгуны были уже в седле. Польские уланы готовились отправиться вслед за ними. Полковник де Вильфор повернулся к ним и поднял саблю:

– Вперед! В атаку!

Бейль подъехал к выступу и увидел, как кавалеристы высыпают на равнину. Две коляски находились на полпути от редута. Встревоженные шумом, их кучера пустили лошадей в галоп. Эта предосторожность оказалась недостаточной, так как драгуны и уланы уже настигли колонну. Казаки храбро попробовали защищаться, но их сбрасывали на землю или протыкали ударом пики. Один из поляков ухитрился в акробатическом прыжке схватить лошадь за удила. Коляска остановилась.

Кутузов, а это действительно был он, находился в состоянии самого сильного возбуждения. Его руки конвульсивно сжимались и разжимались. Он выдал по-французски какую-то тираду мужчине, сидевшему рядом с ним, – по всей видимости, генералу младше рангом.

Полковник де Вильфор приблизился к коляске.

– Приветствую, ваше превосходительство, – произнес он, пока кавалеристы перестраивались повзводно на некотором расстоянии от коляски. – Мой начальник, дивизионный генерал Франсуа Бейль, скоро присоединится к вам.

– У меня нет никаких причин его ждать! – прорычал Кутузов. – Пропустите меня!

Вильфор заметил, что Бейль спускается с пригорка, и отправился ему навстречу.

– Это действительно Кутузов, и он весьма не в духе.

– Его можно понять. Ты знаешь, кто во второй коляске?

– Не уверен. Думаю, генерал Платов. Попрошу поляков поговорить с его кучером.

– Займись им. А я отправлюсь к Кутузову.

Генерал Бейль приблизился к первой коляске. Он увидел Кутузова, который вытирал правый глаз большим белым платком.

– Ваше превосходительство, я генерал Бейль, командующий отдельной дивизией Великой армии.

– Не «превосходительство», а князь! Я генерал, князь Кутузов, командующий русской армией, – ворчливо ответил тот по-французски. – Мы все-таки в России. Я приказываю пропустить меня!

– Возможно, мы и в России, генерал, но прежде всего мы на войне. Именем императора Наполеона I я объявляю вас военнопленным, равно как и генерала Платова. И как только равнина будет освобождена от этой орды, я препровожу вас к князю Невшательскому, начальнику штаба армии, который находится где-то здесь неподалеку, и он проинформирует вас о вашей судьбе.

Кутузов обвел глазами пространство вокруг себя. Драгуны разоружили уцелевших казаков и держали их под присмотром в сотне метров от коляски. Артиллерия генерала Бейля продолжала стрелять по отступающим солдатам, свист пролетающих над головой ядер был хорошо различим.

– У меня к вам один вопрос, генерал Буэйль. Простите, если я неправильно произнес вашу фамилию. Что вы здесь делаете? Я рассчитывал, что арьергард армии Наполеона находится гораздо ближе к Вильне.

– Я не вхожу в этот арьергард, – ответил Бейль. – Я иду прямо от Смоленска, который покинул десять дней назад.

– Так это вы были в Смоленске! – воскликнул Кутузов. – Вы нам здорово осложнили жизнь. Я думал, вас гораздо больше. Полагал, что это целый армейский корпус Даву, но нам не удалось поймать

енных, чтобы выяснить точнее. Если бы я знал, что речь идет всегошь о дивизии, мы бы вас без труда разбили.

– Не думаю, что мы легко дали бы вам это сделать.

Бейль повернулся к полковнику де Вильфору:

– Эмери, – обратился он к нему по имени, устав от «превосходительств» и «князей», – попроси капитана Залиского выделить два зода улан, чтобы те окружили коляски этих господ и проводили до мандного поста маршала Бертье сразу, как только полки Великой мии начнут появляться на равнине, что должно произойти уже дольно скоро.

Он наблюдал перемещения бегущих солдат, которые свидетельствовали, что их преследуют уже всерьез.

– А пока оставайся здесь, – приказал он.

Когда генерал Бейль поднимался на пригорок, ему пришла в гову одна мысль. Он поскакал рысью к гражданским повозкам, стоим в двухстах метрах за артиллерийскими батареями. Он легко шел карету графини Калиницкой. Занавески на окошках были ущены. Бейль приблизился и постучал пальцем по стеклу. Никто ответил. Лошади выпряжены, может, в карете никого и нет. Он е раз постучал, настойчивее, заметил легкое движение занавески и эмко произнес:

– Кристина, это я, Франсуа!

Занавеска отодвинулась, стекло опустилось. Из-за него показась лицо молодой женщины.

– Простите, Франсуа, что не ответила вам сразу. Я не знала, кто чит. Ольга и Мария так испугались пушечных залпов, тем более) стреляли совсем рядом с нами. Они улеглись под скамейки. А это е долго продлится?

– Я принес вам хорошую новость, Кристина. Сражение выиграно скорости завершится. Я знаю, вас интересует не наша победа, – дозил он с укором, – а возможность как можно быстрее добраться до ршавы. Эта возможность вам скоро предоставится. Но я обязан :сказать вам о необычайном происшествии.

Графиня Калиницкая слегка наклонилась вперед. Ее лицо было едным от недосыпа и выдавало сильное волнение. При каждом пучном выстреле ее трясло от ужаса. Но ей удалось улыбнуться.

– Значит, все начинает налаживаться, но что же это за необычайное происшествие?

– Мы только что взяли в плен фельдмаршала Кутузова, а также герала Платова. Они пытались проехать в сторону Смоленска, по :того как их армия была разбита императором. Как только Великая мия воссоединится с нами, я отправлю пленных в сопровождении ошого эскорта в штаб маршала Бертье, который, должно быть, на-

ходится в Вильне. Вы сможете присоединиться к этому конвою, его будет возглавлять капитан Залиский. А после приезда в Вильну будете вольны отправиться в Варшаву. Думаю, эта дорога безопасна, она удерживается Великой армией. Ваш кучер еще с вами?

Губы графини задрожали.

– Как?! Это невероятно, Франсуа, я смогу уехать! Мы спасены! Да, мой польский кучер со мной. У меня их даже два, так как ему удалось рекрутировать еще одного среди гражданских беженцев. Они спят в рощице тут неподалеку, там же стоят наши лошади.

– Придется немного подождать, Кристина, пока появятся наши товарищи. А пушечных выстрелов не бойтесь – это стреляют только наши батареи.

На лицо графини, обрамленное занавеской, стал возвращаться румянец. Но какая-то мрачная мысль затуманивала блеск ее глаз.

– А когда я увижу вас, Франсуа? Вы будете проезжать через Варшаву?

– Не знаю, какое следующее поручение даст мне император, но всем своим сердцем надеюсь нанести вам визит в Варшаве. Я вернусь к вам совсем скоро. Вы можете запречь вашу карету?

И генерал Бейль снова отправился на гребень. На равнине разыгрывался новый спектакль. Кавалерийские отряды окружали беглецов и старались взять их в плен. Те бросали оружие и поднимали руки вверх. Совершенно необъяснимым образом кавалерийские скачки выглядели очень забавно, как будто они исполняли победный танец. Во главе галопом неслись офицеры с саблями в руках. Один из них остановил лошадь и достал монокль, чтобы посмотреть на гребень. Затем приказал своим людям выстроиться в ряд и рысью подойти к месту, где стоял Вильфор. Там они остановились, приглядываясь.

Полковник де Вильфор узнал их форму. Это были шеволежеры из кавалерийского корпуса маршала Понятовского. Вильфор опустил правую руку, сжимавшую саблю, и шагом направил лошадь к командиру. Тот поступил так же. Когда между ними оставалась сотня метров, они узнали друг друга.

– Привет, Эмери! – воскликнул офицер.

– Это ты, Мишель! – ответил ему командующий драгунами.

Новоприбывший оказался майором Мишелем Шаваном из второго гвардейского полка шеволежеров.

– Я слышал, Бейль назначен генералом. Это его дивизия расположилась на той высоте?

– Ты хорошо осведомлен. А ты откуда? – спросил Вильфор.

– Мы прямо с поля битвы, которая развернулась под Вильной, в двадцати километрах отсюда. Там император разгромил русскую армию.

– И как все прошло?

– Император устроил настоящую ловушку, и Кутузов в нее попался. Он выбрал равнину, ограниченную с двух сторон крутыми откосами. И сам развернул свои силы на этой равнине так явно, будто именно она является главной ставкой в сражении. С 9 до 11 часов командовавший нами маршал Ней заставил нас сражаться, отступая, чтобы заставить русских поверить, будто мы слабеем под их натиском, и наступать вперед. А в 11 часов император ввел в бой резервы, ожидавшие за откосами, – с одной стороны стояли Мюрат и Даву, а с другой – принц Евгений и Жюно. Русские осознали, что их окружили, и, в отличие от московской битвы, прекратили сражаться. Среди них много молодых, совсем зеленых солдат. В течение часа исход битвы никак не решался, но тут император ввел в бой гвардию и лучшие дивизии нашей армии – Фриана, Гюдена, Кутара и Компана. Наша артиллерия стреляла одновременно и вперед по равнине, и с двух откосов, а русской артиллерии едва удалось развернуться, потому что значительная ее часть осталась позади основных сил. Когда русские стали терять почву под ногами, началась мясорубка. Тут нам уже нечем гордиться. Ядра нашей артиллерии пробивали целые бульвары в рядах русской пехоты. К трем часам дня Кутузов отдал приказ своим силам отступать. Все сохранившие организацию подразделения двинулись на юг, а остальные побежали на восток, в поисках дороги на Минск. Их ты сейчас и видел.

К собеседникам присоединился генерал Бейль и вступил в разговор.

– Много ли вы взяли пленных? – спросил он майора Шавана.

– Маршал Ней дал нам приказ взять как можно больше. Насколько я смог разглядеть, пленных несколько тысяч, даже десятков тысяч. Не знаю, что мы с ними будем делать. Но для начала они похоронят убитых. А затем мы должны привести их в Вильну.

– Можете добавить к списку пленных еще два имени – фельдмаршал Кутузов и генерал Платов! Они были в коляске, которая пыталась выйти на дорогу на Минск. Мы их перехватили и арестовали. Они стоят в нескольких сотнях метров отсюда, вон под теми деревьями, – добавил Бейль, показывая рукой.

Майор Шаван повернул голову.

– Маршал Кутузов? Это невероятно! Невероятно... – повторял он.

– Я провожу вас к нему, но он не слишком любезен. Полагаю, его следует отправить к маршалу Бертье. Буду удивлен, если император согласится его принять. Не могли бы вы взять на себя его сопровождение?

– Я не получал такого приказа, – ответил Шаван, – но ситуация настолько экстраординарная, что наверняка мне позволено это сделать.

– В данный момент он окружен усиленным отрядом из польских гвардейских улан во главе с капитаном Залиским, который заменил полковника Веровского, к несчастью, убитого возле Катынского леса. Я могу предоставить их в ваше распоряжение. И я также попрошу вас принять и сопроводить карету с двумя польскими дамами, графиней Калиницкой и ее дочерью, которые ищут убежища у своих родственников в Варшаве.

Майор Шаван вскинул брови.

– Это не совсем по правилам, – сказал он, – но раз уж мы в необычных условиях, то пойдём до конца. Я не стану возражать.

Франсуа Бейль проводил майора Шавана до коляски, в которой фельдмаршал Кутузов притворялся спящим. Чуть поодаль шли шеволежеры.

– Вот, господин фельдмаршал, майор Шаван из шеволежеров гвардии, он отвезет вас к маршалу Бертье.

Кутузов сделал вид, что ничего не слышит, и не ответил ни единого слова.

Бейль подозвал капитана Залиского и, пока они вдвоем поднимались на пригорок, отдал ему необходимые инструкции:

– Возьмете два взвода своих улан и исполните роль эскорта, сопровождающего две коляски – фельдмаршала Кутузова и генерала Платова – вплоть до штаб-квартиры маршала Бертье. Мне очень важно, чтобы все знали, что именно наша дивизия их взяла в плен. Затем присоединитесь к нашему лагерю в Вильне. Я также просил бы вас оказать помощь графине Калиницкой, карета которой также последует вместе с вашим конвоем. Она бежала из Смоленска к своей матери в Варшаву. Это польская дама...

– Кажется, мама что-то говорила об одной из своих подруг, которая вышла за русского генерала.

– Это наверняка ее мать. Необходимо обеспечить безопасность графини в пути до Вильны, найти ей там пристанище, а затем отправить по Варшавской дороге.

– Я прослежу, мой генерал.

– Кстати, ее карету можете увидеть вон там.

Высокая карета казалась несуразной на голой равнине. Франсуа Бейль подъехал к ней. Окошко оставалось открытым, графиня наблюдала за ним. Когда он подъехал совсем близко, то произнес тихим голосом:

– Все улажено. Капитан Залиский проводит вас до Вильны и устроит вас там.

– Это не обязательно, Франсуа. У меня в городе есть кузина, у которой собственный дом.

– Затем он проводит вас вплоть до выезда на Варшавскую дорогу.

– Спасибо за все, что вы для нас сделали, Франсуа. Без вашей помощи мы стали бы уже искромсанными покойницами. Для меня это не имело бы большого значения, но для Ольги было бы ужасно. Она также вас благодарит.

В левом углу окна Бейль увидел помахавшую ему белую ручку.

Два кучера заняли места на облучке и натянули вожжи. Графиня наполовину высунулась из окна. Франсуа Бейль приблизился к ней и шепотом сказал:

– Я не могу поцеловать вас, Кристина. Вы поедете вслед за капитаном Залиским, он покажет дорогу. Берегите себя. Благодарю вас за все, что вы мне подарили. Счастливого пути!

Им потребовались большие усилия, чтобы расстаться. Графиня Калиницкая смотрела генералу в глаза. Она еще была бледна, но страх из ее глаз, кажется, ушел.

– Надеюсь вас скоро увидеть, – произнесла она, протянула руку и дотронулась до него.

Кучер щелкнул хлыстом, а Франсуа Бейль стоял и смотрел, как покрытый зеленым лаком задок кареты, переваливаясь на кочках, удаляется от него по равнине.

Глава XVI

ВИЛЬНА, 31 ОКТЯБРЯ – 4 НОЯБРЯ

«Ничто так не меняет моральный дух армии, как одна-единственная победа», – думал Франсуа Бейль, пока искал на улицах Вильны штаб маршала Нея.

Площади гудели от снующих туда-сюда солдат и офицеров, носивших высокие шапки с кистями или кивера и окликавших друг друга. Это было скорее похоже на город на юге Франции, да еще в базарный день. В основном слышалась французская речь, но доносилась также немецкая, польская и итальянская. Время от времени кто-то из старших офицеров садился на лошадь и в сопровождении адъютанта рассекал толпу. Если кто-нибудь из солдат узнавал офицера, то по толпе разносилось его имя, и все показывали на него пальцами.

Русских пленных разместили за пределами города под охраной вольтижеров, державших меж скрещенными руками заряженные ружья. Пленные сидели на голой земле, и проблема их прокорма, кажется, никого не волновала.

Повозки транспортировали бесчисленных раненых в виленскую больницу, где французские хирурги проводили одну ампутацию за другой среди оторванных конечностей и недвижных тел, заполнивших коридоры. Лица раненых, завернутых в пропитанные кровью лохмотья, казались угрюмыми и мертвенно-бледными. В некоторых из них по обрывкам формы можно было опознать русских солдат, которых подобрали, по всей видимости, по ошибке. Это ужасное зрелище не нарушало хорошего настроения толпы, которая лишь на минуту затихала, когда мимо проезжала очередная такая колонна. В конце концов, выжившие избежали всех этих ужасов.

Генерал Бейль потерялся в кутерьме. Он шел в сопровождении адъютанта, лейтенанта Вильнёва, которого попросил выяснить, где найти маршала Нея. Вильнёв принес сведения, что Ней на площади, где-то в центре города. Бейль решил отправиться туда пешком.

Вильна практически избежала разрушений. Все здания остались целы, так как в самом городе боев не было. Менее полугода назад император Александр устраивал здесь роскошный прием. Разумеется, дома разграбили, но стены почти не тронули, хотя солдаты Великой армии вели здесь и не совсем привычную жизнь.

Верховой гвардейский офицер заметил генерала Бейля и подъехал к нему. Спросил, не нужна ли ему какая-нибудь помощь, и, когда Франсуа сказал, что ищет с донесением маршала Нея, предложил проводить. Они очутились на площади, переполненной лошадьми и повозками. Офицер указал Бейлю на два административных здания, перед которыми стояли гвардейцы. В первом, сказал он, штаб-квартира маршала Нея, во втором – маршала Бертье. Бейль направился к Нею.

Гвардейский гренадер, несший вахту, узнал генерала и отсалютовал ему ружьем. Войдя в приемную, Бейль объяснил адъютанту, что желает приема у маршала. Несколько минут спустя адъютант вернулся и сказал, что у маршала совещание и он просит его подождать, так как сможет принять через три четверти часа. Бейль обрадовался привычной обходительности Нея и разместился в кресле, где долго боролся со сном. Ровно через сорок пять минут за ним пришел адъютант и проводил в кабинет маршала.

Ней встал, протянул Бейлю руку и пригласил сесть напротив. Франсуа рассмотрел маршала. Он был рад снова увидеть его круглую голову, приветливое, внимательное лицо. Слава, пришедшая к нему после московской битвы, не сделала его более строгим и чопорным.

– Кажется, ты прекрасно проявил себя, – начал Ней. – Твоя добровольная задержка и контрманевры под Смоленском помогли нам хорошо подготовиться к триумфальному сражению под Вильной, ты же знаешь, какой там был триумф! Тебе удалось пленить Кутузова и Платова, и мы отправили их под надежным эскортом в Кёнигсберг. Русская армия обезглавлена, император достиг своей цели. Он поручил мне выразить тебе свое удовлетворение. Теперь ты должен увидеться с маршалом Бертье, он сообщит тебе о новом назначении. Через несколько дней я попрошу тебя распустить твою дивизию, то есть вернуть все подразделения в гвардию и в те корпуса, откуда ты брал пехотинцев и артиллеристов. Поздравляю тебя с минимальным количеством потерь – всего 200 убитых, как мне сказали.

– Могу я вас попросить, господин маршал, позволить сделать представление к награждению офицеров и солдат, они его полностью заслуживают, в первую очередь мой помощник, полковник Антуан Арриги.

– Разумеется, они будут щедро вознаграждены! Император напомнил мне о своем намерении принять тебя в Тюильри по твоём возвращении.

– Он еще здесь? – поинтересовался Бейль.

– Нет, уехал вчера после полудня. Утром он по своей привычке отправился на поле битвы, которое прошел вдоль и поперек. По возвращении я нашел его более смятенным, чем обычно. Ближе к вечеру

он сел в карету, ту, которую ты видел в Москве, и уехал в направлении Варшавы. Останься еще на пару минут, я посвящу тебя в его намерения, здесь нам некого опасаться. Император мне показался восстановившим силы. Ему нужна была эта победа, чтобы снова обрести уверенность в себе. В то же время я смог уловить по обрывкам фраз, что он хочет предпринять какие-то политические шаги. Он говорил об изменении хода истории. Большого тебе сказать не могу, в подробности он меня не посвятил. Его первым этапом станет Варшава, где он объявит прокламацию. Что касается военных планов, то он хочет воздать по заслугам германским князьям, собиравшимся его предать. В отношении прусского короля Фридриха-Вильгельма III он займется этим лично. Планирует пойти на Берлин с корпусами Мюрата, Даву и Удино. Он не ждет от пруссаков серьезного сопротивления. Оттуда он направится в Веймар, а затем уже в Париж. Что касается саксонского короля Фридриха-Августа, император знает, что может рассчитывать на его лояльность, но многие сообщения указывают нам на то, что большинство саксонских генералов готовы перейти на другую сторону. Поэтому он просит меня урегулировать эту проблему, незамедлительно отправившись в Дрезден во главе корпусов принца Евгения и Понятовского. Он полагает, что если там нужна битва, то совсем не обязательно разбивать саксонцев наголову, они и так деморализованы после Вильны. Мы должны выделить время на отдых нашим войскам, они его заслужили. А через неделю отправимся в путь. Император желает, чтобы две эти проблемы – Пруссии и Саксонии – были разрешены к концу года.

Франсуа Бейля воодушевили такие перспективы, но у него оставался вопрос, какая роль предназначена в этих планах лично ему. Маршал Ней дал ему ответ:

– А тебе император хочет поручить одно специальное задание. Он не уточнил, какое именно. Ты должен будешь отправиться к маршалу Бертье, который сидит в двух шагах отсюда. Он передаст тебе указания императора.

Маршал Ней встал. Беседа продлилась ровно двадцать минут. Из приемной доносились голоса тех, кто ждал очереди на прием.

Ней крепко пожал руку Франсуа своими мощными пальцами.

– Еще раз спасибо за все, что ты сделал, и удачи!

– Прекрасные победы еще придут, господин маршал! – ответил Бейль, отдал честь, развернулся и вышел из кабинета.

* * *

Приемная маршала Бертье походила на гудящий улей, по которому офицеры самых различных званий перемещались во всех направ-

лениях. Контраст по сравнению со спокойствием, царившим у Нея, был разительным. Бейля узнал один из адъютантов, и Франсуа заинтересовался у него, сможет ли маршал его принять. Адъютант растворился в пространстве и вернулся через полчаса.

– Князь Невшательский просит у вас прощения, но он перегружен работой. Он должен организовать отправку частей в Германию. Он предлагает вам прийти послезавтра в четыре часа пополудни. Он ждет вашего ответа.

Франсуа Бейль, слегка раздраженный такой задержкой, ответил:

– Дайте знать маршалу, что я приду в назначенное время.

Он вышел на площадь, прогулялся среди толпы в пестрой униформе и направился в сторону места размещения, указанного ему интендантом, которое ему пока не удалось найти.

Весь следующий день у него ушел на обход командующих подразделений своей дивизии, расквартированных в Вильне или ближайших окрестностях. Его сопровождал полковник Арриги. Встреченные им офицеры, казалось, расслабились и не знали, чем себя занять. Исчезновение прямой угрозы оставило в их головах пустоту. Все они вернулись в свои корпуса, а батальоны пехотинцев и артиллерийские батареи должны были присоединиться к родным полкам в течение трех ближайших дней. Самый теплый прием ему оказали артиллеристы. Они выразили Бейлю признательность за интересное приключение, где им позволили проявлять инициативу и доверили ответственность, ранее невиданную. Самому старшему из капитанов было всего тридцать лет.

Через день Бейль отправился на назначенную встречу с маршалом Бертье. На сей раз он немного задержался у входа, где его приветствовали часовые, но затем без промедления был пропущен в кабинет Бертье, сидевшего за гигантским столом, усталым картами, в окружении 5–6 стоявших рядом генералов. Бейль узнал среди них маршала Удино с рукой на перевязи и кавалерийского генерала Латур-Мобура.

Пока Бертье, отодвинув бумаги, оперился одной рукой о стол, чтобы протянуть ему другую, Бейль внимательно его разглядывал. Голову маршала, вытянутую вверх, словно яйцо, венчала шевелюра в духе старого режима. «Интересно, это парик?» – задался вопросом Франсуа. Под глазами у него были огромные темные мешки, придававшие взгляду усталую настойчивость. Бейль заметил в них странное свечение, словно неустойчивое пламя. Все это напомнило ему чей-то рассказ о сцене в Витебске, когда Бертье настаивал, чтобы император прекратил военную кампанию, а тот его жестоко высмеял, предложив отправляться к своей любовнице в Париж. Сегодня, в окружении маршалов, Бертье вел себя так, словно это он выиграл войну.

– Пройдемте со мной, генерал Бейль, – произнес Бертье высокопарным тоном, – я должен передать вам сообщение от лица императора. – И, повернувшись к своему окружению, добавил: – Прошу прощения, господа, я ненадолго, когда вернусь, мы продолжим наши приготовления!

Бертье направился к двери, ведущей в маленькую комнату, и пригласил Франсуа Бейля следовать за ним. Комната была обставлена как кабинет, вдоль стены стояли стулья. Маршал Бертье сел в кресло за письменным столом и положил черные сапоги на стол.

– Берите стул, генерал Бейль, и садитесь. Вот какое сообщение передал мне для вас император. Во-первых, он выражает свое удовлетворение тем, как вы выполнили порученное вам задание. Вы замедлили и, вне всякого сомнения, осложнили движение русской армии и облегчили отход Великой армии. Эта задержка позволила ему подготовиться к финальной битве, которая надолго определила судьбу вражеского войска. В частности, можно утверждать, что русская артиллерия уничтожена. Я приказал описать все разбитые или брошенные на поле битвы пушки. Император уточнил, что наградит вас во время приема в Париже. Что касается вашего ближайшего задания, он предлагает вам после роспуска дивизии направиться в Париж.

– Я не буду принимать участия в Прусской и Саксонской кампаниях? – прервал его Бейль, не скрывая разочарования.

– Вижу, вы хорошо осведомлены, – язвительно заметил маршал. – Наверняка в городе много болтают. Его императорское величество доверяет вам задачу командования кавалерией императорской гвардии и реорганизации по мере необходимости ее полков, находящихся в столице. Сегодня они разбросаны по разным местам. Император хочет придать гвардии образцовую прочность. Он сам даст вам конкретные указания. Он желает – о чем сказал мне лично, – чтобы вы как можно скорее отбыли в Париж, разместили там свой командный штаб в Военной академии. Для облегчения вашего передвижения я дам необходимые распоряжения.

Бертье поднялся. В его глазах сохранился тот беспокойный блеск, который Франсуа не желал анализировать. Он подумал, что в нем кроется непредсказуемость будущего. Бейль взял головной убор, отдал честь маршалу и вышел из комнаты. Он с трудом проложил себе дорогу через беспрестанно входящих и выходящих из приемной военных и вышел на площадь. Воздух был свежим, но холод не пробуждал желания погулять.

Направляясь к своей квартире в сопровождении лейтенанта Вильнёва, Франсуа Бейль размышлял о последствиях указаний, которые дал ему Бертье. Он был разочарован тем, что не примет

участия в военных кампаниях, которые ждут Великую армию на пути домой. Ему бы хотелось снова взять на себя командование. Но он должен немедленно ехать в Париж, где его не ждет никто, кроме матери. Путь в девятьсот километров в экипаже со сменой лошадей на станциях займет двадцать дней. Он проедет через Варшаву, Веймар, проскочит между Пруссией и Саксонией и, наконец, окажется в долине Рейна. Тут же больно уколола задняя мысль: он не сможет остановиться в Варшаве, хотя подсознательно уже свыкся с мыслью о визите к Кристине Калиницкой. Но ему не оставили выбора! Ему надо выехать как можно скорее, чтобы провести там хотя бы день! А что касается командного поста в Париже, то это очень лестно, но после всех грандиозных перипетий Русской кампании казалось ему бледным и скучным. Несмотря на праздничную атмосферу, он чувствовал себя разочарованным и огорченным.

Бейль подъехал к своей квартире. Окна были открыты, Мари-Тереза наблюдала со второго этажа за уличной суетой. Некоторые солдаты свистели, пытаясь привлечь ее внимание.

Лоррен стоял перед заботливо распахнутой для генерала дверью. Бейль отдал ему шапку, перчатки и зеленый форменный мундир, надетый по случаю визита к маршалу Бертье, и попросил собрать в зале на первом этаже лейтенанта Вильнёва, конюха Бонжана и Мари-Терезу.

Когда все четверо пришли, Франсуа рассказал им о предписании императора вернуться во Францию и попросил их присоединиться к нему в дороге до Парижа. Их глаза заблестели от радости и нетерпения.

– Мы выезжаем через два дня. Мне нужна небольшая пауза, чтобы завершить возвращение моих батальонов в исходные полки. Завтра вечером я приглашу полковника Арриги и девятерых командующих нашими подразделениями на прощальный ужин.

Повернувшись к Мари-Терезе, на лице которой сияла восторженная улыбка, он добавил:

– Ты должна будешь превзойти саму себя, а ты, – уже обращаясь к Лоррену, – раздобудь лучшего вина, какое можно достать в Вильне. Когда мы в конце вечера будем пить, все должны быть пьяны! Пригласи трех-четырех литовских скрипачей. Что касается тебя, Вильнёв, поужинаешь с нами, а потом тебе придется вместе со штабом маршала заняться обещанным транспортом. Мы выезжаем послезавтра утром. Первый пункт назначения – Варшава. На дорогу туда уйдет пять дней.

Вечер продолжался. Бейлю не терпелось остаться в одиночестве, чтобы привести мысли в порядок. Он попросил Мари-Терезу подать ужин.

Франсуа сел за стол. На улице не редела толпа военных, он видел силуэты через грязное, запыленное оконное стекло. Мари-Тереза вошла в комнату, держа двумя руками большую тарелку, в которой дымился суп из белых артишоков.

– Я не нашла супницу, – сказала она, – но могу подать иначе.

На ней были голубая юбка и корсаж из белой ткани с пышными рукавами. Улыбка не сходила с ее лица. Франсуа понял, что даже не посмотрел на нее.

– Я поняла, что вы берете меня с собой во Францию, – продолжала она. – Я без ума от счастья. Не знаю, как вас благодарить!

– Ты же говорила, что отблагодаришь в Варшаве. Мы прибудем туда через пять дней.

– До этого еще слишком далеко. Я так боялась, что останусь одна в этой дикой стране.

– Здесь вокруг нас уже не дикари, а поляки с литовцами.

– Вы говорите так, потому что вы мужчина и генерал. А для одинокой женщины разница совсем небольшая.

Мари-Тереза подошла к нему и наклонилась. Франсуа обнял ее за талию и притянул к себе, скользнув руками ниже на бедра. Ее голубые глаза сверкали от счастья. Она прильнула к нему губами и тут же отпрянула.

– Я рад, что ты избавилась от своих страхов, – сказал Франсуа. – Нам действительно грозило самое худшее. Я переживал за тебя. Но теперь все позади.

Она отошла, но развернулась и вернулась к нему. Франсуа взял ее за руки. Они остались холодными, несмотря на горячую тарелку с супом. Он подержал их минуту, а затем приступил к супу.

* * *

Генерал Бейль хотел устроить парад для прощания со своей дивизией, но затем отказался от этого плана: его осуществление представляло слишком много сложностей, так как подразделения были рассредоточены по всему городу и окрестностям. Он опасался негативных суждений, если его затея кому-то покажется слишком вычурной, ведь столь быстрое возвышение генерала наверняка породило кучу завистников. Признаки этого он заметил, еще пока шел через приемную маршала Бертье. Потому он решил поприсутствовать на церемонии построения всех подразделений дивизии перед сменой места дислокации. Она везде проходила идентично. Батальон или эскадрон делился повзводно, во главе каждого взвода стояли капитан и лейтенанты. Бейль под звуки оркестра салютовал флагу или штандарту, затем обращался к солдатам, благодарил их и объявлял, к каким наградам он их представил. После чего солдаты проходили перед ним.

Франсуа старался поймать взгляд всех офицеров и унтер-офицеров, когда они поворачивали голову к нему, отдавая честь.

Эти церемонии заняли целый день. Генерал Бейль перемещался от одного подразделения к другому в сопровождении полковника Арриги и своего адъютанта. Адъютант ехал чуть впереди, предупреждая солдат о визите. И каждый раз Бейль поражался отличной выправке батальона. Вся форма починена, а построение – безупречно, не хуже, чем во дворе Тюильри. У него возникло ощущение, что прекращение боев возродило все различия в корпусах Великой армии. Баварцы повиновались строгим окрикам и, казалось, рады были теснее сплотить ряды; швейцарцы демонстрировали медлительность и методичность; французы из 141-го линейного полка сохраняли военную выправку вслед за командирами и своими точными жестами напоминали самих себя на поле сражения. Генерал Бейль ощущал, как в нем рождаются новые эмоции, всякий раз, когда прощался с очередным полковником. Вот оно каково, мирное время! Не надо бояться завтрашнего дня. Каждый спокойно живет своей жизнью. Огромная военная машина, требующая стольких жертв, такая трудноуправляемая, внезапно ощущает свою бесполезность. Он старался не замечать исчезновение уз, которые стали такими крепкими в смоленский период, той непринужденной солидарности, которая царила в импровизированных лагерях.

Самое прекрасное зрелище являла собой кавалерия. Полковник де Вильфор выделил участок пустоши около городских стен и разместил там эскадрон гвардейских драгун с одной стороны и польских шеволежеров с другой. Генерала Бейля поставили на краю этой поляны между ними. В конце церемонии де Вильфор придумал, чтобы два эскадрона встали друг напротив друга, начали движение навстречу, а затем, резко повернув на 90 градусов, вошли, голова к голове, двумя колоннами через поднятую решетку городских ворот. Остались только полковник де Вильфор и капитан Залиский. Они подъехали и отдали честь генералу.

Дивизия прекратила свое существование.

Глава XVII ПЕРВЫЙ СНЕГ

Штаб маршала Бертье сделал все, чтобы облегчить генералу Бейлю дорогу в Париж: ему выделили прекрасную четырехколесную карету, оставленную в Вильне армейским поставщиком, которого спешно вызвали в Париж давать показания министерству военной администрации по делу о поставках ненадлежащего качества.

Это была закрытая карета с четверкой лошадей. Внутри друг напротив друга стояли две скамьи, обитые мехом. На каждой могли сидеть двое путешественников, и между ними еще располагался подлокотник. Слегка потеснившись, рассудил лейтенант Вильнёв, когда ему показали карету, здесь и втроем можно уместиться. Впереди, на возвышении, находились сиденья для двух кучеров, а позади – место для фореиторов. Лейтенант добился, чтобы до Варшавы им выделили польского шеволежера, который служил бы переводчиком, функции кучера он доверил Лоррену и Бонжану. Они, привыкшие управлять крупными гвардейскими лошадьми, заявили, что легко справятся с четверкой небольших литовских лошадок.

Пока генерал Бейль посещал церемонии построения, Лоррен обежал городские лавки, купил пелерины и меховые полости для кучеров, готовясь к сильным морозам, которые предрекали местные жители. Небо давно затянули серые густые облака, неподвижно висевшие буквально над головой. По улицам гулял холодный ветер.

Экипаж отправился в путь 5 ноября в десять часов утра. Лейтенант Вильнёв сел рядом с Бейлем. Оба надели походную форму гвардейских егерей. Напротив устроилась Мари-Тереза в бежевом шерстяном мантио с поднятым воротником. На ней была черная каракулевая шапочка, ноги, едва видневшиеся из-под длинного мантио, спрятаны в сапожки. «Она может приспособиться к любым условиям», – подумал Бейль. На скамье возле нее стояла плетеная корзина с провизией, откуда торчали горлышки винных бутылок.

Лоррен и Бонжан взгромоздились на свои сиденья и взяли в руки длинные вожжи. За спиной они сложили ружья, пороховые рожки, сабли – подготовились к любой неожиданной встрече. Польский всадник сел на головную лошадь, чтобы показывать дорогу.

На выезде из Вильны коляске пришлось одолевать достаточно крутой подъем. Снега еще не было, но дорога покрылась тончайшей

ледяной коркой. Лошади с трудом тянули карету, поэтому Бейль и Вильнёв пошли пешком, облегчив им задачу. Мари-Тереза тоже ловко спрыгнула с подножки. Оказавшись на развилке посреди равнины, Бейль задумался, куда ехать. Самая короткая дорога на Варшаву, согласно карте, выданной ему в штабе, шла на юго-запад, в направлении Белостока. У подножья горы он заметил прекрасную дорогу, идущую как раз в нужную сторону. Он указал на нее фореитору, и трое пассажиров сели обратно в карету.

Пейзаж был пустынен и мрачен. Время от времени они замечали избы, из которых валил белый дым. Попалось навстречу звено кавалеристов. Лоррен и Бонжан положили руки на ружья, не выпуская поводьев. По униформе они опознали гусар Великой армии. Это вестовые скакали с донесением к маршалу Бертье.

Путешествие продолжалось монотонно, без происшествий. К трем часам дня они проехали крохотную деревеньку, где во дворах кудахтали куры, избежавшие армейских экспроприаций. Бейль наметил проехать в первый день сорок-пятьдесят километров. Им предстояло ночевать в следующем селе. Когда начало смеркаться, они заметили огни большой деревни.

– Мы еще в России? – спросил Франсуа Бейль у фореитора.

– Нет-нет! Вы в Литве. Это не враги.

Карета въехала на главную улицу. Деревня как будто вымерзла. Все ставни были закрыты. В воздухе носились мелкие хлопья снега, щипавшие лицо. Тучи, казалось, спустились на уровень крыш.

Широкая дверь с двумя фонарями обозначала вход на постоянный двор. Перед домом находилась мощеная площадка, где и остановилась карета. Вероятно, это была почтовая станция. Бейль решил здесь и заночевать.

На первом этаже оказалась просторная зала с низким потолком, которого легко было коснуться, встав на цыпочки и вытянув руку. Несколько свечей на столах давали мутный желтый свет. Владелец постоянного двора с супругой подошли, чтобы сказать несколько вежливых приветственных слов, которые поляк приблизительно перевел. Хозяев явно пугала армейская форма.

Они дали понять, что постоянный двор пуст, комнат достаточно, и ужин сейчас разогреют.

Небольшой отряд поднялся на второй этаж по деревянной лестнице и сложил вещи. Жена хозяина открыла дверь в большую спальню для генерала Бейля, затем дальше по коридору показала комнату, где может переночевать лейтенант Вильнёв, комнату с двумя кроватями для кучеров, еще одну для фореитора и, наконец, последнюю – для Мари-Терезы. Бейль велел изменить порядок. Мари-

Тереза заняла комнатку посередине, чтобы не бояться остаться одной, вдали от всех, на растерзание головорезам.

Быстро подали ужин. Он состоял из местных продуктов – свинины, картошки, свеклы и капусты, хорошо приправленных и вкусно приготовленных. Бейль, Вильнёв и Мари-Тереза ужинали за одним столом. Мари-Тереза сначала засомневалась, но генерал указал ей рукой на стул. Она подобрала юбку и села.

В это время кучера и форејтор занимались лошадьми – поставили их в стойла, принесли охапки сена и ведра воды. Вернувшись в зал, они усердно терли замерзшие ладони.

– Там чертовски холодно! – воскликнул Лоррен. – Все замерзает, даже вода в ведрах. Если судить по знаменитому республиканскому термометру, больше десяти градусов ниже нуля!

* * *

Бейль поднялся в спальню, показанную хозяйкой. Он чувствовал пустоту в голове. Ему не о чем было думать, кроме перегонов, которые один за другим приведут его домой во Францию. Казалось, его влекло по пути, где от его воли и планов ничто не зависело и любые усилия не имели смысла. Ему даже не хватило сил раздеться. Он снял форменный мундир, рывком стащил сапоги, вытянулся под меховым одеялом и погрузился в сон.

* * *

Проснувшись на рассвете 6 ноября, Бейль осознал, что за ночь что-то произошло. Внешние звуки стали мягкими и тихими. Он подошел к окну и увидел, что все вокруг побелело. Густой слой снега покрыл землю и крыши. Снег продолжал падать ровными линиями, слегка наклоненными ветром. Он ложился на стекла, где тут же начинал таять и сползал узкими полосками. Бейль спешно натянул верхнюю куртку, сапоги и спустился по скрипящим ступеням лестницы.

Внизу он увидел, что стены зала украшены охотничьими трофеями. Он узнал голову волка и длинные рога косули. Столы были покрыты скатертями в красно-белую клетку. Он подошел к двери, потянул за ручку и вышел на порог.

Снег хлестал прямо в лицо. Он заметил Бонжана и польского форејтора, крутившихся вокруг кареты, колеса которой погрузились в мягкий снег почти до половины. Небо, если не замечать снега, было черным, температура еще опустилась. «Минус пятнадцать, – подумал он, ощущая покалывание на коже. – Вот она какова, русская зима, знаменитая русская зима, о которой мне говорили. Здесь нет осени, она приходит в один момент».

Бейль неподвижно стоял у двери, наслаждаясь этим зрелищем. Он видел, как жестикулируют, словно силуэты, нарисованные тушью, фигуры у кареты, к которым присоединились Лоррен и хозяин постоялого двора. Все шумы звучали приглушенно, забор вокруг двора украсился снежным гребнем и постепенно скрывался под сугробами.

«Боже мой, Боже мой! – думал Бейль. – Хорошо, что это не случилось с нами в чистом поле, до или после Смоленска. Нас бы настигли казаки, а у нас даже не было бы нормального вооружения для обороны! Пехотинцы спотыкались бы на скользкой дороге, снег забивался бы в их ботинки и падал за шиворот. Ружейная сталь обжигала бы холодом их пальцы. К счастью, император имел предчувствие, заставившее его поторопить нас с отходом!»

Бейль, глядя на двор, вспоминал ту небольшую террасу в Кремле, на которой император отдавал ему указания: «Сейчас! Нужно уходить сейчас!» Как он был прав! Вместо того чтобы торчать в болотах и снежных полях русских равнин, Великая армия двинулась к Вильне и Неману, который вскорости пересечет. Император правильно решил, надо было уходить немедленно, повторял Франсуа Бейль, настолько поглощенный своими мыслями, что снег уже начал покрывать его белым плащом.

За спиной он услышал шаги. Это хозяин принес новости. Бейль позвал Лоррена, продолжавшего чистить карету, и поляка – чтобы перевести слова хозяина. Но не смог до них докричаться. В десяти метрах звуки гасли, поглощенные снежным бархатом. Лоррен заметил его жесты и подошел. Они встали в дверях.

– Можешь спросить у трактирщика, помешает ли нам снег выехать сегодня утром?

– Он говорит, что нет. Если хотите дождаться, когда сойдет снег, вам придется провести здесь пять-шесть месяцев. Дорога хорошая до самого Белостока. Он может продать нам лопаты, чтобы разгрести дорогу, если ветер надует большие сугробы. Еще он рекомендует зарядить ружья, чтобы отгонять волков, иначе они могут напасть на лошадей и сбить их с пути.

– Едем дальше, – приказал Бейль своему небольшому отряду, к которому присоединилась Мари-Тереза. Между меховой накидкой и шапкой виднелись только ее нос и маленький выбившийся локон. – Принесите нам лопаты и приготовьте горячее вино выпить на дорожку, – велел Франсуа трактирщику, исчезнувшему на кухне.

Полчаса спустя карета была готова к отправлению. Трактирщик принес в оловянном кувшине горячий фруктовый напиток на спирту и разлил его по стаканам. Затем протянул руку, чтобы ему заплатили. Генерал Бейль, как и все солдаты Великой армии, не прикасался

к деньгам со времен Москвы. Кошель хранился у него в жилете, он достал из него один наполеондор. Золото монеты резко контрастировало с бедностью помещения. Генерал Бейль положил наполеондор в ладонь трактирщика, и тот сжал пальцы.

– Можешь оставить его себе на память.

Трактирщик ничего не ответил и, сжимая монету в кулаке, спустился во двор. Там он опустил ее в карман и взялся за длинную метлу, чтобы расчистить дорогу перед каретой до ворот. Каждый занял свое место. Мари-Тереза села напротив генерала. Форейтор взгромоздился на дорожные сундуки, к которым привязали лопаты. Лоррен тряхнул поводьями, и четверка лошадей пустилась в путь, слегка оскальзываясь.

А снег продолжал падать.

* * *

Дорога до Варшавы заняла на два дня больше времени, чем рассчитывал Франсуа Бейль. Каждый вечер карета останавливалась в какой-нибудь деревне, где они находили убогую харчевню или почтовую станцию без лошадей. В Белостоке они встретили полк польской кавалерии, следовавший тем же маршрутом. Бейль поужинал с офицерами, со многими из которых был лично знаком. Ему предложили выделить охрану. Он отказался, предпочитая путешествовать в одиночку. До Варшавы оставалось всего три дня. Он только попросил предупредить местное командование о его приезде. Поляки везли с собой большой запас водки. Тосты продолжались до глубокой ночи, а на рассвете кавалеристы двинулись дальше.

В предпоследний день карета ехала вдоль леса. Лошади проявляли признаки нервозности и то и дело ржали. «Наверно, волков почуяли», – подумал Бейль. Он достал ружье, зарядил его и опустил окошко кареты. Мимо него проносились черные стволы елей и светлые пятна берез. Он пытался различить среди низких ветвей силуэты диких зверей. Все это напоминало прекрасные времена охоты в Жеводане. Там он тоже искал волка. Несмотря на многочисленные свидетельства крестьян, ему так и не удалось обнаружить ни единого зверя. Лишь однажды показалось, будто кто-то похожий на волка бежит через луг. Он выстрелил, животное от неожиданности остановилось – и Бейль узнал черную пастушескую собаку. К счастью, он промахнулся.

На повороте лошади резко встали. Одна из них даже взбрыкнула ногами. Франсуа Бейль взгляделся в лес по левую сторону дороги и действительно заметил животное, стоявшее неподвижно среди деревьев и глядящее на лошадей. Тело его было слишком крупным

для косули, а глаза слишком блестящими для мутного взгляда кабана. Очевидно, волк. Бейль решил выстрелить, долго целился животному в грудь, оперев ружье на дверцу. Мари-Тереза обеими руками заткнула уши, чтобы не оглохнуть. Выстрелив, Бейль отчетливо услышал, как пуля попала в тело волка. Тот сделал резкий скачок и убежал в лесную чащу.

Бейль попросил форейтора спуститься и проверить результаты выстрела на снегу. Поляк побродил по лесу с опущенной головой и палкой в руках, затем вернулся.

— Волк ранен и потерял много крови. Кровь яркая, из легкого. Судя по следам, бежал он очень быстро, у нас уйдет час или два, чтобы его найти.

Франсуа Бейль поблагодарил его и отказался от поисков. Мари-Тереза наградила его за меткость восхищенной улыбкой. Фореитор занял свое место на запятках, и карета покатила дальше к Варшаве.

* * *

Вблизи большого города движение стало более оживленным. По обочинам дороги тащились низкие телеги, запряженные одной лошадью или мулом. На них крестьяне везли товары на рынок. Мужчины в заячьих тулупах сидели впереди, почти касаясь земли ногами в низких сапогах. Время от времени карету обгоняли кавалерийские отряды, шедшие на рысях. Бейль узнавал форму, понимал, что среди офицеров есть его друзья, но не обнаруживал себя, боясь показаться смешным в своем экипаже. Мари-Тереза, не привыкшая к подобным условностям, разглядывала через дверцу всадников, подававших ей заговорщицкие знаки.

Рядом с дорогой по тропе шли пехотные батальоны. Тяжелое снаряжение солдаты несли за спиной, ружья болтались на ремнях. Подле верхом трусили офицеры, погруженные в свои мысли и безразличные к окружающей мирной жизни. Деревни следовали одна за другой, там стояли симпатичные домики, трактиры, перед открытыми дверями которых толпились служанки в пестрых жилетках и длинных юбках, зачарованно смотревшие, как дефилирует победоносная армия. Франсуа Бейль чувствовал радость населения, но не понимал ее мотивов.

За последним поворотом, вдалеке, он увидел на другом берегу Вислы большую гору, увенчанную варшавскими колокольнями.

Въезд в город осуществлялся через понтонный мост. Дорога на протяжении нескольких километров была забита пехотными подразделениями, ожидавшими своей очереди, и бесконечной вереницей крестьянских повозок. Порядок движения через мост регулировался

военным постом. Лоррен безо всякого стеснения пробивал себе дорогу, и толпа расступалась при виде столь внушительной кареты, запряженной четверкой лошадей. Когда они подъехали к посту, лейтенант Вильнёв вышел из кареты, дабы уведомить караульных о личности генерала. Небольшой гарнизон состоял наполовину из польских, наполовину из французских солдат, командовал ими француз. Лейтенант Вильнёв вернулся в карету с большим конвертом в руках, который он протянул Бейлю.

– Это от маршала или короля Понятовского. Не понимаю ничего, что они там болтают. Кажется, спутали все на свете!

Бейль открыл конверт, положил письмо на колени и тут же прочел:

«Мой дорогой друг, добро пожаловать в Варшаву, куда, как я знаю, ты прибудешь. Возможно, ты уже в курсе, что, прежде чем покинуть нашу столицу, император Наполеон объявил о намерении признать Польское королевство. Это великая новость для нас! Я бы хотел обсудить ее с тобой. Не мог бы ты прийти в Бельведерский дворец завтра в 9 часов? Вестовой проводит тебя. Он же проводит тебя сегодня вечером на квартиру. До завтра!

Твой друг

Юзеф-Антоний Понятовский».

Бейль сложил листок и спрятал во внутренний карман мундира. Его обрадовал дружеский тон Понятовского.

Вестовой занял место впереди и въехал на мост. Карета следовала за ним, покачиваясь на стыках досок. На другом берегу они поднялись по небольшому склону, затем покатали по широкой аллее, обсаженной плодовыми деревьями. Миновали Бельведерский дворец из белого камня, свернули на боковую улочку. Квартира, выделенная генералу Бейлю, оказалась в двухстах метрах от поворота. Это был красивый трехэтажный особняк с высокими окнами. В небольшом французском парке, разбитом перед зданием, справа находились конюшни, напротив них – деревянный флигель для прислуги.

Франсуа Бейль вошел в парадную дверь и увидел лестницу с широкими пролетами. Он поднялся на второй этаж, где после беглого осмотра обнаружил большую спальню, гостиную и кабинет. Бейль положил письмо маршала Понятовского на письменный стол и вернулся в спальню. Дорожная тряска в коляске изрядно утомила его, поэтому, даже не дождавшись ужина, он лег на кровать и заснул.

Глава XVIII ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЕ КОРОЛЕВСТВО

Когда генерал Бейль проснулся, было уже совсем светло. Стоя у крыльца, конюх Бонжан держал под уздцы чудесную рыжую лошадь, которую раздобыл у ремонтеров. Бейль вскочил на нее одним махом и, следуя за вестовым, доехал до Бельведерского дворца.

На газонах лежал снег, но посыпанные гравием дорожки были чисто выметены. Бейль спешился у лестницы, которую охраняли двое вооруженных часовых, судя по мундирам – уланы императорской гвардии Великой армии.

Маршал Понятовский поджидал Бейля в белой, совершенно пустой прихожей. Он пылко стиснул гостя в объятиях. Оба были примерно одного роста, но Понятовский, весь в медалях и аксельбантах, несколько дородней.

– Как же я рад тебя видеть! – воскликнул маршал. – А я-то думал, что после Москвы мы уже никогда не встретимся. Да ты, говорят, проявил себя настоящим героем! Ней мне сообщил, что твои действия в Смоленске оказались решающими, подготовили победу в Вильне. Но давай-ка сядем, и я тебе расскажу, что у нас тут творится.

Когда они пересекали комнату, служившую залом ожидания, заполнявшие ее адъютанты вытягивались по струнке, щелкая каблуками сапог с серебряными шпорами. Повернув налево и пройдя по коридору, Понятовский и его гость вошли в кабинет маршала.

Это была красивая комната, неприятно обставленная французской мебелью красного дерева. По обеим сторонам дивана стояли два кресла. Понятовский усадил Бейля на диван, а сам разместился рядом в кресле.

– У тебя еще не было случая убедиться, – начал маршал, – какое тут царит ликование. От радости люди просто потеряли голову! Правда, они так пострадали, что ничего другого от них и ждать не стоило, – философски добавил он. – А радуются они потому, что за шесть дней до своего отъезда император торжественно объявил, что восстанавливает королевство Польское, положив конец всем его разделам. Пока он его назвал «Польско-Литовским» – чтобы показать, что речь идет о Великой Польше, а в разговоре сообщил, что его королем хочет провозгласить меня.

– И он совершенно прав, – ответил Бейль. – Не понимаю, почему он так долго с этим медлил!

– Из-за царя Александра. Император был под обаянием той зыбкой дружбы, которая связывала его с Александром после Тильзитского мира, и имел все основания полагать, что царь никогда не простил бы ему обиды, которой обернулось бы восстановление независимости Польши. Но самое интересное, – добавил Понятовский, – что после начала войны Александр (наверняка по совету Бернадота) обратился ко мне с тайными предложениями по восстановлению Польского королевства, править которым буду я сам. Я их, разумеется, отклонил!

– И правильно сделал! Он бы не сдержал слова.

– План Наполеона гораздо лучше, – продолжал Понятовский. – Он хочет создать Великую Польшу от Немана до Одера: она будет сдерживать устремления прусского короля. Император хочет, чтобы на востоке нашему королевству принадлежала Вильна, но это чревато затруднениями: ведь сейчас это русский город, а Наполеон не намерен унижать Александра. Он мне сказал, что велит Коленкуру обратиться к русскому царю с такими мирными предложениями, которые его устроят. Россия сохранит всю свою западную границу, кроме Вильны, а русские генералы – те самые, которых взял в плен ты! – будут освобождены. Франция же, со своей стороны, расторгнет свой договор с Турцией, его нарушившей, и позволит России расширять южные территории.

– Это все весьма разумно, – согласился Бейль, несколько ошарашенный такими стратегическими планами. – А что же будет с Польшей?

– Император желает созвать сейм, который объявит о создании Польско-Литовского королевства и установит у нас наследственную монархию. Он хочет положить конец выборной системе, которая, по его мнению, слишком подвержена иностранному влиянию.

– И кто станет королем?

– Ты меня смущаешь, – ответил Понятовский, похлопывая его по коленке. – Думаю, будущий король перед тобой. Конечно, мне еще придется постараться, чтобы сейм выбрал именно меня. Но это, наверное, будет не слишком трудно.

– Согласен: с этим у тебя больших трудностей не будет. Готов поздравить тебя заранее!

В комнате воцарилась атмосфера веселого заговора. В открытые окна струился пронизанный ликованием воздух Варшавы. Два приятеля, понимая друг друга с полуслова, были готовы перекроить чуть ли не всю карту Европы.

– Послушай, Франсуа, – продолжал Понятовский. – Я бы с удовольствием предложил тебе высокий пост, достойный тебя и твоих заслуг! Видишь ли, я никогда не доверял вполне людям из моего окружения. Я говорю не о военных; речь о тех, кто перенес выпавшие на нашу долю унижения, постоянные разделы страны, статус Великого герцогства Варшавского! Мне нужны такие помощники, на которых я мог бы всецело

положиться. Ты бы, например, возглавил королевскую гвардию, которую нужно создать по образцу наполеоновской.

– Благодарю тебя, Жозеф, но это невозможно! Я привязан к императору; я ему всем обязан. Это же он, несмотря на мой возраст, сделал меня генералом. Он ждет меня в Париже, и я не могу его подвести.

– Как хочешь, дело твое. Но мое предложение останется в силе. Может быть, тебе захочется вернуться в Варшаву, чтобы еще раз увидеть прекрасную графиню Калиницкую, которой, как все говорят, ты спас жизнь! Кстати, она очень дружна с моей племянницей, княгиней Александрой Потоцкой!

– Люди преувеличивают! Никому я не спасал жизнь! Просто я решил ей присоединиться к нашему обозу. Ей было невозможно оставаться в Смоленске.

– Значит, ты действительно ее спас! Полагаю, твоя квартира тебя устраивает? Мне сообщили, что завтра утром ты уже должен будешь отправиться в путь.

– Таков приказ императора. Он хочет, чтобы я как можно скорее вернулся в Военную академию и начал реформировать конную гвардию.

– У меня для тебя, Франсуа, есть маленький сувенир на память о Польше. Мне бы хотелось, чтобы ты не забывал нашу страну!

Маршал позвонил в колокольчик. Явившемуся на зов и открывшему дверь адъютанту он велел принести вещь, приготовленную для генерала Бейля. Это оказался деревянный ларец с инкрустациями. Открыв его, Франсуа Бейль обнаружил внутри восемь маленьких коробочек, обитых зеленым фетром. В каждой из них лежало по серебряной чарке; их искусно обработанные ручки походили на олених рога. Гравированная табличка напоминала о происхождении подарка.

– Пригодится тебе, когда будешь пить водку за успехи Польши, – сказал ему маршал Понятовский. Потом на прощание похлопал Бейля по спине и добавил: – Удачи, Франсуа! Возвращайся к нам!

Прежде чем ответить, Бейль помедлил, подыскивая слова.

– Благодарю за прием, господин маршал. До свидания, *сир!*

* * *

Выйдя из Бельведерского дворца, генерал Бейль снова сел на коня. За ним следовал адъютант. Воздух был бодрящим, небо – ясным. Рассеянно проезжая по улицам Варшавы, Бейль с упоением думал о Кристине Калиницкой. Он бы с удовольствием ее навестил, как более или менее определенно обещал ей, но в Варшаве ему предстоит пробыть совсем недолго, так что нет возможности ни встретиться с ней, ни напроситься к ней в гости.

Спешившись у своего дома, Бейль в задумчивости опустил голову и, поднимаясь к двери по лестнице у подъезда, споткнулся на ступеньке. Поджидавший его наверху Лоррен сказал:

– Вам письмо, генерал!

Взглянув на конверт, Франсуа сразу же узнал красивый наклонный почерк, которым была написана пригласительная записка, полученная им в Смоленске. Вынув письмо из конверта, он прочитал:

«Дорогой Франсуа! От графини Тышкевич, сестры маршала Понятовского, я узнала, что сегодня вы будете проездом в Варшаве. В честь восстановления королевства Польского графиня устраивает прием в Вилянувском дворце. Она меня попросила вас на него пригласить. Я была бы рада, воспользовавшись этим случаем, увидеть вас снова. Прием начинается в семь вечера; мужчины приходят во фраках или в мундирах. Буду вас там ждать. Ваша Кристина».

Внезапно Бейль почувствовал себя совершенно свободным от всех обязательств. Теперь он без угрызений совести пренебрежет визитами к тем людям, которых обещал навестить в Варшаве, и вместо этого выслушает свежие новости, которые расскажет ему о своей поездке Кристина.

Поднявшись к себе, он велел позвать Мари-Терезу.

– Сегодня вечером я иду на прием, – сказал он ей. – Будь добра привести в порядок мою парадную форму. Она, наверное, где-то в ранце, в заднем ящике экипажа.

Мари-Тереза посмотрела на него с подозрением.

– Хорошо, я этим займусь, – ответила она. – Однако надеюсь, вы туда пойдете не для того, чтобы повидаться с той русской графиней, которую вывезли из Смоленска?

Франсуа решил сказать полуправду:

– Там будут праздновать возрождение Польского королевства, которое решил восстановить император!

Мари-Тереза вышла из комнаты. Объяснение Бейля ее не слишком убедило.

* * *

Генерал Бейль решил осмотреть город. В нем царило ликование. Бейль заехал на рыночную площадь, где полюбовался разноцветными фасадами выстроившихся в линию домов. Несмотря на холод, горячие напитки выносили на открытые веранды, их пили за столиками уличных кафе. Повсюду слышались радостные восклицания, которыми обменивались гуляющие по площади люди. «Кажется, будто война где-то далеко», – сказал себе Бейль, вспоминая, как в Катынском лесу его нагнали уланы с известием о трагической гибели полковника Веровского. Бейль решил сделать круг, чтобы проехать мимо королевского дворца.

где вскоре будет заседать на сейме князь Понятовский, а потом вернуться к себе.

Он нашел разложенную на постели тщательно выглаженную военную форму. Мундир оставался полковничьим, у Бейля не было денег на знаки отличия и эполеты, чтобы прикрепить их к пожалованной ему генеральской ленте. Надев белые лосины и рубашку, он подумал, что в Вилянувский дворец надо ехать в экипаже, раз уж туда нельзя являться в сапогах. К счастью, Мари-Тереза отыскала его черные бальные туфли.

Бейль вышел из дома в половине седьмого, потому что ему предстояло пересечь добрую половину города.

Просторный двор Вилянувского дворца был запружен каретами с блестящими крышами и лошадьми с заплетенными гривами. Наконец, карета Бейля подъехала к большой входной двери, втиснувшись среди многочисленных экипажей, из которых выходили дамы в мехах и мужчины в военных мундирах. Франсуа Бейль, чувствующий себя одиноким, терпеливо дожидался своей очереди. Графиня Тышкевич принимала гостей в первой гостиной, где распорядитель в парике торжественно возвещал имена и титулы приглашенных. Подле графини стояла невысокая молодая женщина с оживленным улыбчивым лицом. Ее плечи были обнажены, на шее блестело алмазное ожерелье. «Должно быть, ее племянница, княгиня Александра Потоцкая», – решил Бейль. Женщина узнала его мундир и протянула ему руку.

– Не правда ли, вы – тот знаменитый французский генерал, что задержал Кутузова? – спросила она без малейшего акцента. – Сейчас я представлю вас тетушке.

Последняя куталась в кружевную шаль, придававшую ей величественный вид. Обменявшись с Бейлем несколькими ничего не значащими фразами, она попросила племянницу проводить генерала к «особе, которую он спас от смерти в Смоленске» и которая сейчас где-то здесь, в бальном зале. «Нет, мне положительно не избавиться от этой легенды», – пробормотал Франсуа.

Пройдя длинной галереей, украшенной бюстами римских императоров, они вошли в огромный зал высотой в два этажа дворца. Его стены, выкрашенные в однотонный белый цвет, были декорированы в барочном вкусе – резными деревянными панелями с позолотой. Зала освещалась висевшими на длинных цепях большими хрустальными люстрами со множеством свечей. Перед собой Бейль увидел нечто вроде ложи, приподнятой над полом и пристроенной к стене. Располагавшиеся в ней музыканты в национальных костюмах играли на скрипках польскую музыку. Пока еще никто не танцевал. Рокотание сливавшихся в общий гул разговоров поднималось к потолку, словно морской вал.

Вдоль стен стояли расположенные группами столы. Бейль заметил, что стулья заняты дамами, а мужчины стоят за ними. Исключение со-

ставляли лишь несколько пожилых господ. Они тоже сидели и, опираясь подбородками на поставленные между ног трости, наблюдали за публикой.

Княгиня Потockая за руку подвела Бейля к столу, за которым сидели несколько гостей. Среди них он заметил графиню Калиницкую в светло-сером платье, с двумя изумрудными аграфами у выреза. Ее волосы, уложенные в узел, венчала диадема, тоже изумрудная. Она была бледна, и ее лицо, несмотря на румяна, казалось осунувшимся.

Генерал Бейль поклонился Кристине.

– Подойдите, Франсуа! Подойдите поближе, – сказала она. – Я хочу вас представить одной из моих подруг, Марии Валевской. Говорят, именно ей мы обязаны восстановлением королевства Польского, и Наполеон, чтобы вновь с ней увидеться, изменив свой маршрут, заехал в Варшаву.

– Не говори глупостей, Кристина! – резко оборвала ее сидевшая рядом молодая женщина (судя по всему, одного с графиней возраста). И, повернувшись к Франсуа Бейлю, заметила: – Вы, господин офицер, хорошо знаете императора, поскольку обеспечивали его охрану, и потому вам известно, что его действия никогда не объясняются ничтожными поводами, но продиктованы требованиями истории!

– Вы совершенно правы, мадам, – ответил Бейль и, чувствуя себя в ударе, добавил: – Однако я никогда не соглашусь, что вас можно называть «ничтожным поводом».

Гости встретили его слова аплодисментами, люди, сидевшие за соседними столиками, обернулись, чтобы узнать о причине шума.

– Простите мне, Мария, это неуместное замечание, – сказала Кристина, нервно застегивая и расстегивая длинную перчатку на левой руке. – Мы являемся свидетелями таких событий, что у всех нас голова идет кругом.

– Тем более следует сохранять хладнокровие, если мы хотим, чтобы все было хорошо, – спокойно возразила Мария Валевская. – Прошу меня простить, но мне придется вас оставить: я должна вернуться к мужу, он этим вечером плохо себя чувствовал...

Она грациозно поднялась, кивнула на прощание Бейлю и исчезла в толпе.

– Лучше бы мне придержать язык, – раздраженно сказала Кристина, сердясь на саму себя. – Но я думала, никто меня не услышит. Да и сказала я то, о чем все в Варшаве только и твердят.

Франсуа ничего не ответил, полагая, что перепалка, задевшая Марию Валевскую, его не касается. Помолчав, он попросил Кристину рассказать, как происходило ее возвращение.

– Мы не встретили никаких трудностей! – откликнулась она. – Вначале так странно было ехать за открытой коляской Кутузова. Попадавшиеся нам навстречу солдаты в изумлении останавливались. Кутузов

бесновался, словно огромный раненый вепрь. Время от времени он ругался на кучеров по-русски. Мы расстались в Вильне, где я остановилась у моей кухни. В ее доме квартировали итальянские офицеры армии принца Евгения. Кухня выделила мне комнату на верхнем этаже. Итальянцы, встречаясь со мной на лестнице, донимали меня куплетами. Ольга ужасно пугалась, так что уже на следующий день мы оттуда уехали. Из-за снега мы двигались очень медленно, и я разболелась. Поэтому я и выгляжу так ужасно! Мы приехали к маме всего три дня тому назад. Сейчас она здесь, и, если вы не против, я вас тотчас же ей представлю.

Кристина придвинула свое кресло к Бейлю, а на пустое сиденье, с которого недавно встала графиня Валевская, положила отделанную жемчугом сумочку, чтобы к ним не подходили назойливые друзья. Понизив голос, она спросила:

– А что было с вами, Франсуа?

– Почти то же самое. Я остался еще на несколько дней в Вильне, где меня приняли маршал Ней и маршал Бертье. Последний передал мне приказ императора немедленно вернуться в Париж, чтобы возглавить конную гвардию. Поэтому я недолго пробуду в Варшаве, хотя приехал только вчера.

– Если бы не этот прием, у меня бы не было возможности вас увидеть?!

– Я хотел вас разыскать, Кристина, но не знал, как это сделать в городе, где у меня совершенно нет знакомых.

– Кроме короля, точнее, будущего короля! Он бы помог вам в ваших поисках.

Лицо Кристины посерьезнело.

– У вас хорошая память, Франсуа?

– Думаю, неплохая.

– Помните, что я вам говорила, когда мы расставались в Борисове, насчет того, чего мне хотелось бы?

– Конечно помню, слово в слово.

– Так вот, это все еще в силе!

Желая скрыть сквозившее в ее взгляде волнение, Кристина отвернулась. Шум толпы стал еще сильнее. Музыканты старались изо всех сил, чтобы были слышны исполняемые ими мазурки и польские танцы, и сквозь гул иногда пробивались обрывки звучных мелодий.

– Пойдемте, Франсуа, я вас представлю моей матери. Она мечтает с вами познакомиться.

Кристина встала, и Бейля снова потрясли ее высокий рост и грациозные движения. Имми он любовался еще в Смоленске, в церкви.

– Можете подать мне руку, – сказала она. – В Польше так принято!

Они подошли к круглому столику, вокруг которого сидели три пожилые дамы, обмахивавшиеся веерами. «Это, скорее, похоже на карика-

туру, чем на портрет», – подумал Франсуа, замечая, что слои пудры на их лицах так и не смогли скрыть ни глубокие морщины, ни дряблую кожу. Увядание не коснулось лишь верхней части плеч. На всех троих красовались сверкающие диадемы.

Кристина приблизилась к даме, которая была не так сильно напудрена и выглядела довольно приветливой.

– Матушка, – обратилась к ней Кристина, – Это генерал Франсуа Бейль из императорской гвардии. Позвольте вам его представить.

– Так это он спас тебе жизнь, Кшися? – спросила старая дама. Не дожидаясь ответа, она повернулась к нему, улыбаясь с обычной светской любезностью. – Как же я благодарна вам, генерал, что вы избавили мою дочь и внучку от ужасной резни в Смоленске. После смерти мужа и зятя у меня на свете не осталось никого, кроме них. Однако я плохо расслышала ваше имя. Не могли бы вы его повторить?

– Франсуа Бейль.

– Как же трудно его произносить! А какое у вас звание?

– Генерал, мадам.

– Да-да, я знаю, а титул?

– У меня его нет, мадам.

– Как же так? Такой выдающийся офицер, как вы, служащий в императорской гвардии, – и не имеет титула! О чем думает император!

Тон этой увядшей кокетки вызвал у Франсуа раздражение. Раздражало его и обилие драгоценных камней, которыми она была усыпана: ведь польские крестьяне заплатили за них своим потом. И он решил проявить дерзость.

– Моя семья отказалась от знатного титула задолго до того, как вы привыкли носить тот, что пожаловали вам!

– Хорошо сказано! – воскликнула графиня Суваровская. – Император конечно во всем разберется! Моя Кшися приехала очень усталой: ее так измотало это путешествие! Она отдохнет здесь несколько недель, а может быть, и месяцев. Когда она наберется сил, а главное, когда дорога снова станет проезжей, дочка поедет в Петербург, поселится в доме своего отца. Это будет как нельзя лучше для воспитания ее дочери: она и танцевать сможет научиться.

Под громкие разглагольствования матери Кристина ускользнула, чтобы присоединиться к подругам.

Франсуа почувствовал, как кто-то похлопал его по плечу. Обернувшись, он увидел капитана Залиского в щегольской форме гвардейских шеволежеров, которая на нем так и сияла. «И откуда только у него взялись все эти награды и аксельбанты?» – спросил себя Бейль.

– Как же я рад вас видеть, генерал! – сказал ему Залиский. – Я и не думал встретить вас на этом вечере, но, когда мне сказали, что вы тут, не мог не подойти. Вы бы мне оказали большую честь, если бы позволили представить вас моей невесте.

Получив согласие Франсуа, он направился к группе молодежи, собиравшейся танцевать, и сделал знак одной из девушек. У нее были очень светлые глаза, волосы немного растрепались.

– Подойди-ка сюда, Анна, – сказал он ей. – Хочу познакомить тебя с генералом Бейлем: он командовал нашей дивизией, и благодаря ему удалось взять в плен фельдмаршала Кутузова.

– Очень рада с вами познакомиться, – ответила девушка, очень худенькая, с тонкой костью, в белом платье безо всяких драгоценностей, его единственным украшением служила опоясывающая талию широкая синяя шелковая лента. Бейля тронули ее свежесть и безыскусность, которую подчеркивали растрепанные волосы.

– Поздравляю вас, мадемуазель, и желаю вам большого счастья. Берегите капитана, ведь вы его чуть не потеряли. Он очень смелый офицер!

– Всеми силами буду стараться выполнить ваше приказание, генерал! – ответила она с улыбкой, обнажившей ровные, ослепительно-белые зубки.

Франсуа подумал, что капитану Залискому очень повезло. «Надеюсь, его мечты сбудутся», – улыбнулся он, представляя себе множество детских белокурых польских головок с наивными глазками и растрепанными кудряшками.

Потом он бросился на поиски графини Калиницкой. С трудом расчистил себе путь среди толпы танцующих гостей, устремляясь туда, где видел ее в последний раз. Сначала подошел не к тому столу и был вынужден за это извиниться, но потом все-таки нашел то самое место, где она прежде сидела. Однако кресло, которое она тогда занимала, теперь стояло пустым, а ее подруги оживленно болтали – наверняка в ожидании кавалеров. На Бейля они не обратили ни малейшего внимания.

Кристина ушла.

* * *

Выйдя во двор Вилянковского дворца, генерал Бейль подумал, что никогда не найдет свой экипаж. Повсюду тянулись длинные ряды бесчисленных карет, колясок, элегантных двухместных кабриолетов. Большинство кучеров дремало на облучках. Бейль бегло оглядел экипажи, но так и не увидел среди них своего.

Кто-то его окликнул, и Франсуа узнал голос Лоррена. Отойдя от стены, у которой стоял, Лоррен сказал:

– Я тут вас поджидаю, мой генерал. Бонжан стережет лошадей и карету за воротами. Сейчас я за ним схожу, мы вернемся минут через двадцать.

После долгого ожидания на ступенях лестницы Франсуа наконец увидел, как на дворе показался его экипаж с зажженными фонарями. Несмотря на сомнительное происхождение, выглядел он роскошно. Че-

тыре лошади были тщательно вычищены; их гривы и хвосты заплетены. Лоррен и Бонжан в мундирах гвардейских егерей произвели на польских кучеров такое впечатление, что те аж приподнялись на облучках, провожая их взглядом. Экипаж остановился. Генерал Бейль в него сел, и карета покинула площадь перед дворцом.

Они ехали мимо домов вдоль Вислы. Улицы были темными, но мерцавшие в окнах огни отражались на снегу. Встреча с Кристиной произвела на Франсуа странное впечатление – приятное, но ощущением какой-то мимолетности и неопределенности, не обещавшей продолжения. Когда и где он ее опять увидит, если им вообще суждено когда-нибудь встретиться? По словам ее матери, она, видимо, поселится в Петербурге, но он не имел ни малейшего представления, где именно. Карета въехала в ворота его дома и остановилась в саду. Бейль отпустил Лоррена и Бонжана, дав им распоряжения относительно завтрашнего отъезда, и, поднявшись по ступенькам крыльца, вошел в дом.

Притворив за собой дверь, он ступил в прихожую, которая была освещена. Кто-то заранее зажег свечи люстры и светильники вдоль лестницы. Оглядевшись, Франсуа заметил Мари-Терезу, сидевшую боком на первой ступеньке лестницы. Она уложила свои белокурые волосы в прическу. Длинное зеленое шерстяное платье, которое Бейль на ней уже видел, закрывало ноги до лодыжек. Руками она охватила колени. Мари-Тереза улыбнулась ему:

– Добрый вечер, генерал.

– Добрый вечер, Мари-Тереза. Что ты тут делаешь? – спросил он ее приветливо.

– Хочу вас отблагодарить! Может, вы и не помните, но я приходила к вам в первом же городке, через который мы проехали после Москвы. Однако вы дали мне понять, что это невозможно, что вы слишком поглощены своими обязанностями, но я могу выразить вам мою признательность в Варшаве! И вот мы в Варшаве. Ожидание, на мой взгляд, несколько затянулось, особенно на последнем этапе нашего пути, но этим вечером я могу выполнить обещание!

Опершись на руку, Мари-Терез встала и повернулась, собираясь подняться по лестнице. Увидев ее со спины, Франсуа Бейль почувствовал, как его охватило страстное желание. Это желание он испытывал с первого же дня их встречи. Его сразу очаровала ее простая, естественная красота. У него пересохло во рту, его пленяли движения ее сильного и гибкого стана. Он с удовольствием подошел бы к ней, приласкал, заключил бы ее в объятия. Но ничего подобного не сделал. Опасности, которым люди из его дивизии подвергались во время их долгого похода в России, не позволяли ему предаваться каким-либо собственным удовольствиям. Он смирился с этим ограничением почти без усилий, оно казалось ему очевидным, но из-за постоянного присутствия Мари-Терезы, ее улыбок, напоминавших поцелуи, в нем накопилось столько

страсти и нежности, что он уже не мог выдержать. Он смотрел, как она в своем узком шерстяном платье преодолевает перед ним ступеньку за ступенькой, покачивая бедрами. Ему захотелось взять ее на руки, отнести к себе в комнату и грубо швырнуть на постель.

Поднявшись наверх, Мари-Тереза снова улыбнулась. Франсуа почувствовал, как напряжение уступает место восхитительному блаженству. Она взяла его за руку.

– Пойдемте. И не забудьте, что это я хочу вас отблагодарить!

Мари-Тереза закрыла за собой дверь комнаты, в которую они вошли. Сначала она сняла с Бейля военный мундир, потом – жилет, повесив их на спинку стула. Одновременно она расспрашивала, хорошо ли прошел прием. В этих вопросах ему послышалась легкая ирония. Потом взяла его за руку и подвела к постели. Он увидел, что край одеяла заранее отогнут и постель разобрана. Это могла сделать только Мари-Тереза! Подойдя к краю кровати, довольно высокой, она сбросила туфли, звонко шелкнувшие каблуками, забралась в постель и легла на спину.

– А теперь идите ко мне и помогите мне раздеться, – сказала она. – Я должна была бы сделать это сама, но мне будет приятно, если вы поможете!

Все ее лицо светилось улыбкой.

Франсуа был ошеломлен совершившейся в нем переменой. Сейчас им овладело яростное, неистовое желание, копившееся неделями. Дыхание прерывалось, во рту горчило. Благодаря Мари-Терезе, ее действиям все вдруг стало легко. В комнате разливался мягкий свет мерцающих свечей. Мари-Тереза лежала перед ним, радостно улыбаясь, – та самая Мари-Тереза, которую он, такую недосыгаемую, видел перед с собой в карете. И он начал ее раздевать.

Ее шерстяное платье было унизано пуговками сверху донизу. Когда она разулась, он обратил внимание, что чулок на ней нет. Мари-Тереза расстегнула пуговицу около воротничка, а потом ее пальцы заскользили вниз, вместе с рукой Франсуа, которая им помогала. Платье постепенно распаивалось, обнажая ее кожу, и Бейль подумал, что ее тело оказалось точно таким, каким он его воображал и желал, – гибким и крепким. Очертания мышц вырисовывались под тонкой шелковистой кожей, охотно отзывавшейся на прикосновения ласкающих ее рук. Франсуа с изумлением обнаружил, что Мари-Тереза и в расстегнутом платье поразительно похожа и на ту, что сидела напротив него в экипаже, прыгающем по ухабам, и на ту, что прислуживала ему за столом. Тело Мари-Терезы – в точности она сама!

Девушка повернулась на бок, чтобы оказаться к нему лицом. Их пальцы и руки касались друг друга, встречаясь около узеньких петелек одежды, которую они расстегивали все медленнее и медленнее – пока, наконец, не остались совершенно голыми.

Глава XIX

ВЕЙМАР И ДЕКЛАРАЦИЯ О МИРЕ В ЕВРОПЕ

Поездка по землям восточной Польши и вступление на территорию немецких княжеств скорее походило на увеселительную прогулку, чем на военную кампанию. Исчезли не только тревоги и страх перед столкновением с неприятельскими силами; изменился и сам пейзаж.

Снег еще лежал, но дороги были отлично вымощены, а улицы деревень, через которые они проезжали, чисто выметены. Да и сама природа стала приветливее. Тут и там все чаще пестрели небольшие хутора с тщательно обработанными полями. Правда, люди оставались такими же бедными, в мешковатой и грязной зимней одежде, но, по некоторым признакам, здесь уже появилась мелкая сельская буржуазия. Магазины, более многочисленные, охотно, судя по всему, посещались покупателями. По вечерам кофейни и трактиры ломились от посетителей, теснившихся вокруг столов, уставленных бутылками и стаканами. Постоялые дворы выглядели все более опрятными и уютными. Появилась приятная возможность выбирать, где остановиться на ночь.

Сократившаяся команда теперь состояла из пяти человек: генерала, его адъютанта, кухарки-кастелянши Мари-Терезы и двух солдат, совмещавших обязанности ординарца и кучера. Польского форейтора они оставили в Варшаве, где жила его семья и где он мог вернуться в свой полк. Генерал Бейль, облегчив свой кошелек, подарил ему два наполеондора.

Понемногу упрощалась и проблема общения. По мере приближения к границе их все лучше понимали – хоть русские, хоть немцы. Мари-Тереза переводила с русского, а Лоррен хвастался, что в родной провинции неплохо научился немецкому.

По вечерам, когда гостиница для ночлега была выбрана, генерал оставлял за собой право распределять комнаты. Он делал это так, чтобы комната Мари-Терезы оказывалась как можно ближе к его собственной.

Ели все за одним столом. Вначале оба солдата немного смущались, но генерал шуточно напомнил им, что революционные времена закончились совсем недавно. Мари-Тереза, постоянно обновлявшая гардероб, производила на постояльцев гостиниц неотразимое впечат-

ление своей элегантностью. Каждый вечер, переодевшись за несколько минут, она появлялась в платье или в юбке уже другого цвета. Франсуа Бейль осыпал ее комплиментами, что, судя по всему, ей очень нравилось.

Ни в их словах, ни в жестах днем никак не проявлялись та близость, которая между ними возникла. Однако блаженством этой близости, неведомой для других, но связывающей их двоих, они наслаждались в экипаже или за обедом, и это было неиссякаемым источником удовольствия.

С наступлением ночи лейтенант Вильнёв и двое кавалеристов усаживались за стол, чтобы бесконечно, партию за партией, играть в таро. Лоррен взял с собой в дорогу большие игральные карты, какие были в употреблении у гвардейских кавалеристов.

Франсуа Бейль уходил к себе первым, раздевался и ложился на кровать. Мари-Тереза оставалась чуть дольше, делая вид, будто с интересом следит за игрой, но потом и сама поднималась по лестнице и заходила в свою комнату. Сгорая от нетерпения, она немного выжидала, а потом, когда голоса игроков становились, как ей казалось, достаточно громкими, чтобы заглушать шум шагов, выходила в коридор и, стараясь, чтобы под ногами не скрипели половицы, пробиралась в комнату Бейля.

Она снимала с себя одежду и аккуратно, в нужном порядке, раскладывала ее на стуле, чтобы потом найти в темноте. Затем ложилась на кровать рядом с Бейлем и, охватив его голову ладонями, прижимала губами к его губам.

Говорили они мало и только шепотом, дабы не вызвать подозрений у игроков, но, тем не менее, прекрасно друг друга понимали.

Франсуа никогда представить себе не мог, что любовь может быть настолько естественной, а взаимные ласки, принося такое удовольствие, возникать столь произвольно. Жизнь знатной буржуазии его родной провинции, где были столь сильны суровые традиции янсенизма, оставила у Бейля впечатление, будто любовь опутана такими сложностями и сопряжена с такими ограничениями, что нужно сильно поломать голову, пытаясь ее понять, однако эти попытки все равно ни к чему не приведут. А потом наступило время военных походов, поглощавших все его силы.

Но теперь, с Мари-Терезой, все оказалось просто: он любил ее, она – его. И эта плотская, физическая взаимосвязь была всецелой, потому что Бейль никогда не отделял их объятия от той нежности, которую он к ней испытывал. Он любил ее веселость, которая дышала беспечностью, и ту честность, с какой она избегала интриг и козней. А особенно ему нравилась свежесть ее чувств, не затронутых ни зверствами войны, ни грубостью лагерного быта. Ему нравилось, ког-

да она лежала рядом с ним обнаженная, потому что ароматом этой же свежести веяло и от ее кожи.

Чем все может закончиться, он почти не думал. Сражения, особенно русская кампания, научили его жить сегодняшним днем, не заглядывая в будущее. Так о чем же тревожиться? Да и зачем? Ведь и завтра, и потом, в следующие дни, она, скорее всего, украдкой откроет дверь и бросится в его объятия.

Мари-Тереза придерживалась того же мнения. Она говорила себе, что, скорее всего, никогда больше не встретит такого храброго и обольстительного мужчину, как Франсуа Бейль, и надо изо всех сил наслаждаться настоящим. Ее изумляло, что между ними не существовало никаких препятствий, порождаемых титулами или происхождением, и что, прежде чем отдаться ему, она могла так легко раздеваться перед ним, без стыда и кокетства. Ее очень трогала галантность, которую он, не впадая в фамильярность, проявлял к ней и в дороге, и за столом.

О будущем она предпочитала не задумываться. Она, как и Бейль, решила довольствоваться завтрашним днем, но очень надеялась, что их возвращение в Париж будет бесконечным, наполненным нескончаемой чередой завтрашних дней.

Самое странное, что ни он, ни она никогда не говорили друг другу слов любви. Они казались им просто ненужными. Ни когда он долго ее ласкал, чтобы пробудить ее чувственность, ни когда на смену нежности приходили самые жаркие объятия (именно они особенно нравились Мари-Терезе) – ни разу не обменялись они любовными банальностями.

* * *

Генерал Бейль выбрал маршрут, проходивший достаточно далеко от двух мест, где шли боевые действия в Германии, – Саксонии и Пруссии: именно там Великая армия собиралась вступить в бой во время своего возвращения, о чем и предупредил его маршал Ней.

Поэтому их карета сделала остановки в Лодзи и Бреслау, прежде чем объехать Дрезден с юга, в направлении Веймара, где Бейль, по примеру императора, рассчитывал остановиться на несколько дней.

Прапорщик Лоррен снабжал спутников сведениями благодаря тому, что много времени проводил в кофейнях, где собиравшиеся циркулирующие вокруг слухи. Именно так он узнал о бегстве саксонской армии под Лейпцигом при известии о приближении армейского корпуса Нея, принца Евгения и Понятовского. Саксонские генералы, зная о поражении Великой армии в России, готовились атаковать ее на обратном пути во Францию. Плохо осведомленные о результате битвы при Вильне и вопреки мнению короля Фридриха-Августа, верно-

го Наполеону, они сосредоточили силы на поле боя, расположенном к югу от Лейпцига. Когда в рядах саксонской армии распространился слух о скором появлении маршала Нея, в частях начались волнения. Генералов, проводивших смотр полков перед сражением с французами, освистывали с криками «Да здравствует император!». Брожение охватило всю армию. Короля Фридриха-Августа, прибывшего из Дрездена навести порядок, встретили овациями. Генералов-предателей арестовали, и маршал Ней двинулся к Лейпцигу во главе трех своих армейских корпусов, к которым присоединились саксонские дивизии. Добавляли (хотя это и было невозможно подтвердить), что Ней, уроженец Саара, может быть назначен вице-королем Саксонии.

С севера поступали менее ясные новости. Наполеон, раздраженный тайной враждебностью короля Фридриха-Вильгельма III, отказался с ним встречаться. Император уведомил его о новой линии границы Пруссии с Польско-Литовским королевством и поручил королю Мюрату и маршалам Даву и Удино войти в Берлин и добиться капитуляции страны. Сам же он, прибыв в Веймар, сделал там важное заявление, вызвавшее у людей радость. Относительно его содержания сведения Лоррена оставались смутными: по его мнению, речь шла об объявлении мира. Потом Наполеон отправился обратно во Францию.

Все последние дни ноября карета Бейля и его людей катила по южной Саксонии. Проехала она и мимо соединений армейского корпуса маршала Нея, которые, победив саксонцев, в веселом настроении возвращались во Францию, и мимо полков итальянской армии, двигавшихся (или, скорее, летевших на всех парах) к себе домой. Генералу Бейлю было приятно наблюдать за тем, что происходило после этих победоносных кампаний.

Они пересекли большую дорогу из Байрейта в Лейпциг и во вторник 1 декабря подъехали к небольшому городку Веймару, окруженному деревьями и садами. Бейль хотел в нем задержаться, чтобы попробовать уяснить смысл «декларации о мире в Европе», с которой выступил император, и понять причины, побудившие Наполеона сделать Гёте своим глашатаем. Он надеялся, что в этом ему поможет находящийся здесь посланник Франции в Веймаре – его кузен Антуан де Сен-Жюльен, вместе с которым они в детстве неоднократно проводили каникулы.

Бейль остановился со своими людьми в лучшей городской гостинице «Слон», расположенной в верхней части Торговой площади. Хозяин предложил ему самую лучшую комнату на втором этаже. С лестничной площадки к ней шел маленький узкий коридор, боковая дверь которого вела в другую комнату. Там, решил Бейль, и поселится Мари-Тереза.

Едва он начал приводить в порядок свою одежду, хозяин гостиницы, вернувшись, сообщил ему, что в прихожей его ожидает французский посланник, узнавший о его прибытии. Генерал Бейль спустился по лестнице и встретил кузена, который горячо его обнял. Они внимательно оглядели друг друга, чтобы убедиться, как сильно изменились со времен отрочества. Завершив осмотр, Сен-Жюльен воскликнул:

– Франсуа, как же я рад тебя видеть! Но что тебе делать в этом дрянном городишке?

– Я еду в Париж, куда меня вызвал император. Кстати, давно он отсюда уехал?

– Он провел в Веймаре целых два дня, четверг и пятницу прошлой недели. Он хотел неспешно поговорить с Гёте, чтобы рассказать ему о своей знаменитой мирной декларации.

– А о чем именно в ней говорится, в этой декларации? Люди, которых мы расспрашивали по дороге, судя по всему, не слишком-то много об этом знали!

– Она появилась всего три дня тому назад, но я тебе все расскажу подробно. Жаклин, моя жена, которую ты не видел после нашей свадьбы, будет рада, если ты придешь к нам на ужин. Но у меня есть еще идея. Хочешь, я постараюсь устроить тебе встречу с Гёте? Может быть, вам удастся поговорить уже завтра.

– С удовольствием! Конечно, я согласен! – ответил Франсуа Бейль. – Правда, не думаю, чтобы Гёте было очень интересно со мной встречаться.

– Я его заинтригую: скажу, что ты – тот самый герой, который взял в плен Кутузова! Так что буду ждать тебя дома около семи. Можешь идти пешком. Это одно из немногих преимуществ Веймара! До встречи!

* * *

Дом французского посланника был небольшим, но изысканным. Когда Жаклин де Сен-Жюльен принимала в нем Франсуа Бейля, тот понял, что уже забыл, как держатся женщины из французского общества.

Черноглазая, с тонкими чертами лица, Жаклин, безусловно, по праву слыла хорошенькой, но была маленькой и суетилась, манерничая. Ей явно хотелось, чтобы ее прием удался на славу и оказался достойным героя дня, что выражалось во множестве деталей. Чирикая на своем жеманном языке, она подгоняла двух молодых немецких служанок, похожих друг на друга, как сестры-близнецы. В черных платьях с кружевными манжетами, расшитых фартучках и накрахмаленных чепчиках они выглядели очень опрятно. Жаклин де Сен-

Жюльен заставила их по-другому переложить столовые приборы у тарелок и принести дополнительные бокалы для еще одного сорта вина. Муж не мешал ей суетиться, хотя и не скрывал своего раздражения ее надоедливым стремлением к совершенству. Когда они сели, он заговорил о встрече с Гёте.

– Дорогой Франсуа, у меня уже есть для тебя ответ от Гёте, – сказал он. – Он примет тебя завтра, в десять утра, в своем «садовом домике»: герцог Карл-Август велел построить его в небольшом парке и подарил Гёте. Ему нравится принимать там своих гостей, чтобы подчеркнуть свою скромность. Но ты не беспокойся: там есть и камин, и печи, в нем хорошо топят!

– Спасибо тебе за заботу. Мне будет очень интересно, что он расскажет о своей беседе с Наполеоном. Это уже их вторая встреча, не правда ли?

– Да, они встречались четыре года назад, в 1808 году. Но не здесь, а в Эрфурте, по случаю проходившего там конгресса, на котором присутствовал Карл-Август Саксен-Веймарский. Судя по всему, он не увенчался особым успехом.

– А ты как об этом узнал?

– От моего предшественника. Он ездил с великим герцогом на конгресс, и ему удалось пробраться в зал, где был Наполеон. Когда Гёте туда вошел, император сидел за большим круглым столом, за которым собирался обедать. Талейран стоял справа от него, а Дарю – слева. Наполеон не предложил Гёте присесть. Сначала он спросил, сколько ему лет, потом заговорил о его произведениях. Рассказал, что всегда возит «Вертера» с собой в походной библиотеке, и продемонстрировал изумительное знание текста, отметив, что один эпизод показался ему неестественным. Никто так и не узнал, о каком именно эпизоде шла речь. Полагали, что это тот, где Шарлотта посылает пистолет Вертеру, ничего не сказав Альберту. Потом Наполеон прервал беседу и возобновил беседу с Дарю. Гёте уже собирался уйти, но Наполеон догнал его, пройдя мимо многочисленных гостей, ожидавших императора в приемной. Отведя Гёте в сторону, Наполеон забросал его вопросами о личной жизни – женат ли он, есть ли у него дети, – спросил о его отношениях с герцогиней Анной-Амалией и ее сыновьями. Он ни разу не коснулся вопросов большой политики, и Гёте обиделся, потому что хочет, чтобы его тоже считали своего рода государственным деятелем.

– А на каком языке они разговаривали? – спросил Франсуа Бейль. – Мне было бы полезно это знать: ведь завтра мы встретимся!

– Гёте отвечал на французском – он говорит на нем с детства, хорошо, но не бегло. И Наполеон повторял его фразы, поправляя их.

Тут Жаклин прервала мужа, попросив его дать гостю возможность наконец-то поесть.

– Сейчас подадут дичь, – сказала она. – Нехорошо, если она остынет!

Но у Бейля еще оставались вопросы.

– Почему же император решил навестить Гёте и поговорить с ним о своей мирной декларации?

– Он наверняка искал человека, который стал бы выразителем его идей, и Гёте показался ему самым подходящим, чтобы подтвердить историческое значение его декларации. Кстати, знаешь, что в ней написано? Сейчас я тебе ее принесу.

Сен-Жюльен встал из-за стола и зашел в соседнюю комнату. Возвратившись с листом бумаги, он протянул его Бейлю. Тот в волнении пробежал глазами строчки:

«Солдаты и жители Европы, все вместе мы совершили великие дела. Силой нашего оружия мы изгнали тиранов, сокрушили их троны и расширили пространство наших свобод. А теперь мы должны приступить к новым задачам, для решения которых нам совершенно не нужно использовать силу.

Именно поэтому я обращаюсь к Европе с мирной декларацией. Начиная с этого дня, мы не будем прибегать к оружию, чтобы добиться изменения наших границ. Если такие изменения покажутся необходимыми, они могут быть произведены не иначе как в результате переговоров и свободного согласия народов.

Ни один политический строй не может быть основан на исключительном применении силы.

Все договоры и все законы будут вступать в законную силу благодаря свободному признанию граждан.

Для Европы начинается новая эпоха. Надеюсь, она принесет ей мир и всяческий прогресс, который только доступен человечеству!»

– Отличный текст! – воскликнул Бейль. – И как в нем чувствуется перо императора! – Бейль помнил этот стиль по воззванию, с которым Наполеон обратился к Великой армии утром накануне московской битвы. – Но почему он дал его прочитать Гёте? Что такого важного он может к этому добавить?

– Завтра сам сможешь его об этом спросить, – ответил Сен-Жюльен. – Но у меня есть на этот счет свое мнение. Наполеон хотел, чтобы его декларация получила философское обоснование. Ты наверняка заметил, как ему понравилось окружать себя знатоками после египетского похода и составления Гражданского кодекса. Он не хочет войти в историю одними лишь военными действиями!

– А каким ты его нашел, когда он здесь был?

– Честно говоря, мне показалось, что он как-то слишком быстро постарел.

– Вам не следует так говорить об императоре, – прервала его Жаклин. – Это неприлично! Не забудьте, что вы здесь его представитель.

– Верно-верно, – проворчал Сен-Жюльен. – Да я и выразился не совсем точно. Он совсем не стар: всего на шесть лет старше меня! Я лишь хотел сказать, что он, на мой взгляд, изменился: округлился, теперь уже не такой подвижный, немного потолстел. Но все так же изумляет своей невероятной деятельностью!

Сен-Жюльен с Бейлем выпили коньяку из хрустальных бокалов, подняв их за здоровье императора, а потом предались веселым воспоминаниям об отрочестве.

* * *

На следующее утро Сен-Жюльен довез Франсуа в своей коляске до «садового домика» Гёте. Дорога была короткой, но Бейль попросил сделать крюк, чтобы проехать сначала мимо городского дома писателя, с дверью для посетителей и большой нишей для экипажей, а потом, в нескольких сотнях метров от него, – мимо скромного дома Шиллера, в котором тот жил до своей недавней смерти. «Благодаря великой герцогине Анне-Амалии с ее знаменитой библиотекой, одновременному присутствию двух величайших немецких писателей и соседству с Иоганном-Себастьяном Бахом этот маленький городок, – подумал Бейль, – является средоточием германской культуры».

Въехав в сад, экипаж покатил по небольшой аллее. Кучер остановил его невдалеке от дома Гёте. Остаток пути до маленькой входной двери Бейль и Сен-Жюльен прошли пешком. Поднявшись по ступеням, они прочли на лежавшем перед дверью коврик латинскую надпись: «Salve»*. Посетителей встретил слуга. Он провел их в комнату, похожую на гостиную. Она располагалась в конце анфилады из трех комнат вдоль выходящего в сад фасада. Там их и ждал Гёте.

Франсуа внимательно посмотрел на него. Он встречался с Наполеоном, думал Бейль, самым великим человеком своего времени. А ему, Бейлю, повезло познакомиться с обоими! Гёте оказался высокого роста, почти вровень с ним, около шести футов, широк в плечах, величественное тело немного полновато, ноги в белых чулках довольно короткие. Бейль вглядывался в лицо Гёте, пока тот протягивал ему руку. Оно было овальным, довольно длинным, с крупным мясистым носом, карими глазами навывкате и длинными тонкими губами. Его седеющая шевелюра оставалась пышной, но уже обнажала лоб.

* Здравствуй (лат.).

– Рад видеть вас в моем скромном доме, господин генерал, – сказал он по-французски, но с заметной немецкой интонацией. – Для меня честь принимать человека, взявшего в плен великого фельдмаршала Кутузова!

«Да уж, теперь от этой легенды мне не отделаться!» – подумал Бейль и ответил:

– Я благодарен вашему превосходительству, предоставившему мне этот случай с вами познакомиться: вся Европа восхищается вашими произведениями и вашим гением.

– Никакого «превосходительства», умоляю вас! – возразил Гёте. – Полагаю, это слово уже не используется в вашем языке.

– Не совсем так, но оно употребляется очень осторожно, по мере необходимости, – отвечал Бейль, пока Гёте знаком приглашал его сесть.

Все трое уселись на прочные стулья с прямой спинкой, без позолоты. Бейль осмотрел несколько пейзажей, украшавших стены. Гёте, проследив за его взглядом, сказал ему с улыбкой:

– Их нарисовал я, но это явно не лучшая часть того, что я создал! У меня никогда лучше не получалось, даже в Италии!

Помолчав, он продолжил:

– Французский посланник говорил мне, что вас интересует адресованная Европе «мирная декларация» императора Наполеона. Что бы вы хотели от меня узнать на сей счет?

– Мне хотелось бы знать, как вы сами, учитывая ваш опыт государственного деятеля и ваши представления об истории, оцениваете содержание этой декларации. А также, если позволите, – почему вы решили поддержать ее морально?

– Попробую ответить вам как можно лучше, но это трудные вопросы. Отвечу на них в том порядке, в каком вы их задали. Прежде всего, скажу о содержании декларации: в первую очередь оно выражает разочарование Наполеона результатами, к которым приводят военные действия. Он несравненный военачальник, истинный гений этого дела. Остальные – ни Мориц Саксонский, ни Валленштейн, ни русские – до него не дотягивают. Ему пришлось иметь дело с пятью или шестью коалициями: я даже не знаю, сколько их было! Он их все победил, но у этой гидры отрастали новые головы, и уже на следующий год они снова появлялись. Он побывал во всех концах Европы: от Булони до Аустерлица и, следовательно, Вены, от Вены до Балтийского моря, после Ваграма. Сообщу вам любопытную подробность: каждый раз ему приходилось спать в постели монархов, которых он побеждал, и в Шёнбруннском дворце, и в Кремле! Знаменитое слово «Аустерлиц» – название не места битвы, а дворца, где накануне сражения останавливались два императора, Австрии и Рос-

сии, и где Наполеону пришлось ночевать после своей победы! Однако, несмотря на все эти успехи, эти переезды из страны в страну, Наполеон не особенно изменил положение вещей. Он сталкивался с теми же самыми неприятелями – сначала выбитыми из седла, а потом – снова оказывающимися в седле, куда их сажала вездесущая и неустанно сорившая деньгами рука Англии. Благодаря своему недюжинному уму Наполеон понял, что самые блистательные военные походы почти не изменили естественное состояние общества и следует прибегнуть к другим средствам. Именно поэтому ему и пришлось выбрать мир, основанный на поддержке людей. Нельзя не заметить огромной популярности Наполеона, которая уже распространяется по всей Европе. Теперь перехожу к вашему второму вопросу – почему он выбрал именно меня, чтобы поддержать эту декларацию. Знаете, что он попросил меня лично обратиться ко всем правителям Европы?

Франсуа Бейль внимательно следил за тем, как менялось выражение лица Гёте, пока тот говорил. Он ждал, когда на его лице отразится тщеславие, которого, как говорил ему кузен, Гёте совсем не чужд. Однако ничего подобного не происходило. Гёте говорил с видом некоего отрешенного превосходства, которое подчеркивало силу его мысли.

– Я согласился на его предложение, – продолжал он, – потому что во время беседы мог заметить, что благодаря своему недюжинному уму Наполеон понял: не будет заслуживать доверия мирная декларация, автором которой стал величайший полководец всех времен. Ее истолкуют как простую уловку. Нет, ее должны обнародовать совсем другие люди – мыслители, близкие традициям всемирного исторического сознания. Для этого он и соблаговолил выбрать меня, и если я согласился, то потому, что это не только удачная возможность, но и необходимость!

Немецкий акцент Гёте усиливался по мере того, как он говорил, пытаясь чеканить фразы. Он откинул голову назад и, как показалось Бейлю, немного заважничал. Помолчав, Гёте заговорил снова:

– Если у вас есть еще минутка, то мне бы хотелось рассказать вам об императоре.

– Буду очень рад.

– Это удивительный, дивный человек. По-немецки мы используем слово, которое подходит здесь лучше, – *wunderbar*, «чудный», его корень *wunder* указывает на явление чуда. Он всегда остается собой, всегда тот же самый – и перед битвой, и после нее, и после победы, и после поражения. Он всегда уверен в себе и четко знает, что ему нужно делать! Он владеет миром, как Бетховен – своим фортепьяно! Его жизнь – путь полубога. Это один из самых успешных людей, которые

когда-либо жили на свете. Когда говорят, что он – человек из гранита, это в равной степени и прежде всего относится к его телу! Он мало спит, мало ест – и при этом его умственная деятельность всегда поражает своей активностью! Он очень мало меняется. Вы знаете, между нами ровно двадцать лет разницы: я родился в августе 1749 года, а он – 15 августа 1769 года! Последний раз я его видел в Эрфурте, уже четыре года тому назад. Это было в октябре. Потом он отправился на придворный бал в Веймаре, где тогда попросил меня, как попросил и на этой неделе, приехать в Париж и написать трагедию о Цезаре. А через десять дней наградил меня орденом Почетного легиона. За четыре года он внешне почти не изменился. Что до меня, то я стал немного приземистым, на десять сантиметров ниже. Мне показалось, он немного потолстел. Лицо у него теперь блее. Я так и не написал трагедию о Цезаре, зато он сам стал величественным, как римский император! И еще одно замечание, которое наверняка вас заинтересует: сейчас он по-новому применяет свою знаменитую формулу: «Место таланту!» Я заметил, что у него особый талант подбирать людей и он умеет определять знающих людей на их место – в той области, которая подходит им как нельзя лучше! Именно поэтому во всех его великих начинаниях люди помогали ему, как, может быть, никому другому. Так что для вас, генерал, то, что он проявил к вам особое расположение, – хороший знак.

Гёте воодушевился. Его голос приобрел былую звучность и всю свою энергию. Он добавил:

– Однако я слишком долго говорю! Вы уже узнали все, что хотели узнать?

– Я слушаю вас с упоением, – ответил Бейль. – Еще никто не рассказывал мне об императоре так, как вы. Какая тонкость суждений! А вы примете его предложение приехать в Париж?

– Я подумаю, – ответил Гёте, – мне больше не нравится много ездить. Император предложил мне председательствовать на съезде, который он рассчитывает организовать, чтобы обсудить осуществление его «мирной декларации». Он настаивает, чтобы я произнес вступительную речь на тему «С этого места и с этого дня берет начало новая эра в мировой истории!». Как вы, может быть, знаете, эту фразу я произнес после сражения при Вальми, в котором сопровождал великого герцога Саксен-Веймарского и в котором республиканская французская армия сокрушила коалицию правителей Европы. Обстоятельства изменились, но сейчас эта мысль еще более актуальна!

– Я с удовольствием приеду вас послушать, если меня пригласят, – поблагодарил его Бейль. – Надеюсь, я не надоел вам своими вопросами. Для меня было большой честью выслушать размышления европейского мудреца.

Гёте встал со своего кресла. Бейль заметил, что для этого ему пришлось опереться на обе ручки. Он чувствовал, что в его ногах уже нет былой крепости, позволявшей выпрямиться без поддержки, и это заставляло его испытывать чувство унижительной неловкости. Потом Гёте направился к двери. Слуга поспешил ее открыть. Бейль взял руку, протянутую ему Гёте. Она была маленькой и бледной. Холодный воздух ворвался в дверной проем над надписью «Salve». Гёте запахнул длинный светлый плащ, брошенный на плечи, и сердечно попрощался с генералом, сказав ему по-немецки: «Auf Wiedersehen, Herr General, und Gott segne Sie!»*

Прежде чем закрыть за собой дверь, Гёте указал пальцем на какой-то странный предмет, располагавшийся чуть дальше, на густой траве. Он представлял собой куб из белого камня, на котором покоился шар из того же камня.

– Посмотрите, – сказал он. – Эта вещь вас позабавит. Я называю ее «камень удачи». Это подарок, который я сделал уже давно моей большой приятельнице Шарлотте фон Штейн. В то время квадратный камень служил символом успокоения и твердой опоры, которые дарила мне Шарлотта! Круглый шар символизировал мое переменчивое настроение, превратности судьбы, порывы моего воображения. А сейчас, созерцая «камень удачи», я говорю себе, что квадратный камень – это прочное основание для мира, а покоящийся на нем шар символизирует все то, что мы – и император Наполеон, и каждый из нас – должны предпринять, чтобы обустроить Европу, пока еще такую непрочную и неустойчивую. Вспоминайте, – добавил он, – об этом «камне удачи»! Он гораздо важнее всего, что я мог вам рассказать.

И Гёте, повернувшись, вошел в прихожую «садового домика».

* До свидания, господин генерал, благослови вас Бог! (нем.)

Глава XX ОТРЕЧЕНИЕ НАПОЛЕОНА

На следующее утро – временами все еще шел снег – генерал Бейль и его спутники снова двинулись в путь, в направлении Франции. Они проехали через Эрфурт и Франкфурт и остановились у берега Рейна близ Майнца.

Бейль дивился любопытному контрасту впечатлений, сложившихся у него по дороге из Франции и обратно. По мере перемещения на восток после переправы через Рейн у него росло чувство, что местность вокруг становится все более и более незнакомой и враждебной, – шла ли речь о домах, дорогах или людях. Тогда он продвигался вглубь территории врага. А теперь, по пути на запад, даже не доезжая Рейна, все, наоборот, напоминало то, что он давно знал, и приветливо его встречало. И он понемногу начинал чувствовать себя как на родине – еще до того, как туда вернулся.

У въезда в Майнц за движением следили караульные французского сторожевого поста. Лейтенант Вильнёв решил у них полюбопытствовать, остался ли до сих пор военным наместником этого округа старый маршал Келлерман, и, получив утвердительный ответ, спросил, где он живет.

Дежурный унтер-офицер ответил ему, что маршал все еще в Майнце, командует двадцать пятым и двадцать шестым военными округами, но проживает не во дворце военного наместника, а в городском доме, куда и предложил их проводить. Бейль быстро подсчитал в уме. Под началом Келлермана он тринадцать лет назад служил в Альпийской армии. Тогда ему было за шестьдесят. Значит, сейчас ему, наверное, около семидесяти пяти. Император наверняка оставил его на действительной службе в память о заслугах при Вальми.

В приемной Келлермана Франсуа прошел мимо двух франтоватых офицеров, явно принадлежавших к императорской курьерской службе. Войдя в гостиную, он увидел там старого маршала, собиравшегося играть в карты с молодой женщиной.

– Позвольте представиться, господин маршал, – сказал ему Бейль. – Я – генерал Франсуа Бейль из императорской гвардии, еду в Париж. Не мог не засвидетельствовать вам своего почтения.

– Да я вас знаю, – прищурившись, ответил маршал. – Вы служили под моим началом, вы – друг моего сына Франсуа. А эта очарова-

тельная молодая особа, составляющая мне компанию, – его старшая дочь, Анжелика-Франсуаза. Присаживайтесь к нам. Сейчас подадут вина.

Унтер-офицер принес бутылку рейнского и бокалы, маршал знаком попросил внучку удалиться. Когда они остались одни, Келлерман заговорил снова:

– Очень кстати, что вы здесь. Из Парижа только что прибыл курьер, чтобы сообщить мне невероятную новость, держитесь крепче: император отрекся!

– Но это невозможно! – воскликнул Бейль, открывший в изумлении рот. Он был потрясен.

– Я отреагировал так же, как и вы, – отозвался Келлерман. – Однако курьер привез мне последний номер «Монитёра», экстренный выпуск от 16 декабря. Вот он. Можете его прочитать!

Помещенный в самом верху страницы текст в рамке был набран жирным шрифтом. Бейль, медленно водя глазами по строкам, прочел:

«Его высокопреосвященство кардинал Феш, архиепископ Лионский, великий раздатчик милостыни Франции, заявляет, что в ходе беседы, состоявшейся во дворце Тюильри, его величество император Наполеон I сообщил ему о своем намерении отказаться от своих обязанностей императора, чтобы использовать свое влияние во благо мира. Следовательно, он отречется и предложит Охранительному сенату и Государственному совету назначить императором-регентом принца Евгения де Богарне, вице-короля Италии, вплоть до совершеннолетия короля Римского».

Франсуа Бейль не верил своим глазам. Все внутренние принципы, все обеты верности, которые он принес, вступив в армию, все ограничения, которым подвергал себя во время русской кампании, разбивались вдребезги или, скорее, растворялись в тумане! Ему больше некому было служить и не за что сражаться! До сих пор он никогда и не представлял, какой огромной может быть пустота.

– Прочитали? – спросил его Келлерман. – Теперь вы убедились в том, о чем я вам говорил: Наполеон отрекся. Меньше недели назад он был здесь. Возвращался в Париж с небольшой свитой, в сопровождении одного Коленкура и взвода гвардейских егерей. Я помог ему переправиться через Рейн на лодке. На почтовой станции его остановили, но даже не узнали. Он дал одной служанке несколько наполеондоров на приданое и поехал дальше. И ничего не сказал мне о своих намерениях!

– Он выглядел встревоженным, озабоченным?

– Вовсе нет! Хотя он немного изменился, но был таким же бойким и решительным, как и раньше. Зато книги читал странные. В его

комнате, когда он оттуда выходил, я видел «О духе законов» Монтескье и «Государство» Платона!

– Вы полагаете, господин маршал, он хочет восстановить у нас республику?

– Боже упаси, молодой человек! Французы неспособны управлять республикой. Стоит им поверить, будто что-то угрожает их личным интересам, они становятся одновременно и непостоянными, и жестокими, что решительно противоречит интересам республики, предполагающим единство и служение общим интересам. Я убедился в этом на собственном опыте. Полагаю, в сентябре 1792 года я спас государство. И как же меня отблагодарили «бешеные»? Через пятнадцать месяцев они бросили меня в тюрьму и уже собирались отрубить мне голову. И так бы и сделали, если бы меня не спас Термидор! Не пощадили ни Дантона, ни Камиля Демулена, ни даже отца принца Евгения! Империя лучше республики: она пытается установить одновременно и сильную власть, и равенство. Но способен ли ее сохранить Евгений де Богарне?

– Я склонен в это верить, – ответил Бейль. – Я хорошо его знаю. Он очень смелый человек, в чем можно было убедиться в Москве, он умеет руководить людьми. Политический опыт он приобрел на посту вице-короля Италии, где, как меня уверяют, он очень популярен. И, самое главное, тень Наполеона будет по-прежнему витать над Францией, потому что Богарне твердо убежден, что юный сын императора, которого он обожает, сможет со временем ему наследовать.

– Дай-то Бог! Тем не менее приготовьтесь жить в необычные времена, подобные тем, что выпали на мою долю. Прошу вас, генерал, сохранить все в тайне, потому что почта, которую я получил, была с пометкой «секретно». Однако, несмотря на такие предосторожности, я не сомневаюсь, что новость уже распространяется со скоростью подожженного пороха! Позвольте же мне позвать мою внучку: мне хотелось бы, чтобы она с вами попрощалась.

Вернулась Анжелика-Франсуаза. Ее большие светло-голубые глаза, окаймленные светлыми ресницами, явно говорили об эльзасских предках. Плечи девушки отличались изяществом, под складками синей миткалевой юбки вырисовывались линии гибкого стана. Она сделала Бейлю легкий реверанс.

– Посмотри-ка на него хорошенько! – сказал ей дед. – Это настоящий герой! Таких, как он, теперь немного. Он взял в плен фельдмаршала, командовавшего русской армией!

– В этом лишь малая доля истины, Анжелика, – поправил Бейль, – но ты уже знаешь другого героя, гораздо более великого! Это твой отец, благодаря чрезвычайным талантам которого нам удалось выиграть битву при Маренго!

Девушка покраснела от удовольствия, генерал ей поклонился, взял ее головку обеими руками и поцеловал в свежую щечку.

* * *

Прежде чем отправиться в путь, генерал Бейль спросил у Келлермана, не знает ли он, какой дорогой собирался следовать на Париж Наполеон, потому что не хотел ехать тем же маршрутом, чтобы не показалось, будто он идет по следу императора. Келлерман ответил, что, насколько он понял, император говорил о намерении остановиться сначала в Вердене, затем – в Шато-Тьерри. Тогда Бейль решил ехать через Саарбрюккен, далее – через Нанси, а оттуда по большой дороге добраться до Парижа.

Глава XXI ПРОЕЗДОМ ЧЕРЕЗ ЛОТАРИНГИЮ

На следующее утро они покинули Майнц.

Отлично вычищенная карета сверкала на солнце. Она была запряжена четверкой лошадей одной масти, серых в яблоках. Лейтенант Вильнёв попросил у генерала разрешения на этом перегоне править экипажем самому, что, судя по всему, доставляло ему огромное удовольствие, потому что в свое время он участвовал в гонках. Ему помогал сидящий рядом на облучке конюх Бонжан.

Лоррен перебрался в карету, где генерал Бейль сидел напротив Мари-Терезы, одетой в серый костюм, с позолоченными пуговицами на жакете. Бейль смотрел на нее с нежностью. В гостинице Майнца они провели восхитительную ночь. Мари-Тереза полностью отдавалась его ласкам. Казалось, ее ничто не сдерживало, ее тело, образ которого всплывал теперь в памяти Бейля, было великолепным, очень гибким и крепким, словно развитое физическими упражнениями. Впустив Лоррена, Бейль предался мечтам, и его посетила странная фантазия: он уподобил Мари-Терезу Жанне д'Арк! Они же обе родом из Лотарингии, примерно одного возраста, из одной и той же среды – настоящей, народной. Их физическая сила, их привлекательность, их прелести, как написали бы летописцы того времени, – все на удивление похоже. Бейль вспомнил эпическую поэму, довольно непристойную, которую Вольтер посвятил Жанне и которую он тайком утащил из библиотеки своего отца.

Мари-Тереза спала и проснулась от тряски.

– Куда мы едем? – спросила она.

Франсуа объяснил ей, почему выбрал эту дорогу.

– Мы проедем через Нанси, – сказал он.

– А через сколько дней мы там будем? – поинтересовалась Мари-Тереза.

– Примерно через шесть, если на почтовых станциях нам будут давать хороших лошадей.

– Могу я вас попросить об одном одолжении? Высадите меня, пожалуйста, в Нанси, чтобы я могла отправиться оттуда в Люневиль, где живет моя семья. Я ее не видела уже два года и целый год не получала о ней никаких известий!

– А он очень далеко от Нанси?

Прислушивавшийся украдкой Лоррен вмешался в разговор:

– Пришлось бы сделать совсем маленький крюк! Между ними километров тридцать или чуть больше.

Бейль решительно сказал Мари-Терезе:

– Мы отвезем тебя в Люневиль к родным.

Полузакрыв глаза, он любовался ею, вспоминая сладострастные движения ее тела, скрытого теперь тканью шерстяного платья, и, увидев, как блеснули ее устремленные в потолок глаза, с изумлением заметил в них выражение какой-то тихой грусти.

Лоррен, который был рад присоединиться к разговору, продолжал, обращаясь к генералу:

– Потрясающая новость! Вы в курсе?

– Какая новость? – спросил Бейль, удивленный тем, что Лоррен мог знать сведения, которые он считал секретными.

– Ну да! Вы думаете, будто я ничего не знаю! – воскликнул Лоррен. – Вы всегда думаете, будто только генералы и правители в курсе, а народ пребывает в невежестве!

– Избавь нас от своей революционной трескотни! – резко прервал его Бейль. – И скажи нам, что ты узнал такого необыкновенного.

– Так вот: император, говорят, отрекся, после его-то великой победы в России. Все так взбудоражены!

– А ты как об этом узнал?

– От посыльного, приехавшего с императорской почтой. У него был с собой номер «Монитёра», и он мне его показал. Я просто глазам своим не поверил. И что теперь будет, если он нас покинул? Неужели опять Консульство?

– Император отрекся? – испуганно вскрикнула Мари-Тереза. – Не верю ни единому слову! Это все сплетни, которые ты собираешь по кабакам!

Франсуа Бейль стал думать, что бы ему сказать. До границы им оставалось еще три перегона, и явно не стоило потакать слухам.

– Если это секрет, тебе стоило бы держать его при себе, – посоветовал он Лоррену.

* * *

Приехав в Нанси, они поняли, что новость уже всем известна. В городе все словно сошло с ума. Беспорядочная толпа, явно ошарашенная, бродила по улицам. На перекрестках слышались крики: «Да здравствует император!» Люди окружали солдат в мундирах, словно военные должны знать все об этом поразительном решении. Карета направилась к военной комендатуре. Охрана там была усилена. Лейтенант Вильнёв заявил, что правит экипажем генерала Бейля, а когда их впустили во двор, спросил у стоявшего возле двери адъютанта, не

соблаговолит ли генерал Дювивье, командир дивизии в Нанси, принять генерала Бейля, направляющегося в Париж. Через несколько минут адъютант вернулся с утвердительным ответом.

Когда Бейля ввели в кабинет генерала Дювивье, он очутился лицом к лицу с высоким человеком, словно вырубленным топором. На нем была форма пехотного офицера, украшенная эполетами и галунами дивизионного генерала.

– Проходите и садитесь, Бейль, – сказал он, протягивая длинную костлявую руку, в которой утонула рука Франсуа. – Мне кажется, я вас уже встречал, когда мы проводили маневры вместе с гвардией, но, насколько я помню, тогда вы были полковником.

– Император назначил меня генералом. В сентябре, в Москве.

– Отличное продвижение в вашем возрасте! Можно вас спросить, с какой целью вы сюда прибыли?

– Я оставил Великую армию по приказу императора, предписавшего мне вернуться в Париж для реорганизации гвардейской кавалерии. И вот еду в столицу.

– Вы, друг мой, говорите об императоре, – ответил генерал Дювивье, – но ни вы, ни я не знаем, есть ли он сейчас! Слышали новость об отречении?

– Мне сообщил ее маршал Келлерман, но он не знал никаких подробностей. Может быть, вы знаете больше?

– Да нет, ничего особенного. Похоже, это сугубо личное решение, которое он принял сам. Видимо, хотел действовать быстро и поскорее созвать заседание Охранительного сената. А еще говорят, что ему хотелось бы спросить мнения народа. Вероятно, все кончится к концу следующего месяца, к 1 февраля.

– А как отреагировали люди?

– Они очень сильно потрясены. Они полностью доверяли императору, переживали за него во время русской кампании. Весть о победе их воодушевила, и вот победитель их покинул!

– Ну, не совсем так, генерал. Он позаботился оставить преемника, на что имел полное право, и теперь хочет посвятить себя другого рода деятельности.

– Какой деятельности? – спросил генерал Дювивье. – Он ничего не говорил, и люди ничего о ней не знают. Его армия, клянусь вам, ничего больше не знает!

– Он наверняка объяснится, как всегда делал во всех значительных случаях. По моему мнению, он думает, что уже достиг всего возможного в военном плане и что для Франции было бы благом заняться делами другого рода.

– Но какими же? – повторил Дювивье.

– Делом мира! Но я же не могу говорить за него! Мирным обустройством Европы...

– Вы думаете, это возможно? Европу нельзя обустроить иначе, чем силой! И вы это знаете так же хорошо, как и я.

Франсуа Бейль решил, что беседа чересчур затянулась, его раздралил неодобрительный тон Дювивье. Бейль сожалел, что тот не провел хотя бы неделю в Смоленске, чтобы лучше понять, что возможности оружия безграничны... Потому-то он и собирался взять отпуск.

– Мне пора отправляться с инспекцией, – сказал генерал Дювивье. – Я вернусь ближе к вечеру и буду рад, если вы со мной поужинаете.

– Благодарю вас, но я уже отдал распоряжения, которые не могу изменить. Я тронут вашим приглашением и прошу вашего разрешения удалиться.

Скептический и самодовольный тон генерала Дювивье напомнил Франсуа Бейлю о разговорах, которые он уже слышал, возвращаясь к гражданской жизни. Он грустил по тем вечерам на необъятной равнине, когда единственным шумом был лишь свист ветра в ветвях, покрытых инеем.

* * *

Франсуа возвратился в гостиницу, где расположились на ночлег его люди, – большой дом на углу площади короля Станислава. Окна его комнаты, расположенной по главному фасаду, выходили на площадь. Мари-Тереза поселилась в соседней комнате.

Впятером они пообедали в гостиничном ресторане. Его стены были украшены эпинальскими картинками, изображающими военные подвиги Наполеона, а также гравюрой с картины Давида о посвящении императора в соборе Парижской Богоматери. Бейль пригласил ординарца и кучера присоединиться к ним. Мари-Тереза явилась в красном платье с квадратным вырезом и юбкой немного ниже колен. «Странное дело! А я, оказывается, до сих пор толком не знаю, какая она!» – в удивлении сказал себе Бейль.

Блюда им подавали на тарелках, изготовленных в Саргемине. На свежeweыглаженной скатерти не виднелось ни складочки. Когда служанка принесла супницу и подняла крышку, их обдало крепким запахом ароматных овощей. Бейль заказал традиционный лотарингский пирог и мозельского вина. Они были счастливы опять приобщиться к французским традициям, но над ними витала тень печали. Их занимательное путешествие скоро заканчивалось. Мари-Тереза пристально смотрела в одну точку и за весь обед не проронила ни слова.

Выпив рюмку мирабелевой настойки, Франсуа ушел к себе в комнату, разделся и лег на кровать. По площади шествовали люди с зауженными площадками, трехцветными флагами и портретом Наполе-

она в его знаменитой треуголке. Бейль встал, чтобы закрыть занавески. Он еще чувствовал охватившую его за обедом грусть и спрашивал себя, придет ли к нему Мари-Тереза. Он ждал каких-нибудь звуков в ее комнате за перегородкой. Услышал, как сначала там открылась дверь, потом – как кто-то вошел в комнату. Его сердце бешено забилося. Минут через десять раздался легкий скрип: открылась его дверь, и Мари-Тереза вошла к нему.

Она поискала взглядом кресло, села, чтобы развязать шнурки ботинок. Потом снова встала, сняла через голову свое красное платье, избавилась от белого нижнего белья, хлопчатобумажного и шелкового. Мари-Тереза подошла к большой кровати, на которой ее ждал Франсуа, и поднялась на нее, опершись на колено. Потом легла рядом с ним. Все это время она постоянно смотрела в одну точку и ни слова не говорила.

Немного погодя она нащупала руку Франсуа, взяла ее и положила себе на грудь. И они обнялись.

Они долго ласкали друг друга, и им казалось, что ничто не нарушало их согласия. Франсуа любовался ее кожей, тонкими очертаниями мышц, открытыми в ожидании поцелуя губами... А Мари-Тереза, испытывая изысканное удовольствие, чувствовала силу его рук и ту нежность, с которой он заставлял ее менять положение.

Они пробыли вместе больше трех часов, потом встали. Франсуа Бейль взял за руку Мари-Терезу, еще не одетую, и подвел ее к окну, которое тут же открыл. И они прижались друг к другу, замороженно наблюдая дивное зрелище – снег, падавший легкими белыми хлопьями на позолоченные решетки площади короля Станислава.

Мари-Тереза вернулась, взяла с кресла свою одежду, которую оставила на его ручках, а теперь даже не пыталась надеть, и, открывая дверь, пробормотала шепотом:

– Спокойной ночи. Я навещу вас еще и завтра.

* * *

Карета неспешно преодолевала тридцать пять километров, которые отделяют Нанси от Люневилля. Снег падал сплошной пеленой, и лошади, хотя и отлично подкованные, боялись идти рысью, чувствуя, что скользят на обледеневших лужах.

Мари-Тереза, в длинном плаще и меховой шапке, весело перечисляла названия деревень, мимо которых они проезжали, радуясь тому, что наконец-то оказалась в родных краях. «Сен-Никола-де-Пор-Домбаль-сюр-Мёрт», – говорила она. По мере приближения к Вогезам пейзаж постепенно менялся, дорога шла вдоль леса с большими заснеженными елями. Они пересекли городок Веримонт и стали

спускаться с горы. На спуске лошади удерживались с трудом, спотыкаясь о дорожные камни. Вдруг Мари-Тереза крикнула: «Подъезжаем! Люневиль совсем рядом!»

Кучер не знал, по какой дороге ехать. Мари-Тереза взялась ему помочь.

– Едем на Замоквую площадь, – сказала она. – Лучшая гостиница – именно там.

Они пересекли городок шагом и выехали на просторную вымощенную плитами площадь. Она шла под уклон и закруглялась вроде раковины. Над ней возвышались решетки ограды при въезде во дворец Станислава Лещинского. Направо высилась величественная громада гостиницы «Три рожи».

Карета остановилась у дверей, и служащие гостиницы, на которых ее элегантность произвела большое впечатление, принялись выгружать вещи.

Мари-Тереза отвела Бейля в сторону.

– Я не стану останавливаться в этой гостинице, – сказала она. – Мои родные живут неподалеку, к ним я и пойду.

– Но тебя могут подвезти в карете.

– Нет-нет, прошу вас, – твердо отказалась она. – Это вызовет в квартале слишком большой переполох. Но, может, Бонжан поможет мне донести вещи?

Бейль поискал взглядом конюха, чтобы отдать ему приказ, однако ему пришлось уступить настойчивости хозяина гостиницы, одетого в синий сюртук с огромным чёрным галстуком-бантом: тот вызвался самолично проводить Бейля в его номер. Он представлял собой большую комнату, оба окна которой, обрамленные плиткой, выходили на фасад дворца. В камине горели дрова, воздух понемногу нагревался. Франсуа снял с себя куртку. В дверь деликатно постучали три раза. Подумав, что принесли его вещи, он рассеянно разрешил войти. Но это оказалась Мари-Тереза, уже без плаща, в том самом зеленом шерстяном платье, в котором уезжала из Москвы и пуговицы которого они вместе расстегивали в Варшаве.

– Знаю, мне не следовало бы приходить, – сказала она. – Так не делается, это неприлично, но мне нужно с вами поговорить. Когда мы покидали Москву, мне захотелось вас отблагодарить, потому что вы спасли меня от смерти и от позора, но вы не согласились, чтобы я для вас это сделала. Я смогла отблагодарить вас и в Варшаве, и потом, в пути, каждый вечер. Я была довольна, но не только: мне было все приятнее и приятнее находиться в ваших объятиях. Я понимала, что это не может длиться вечно, хотя я с радостью благодарила бы вас до конца моей жизни, но предпочитала об этом не думать! После

отъезда из Москвы я знала, что мы с вами – из разного общества, но вы столь вежливы и галантны, что никогда мне этого не показывали. Однако ваш простофиля-кузен и его дуреха-жена напомнили мне об этом в Веймаре, отправив меня ночевать в комнату прислуги и заставив есть на кухне! Скоро мне исполнится двадцать восемь. Мне хотелось бы иметь детей, завести семью. Для этого я собираюсь найти хорошего мужа. Но он никогда не будет таким же красивым и таким же смелым, как вы! Я попрошу его быть порядочным и честным, и, если можно, верным. Но я по-прежнему буду любить только вас! Впрочем, если вы когда-нибудь почувствуете, что заболели, если вас покинут друзья или женщины, которых вы встретите, вам будет достаточно мне написать, и я к вам приеду, где бы ни оказалась – далеко или близко, замужем я буду или нет.

Слова Мари-Терезы потрясли Франсуа Бейля. Он не осмеливался ее прервать.

– Я хотела бы обратиться к вам с последней просьбой, – продолжала она. – В дороге вы обращались ко мне на «ты», но я вам всегда говорила «вы», из уважения к вашему званию. Мне хотелось бы, чтобы вы мне позволили обращаться к вам на «ты»!

– Конечно же, но только у тебя будет мало случаев это сделать, – сказал Франсуа, осознавая всю банальность своего ответа.

– Я знаю, нам суждено общаться не часто, – согласилась Мари-Тереза, – но мне хотелось бы мысленно, в сердце, называть вас на «ты»!

Она к нему подошла, нежно его поцеловала и вышла из комнаты. Под зеленым платьем вырисовывались контуры ее тела.

1813

Глава XXII

УЛИЦА ЛИЛЬ И ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ

Чтобы добраться до Парижа, команде генерала Бейля, сократившейся до четырех человек, хватило пяти дней. Они восхищались отменным состоянием большой дороги, за которой следило новое управление мостов и дорог. На сложных участках бригады по уборке снега наверняка обращались за помощью к крестьянам из соседних деревень. Мусор вывозили на тележках.

Франсуа Бейля впечатлило качество управления хозяйством страны – насколько он мог наблюдать его, проезжая небольшие городки. Здания мэрий и супрефектур содержались в образцовом порядке. В Туле, Сен-Дизье, Витри-ле-Франсуа были отремонтированы здания судов первой инстанции. Почтовые отделения действовали во всех селах. Работали небольшие школы. Перед ним предстала другая Европа – совсем не та, жалкая и ужасная, какую он увидел на востоке. Конечно, предстоит еще многое сделать. Крестьяне одеты бедно, особенно их голоногие дети, обутые в деревянные башмаки. Монастырей больше, чем больниц. Однако Франсуа, вспоминая о колее, пересекавшей необъятную русскую равнину, и об остове разрушенной церкви на площади Смоленска в окружении жалкой и злобной толпы, повторял про себя: «Да, это совсем другой мир».

Оставив позади ворота Парижа, карета переехала через мост над Сеной, прокатилась по набережным ее левого берега, мимо собора Парижской Богоматери и пересекла начало улицы Сен-Жак. Франсуа заметил, что успел забыть большие города. Варшава и Майнц – неплохи, но их не сравнить с Парижем. Набережная казалась бесконечной, улица Сен-Жак поднималась в направлении Сорбонны. На каждой маленькой площади виднелись аптеки и рестораны, а толпа, праздная толпа, о существовании которой он тоже уже забыл, слонялась по улице, где навстречу ей шли ремесленники со своими инструментами, стекольщики и продавцы мороженого. Они миновали Коллеж Четырех Наций, в котором император основал Институт Франции, и, свернув налево, поехали по улице Лилль, лошади пробежали ее галопом до самого конца. Дом, где жила мать Франсуа, был предпоследним справа.

Его построил дед Бейля со стороны матери, когда служил командиром в королевской армии. Строительство началось в то время, ког-

да благоустроивалась большая площадь перед Бурбонским дворцом. Поскольку справа от него улица Лилль подходит к Сене, пригодный для строительства участок земли был небольшим, что позволило устроить лишь маленький садик за домом. Зато в достаточно просторном дворе перед домом хватало места для кареты.

Было шесть часов вечера. Франсуа не мог никого предупредить о своем приезде: почту по дороге везли медленней, чем ехал по ней его экипаж. В это время суток его матушка обычно находилась у себя в гостиной, где выпивала чашку травяного отвара – одна или с приятельницами.

Генерал поднялся по лестнице до приподнятого над улицей второго этажа и позвонил в дверь.

Ее открыл немолодой дворецкий с седыми бакенбардами. Франсуа узнал Габриеля, слугу матери.

– О, это вы, господин Франсуа! – воскликнул тот. – Как же я рад вас видеть! Хозяйка вас ждала. Она боялась, что вы погибнете в этой ужасной русской войне. К счастью, господин Монтескью, приехавший раньше вас, ее успокоил. Он сказал, что вы проявили себя настоящим героем!

– Хватит говорить ерунду, Габриель, – дружелюбно ответил Франсуа. – Где сейчас матушка?

Из-за двери гостиной послышался голос мадам Бейль, услышавшей разговор.

– Так это ты, сынок?! Подойди-ка сюда, поцелуй свою маму!

Франсуа вошел в гостиную и увидел мать. Она сидела в штофном кресле, между камином и окном, выходящим на Сену.

Он наклонился и поцеловал ее. Поцелуй был долгим, она в это время обнимала его за плечи. Ее волосы тронула седина, но парика она не носила. Он почувствовал легкий аромат пудры, которой она всегда присыпала лицо.

– Садись со мной рядом. Я не скажу тебе, как раньше, что ты вырос, но, как мне кажется, ты вырос в чине, – сказала она, указывая пальцем на его эполеты.

– Да, мама, император назначил меня генералом.

– Как порадовался бы твой дедушка! Надеюсь, ты еще побудешь с нами. Анжелики сейчас нет дома, но она должна вернуться к ужину. Твоя комната тебя ждет. Я следила, чтобы она всегда была готова. Габриель внесет твои вещи, если у него еще хватит сил.

Франсуа вышел из гостиной, заметив про себя, как изящно она обставлена; он шел обратно во двор проститься со своими людьми. От ноздрей лошадей валил пар. Эту последнюю упряжку им дали в Куломье. Пожав руки Лоррену и Бонжану, Бейль сказал, что будет ждать их завтра в казармах кавалеристов Военной академии, а потом

взял за руку лейтенанта Вильнёва и отвел его в сторону, чтобы поговорить с глазу на глаз.

– Знаешь, император мне сказал, что он, пожалуй, примет меня, когда я вернусь. Мне хотелось бы, чтобы ты, переговорив с его адъютантами, узнал, не изменил ли он своего намерения. Пусть ему сообщат, что я в его распоряжении.

И Бейль вернулся в свою комнату.

Она действительно осталась той же самой. Навощенный дубовый паркет, покрытый двумя восточными коврами (тот, что побольше, – посреди комнаты, другой – у кровати); стены обиты тканью с красными разводами и украшены несколькими гравюрами, которые родственники дарили ему на дни рождения, и наивным портретом Людовика XV в детстве... Стоящий у стены комод позволял раскладывать рубашки по порядку, за двустворчатой дверью, которая открывалась в обитой гобеленами стене, скрывался шкаф, куда он вешал одежду. Бейль решил переодеться и выбрал костюм, который носил перед отъездом. Он состоял из светло-серых, довольно обтягивающих панталон со штрипками и длинного сюртука серовато-синего цвета.

Ему так и не удалось привести в порядок мысли. Он вернулся домой, это понятно, однако в голове у него по-прежнему царил туман. Все так неопределенно... Он должен бы чувствовать себя свободным, ощущать пьянящую радость, но вместо этого испытывал беспричинную грусть, сожаление о том, чего для него отныне уже не существовало, и, самое главное, полное безразличие: он уже ничего не хотел и был совершенно равнодушен к тому, что могло произойти.

Он сел на край кровати: здесь он когда-то мечтал о карьере, о военных подвигах. А теперь больше ничего не ждал. «Это наверняка усталость», – подумал он. Усталость от дорожной тряски, когда лошади несли его галопом через всю Европу, или уныние от того, что ему опять придется зажить обыденной жизнью? Или все дело в уходе покинувшей его Мари-Терезы? Может, он тоскует потому, что остался без ее поипительных ласк?

Он встал и решил встряхнуться. Ему было не по себе в этом нелепом наряде, подобающем франту из Пале-Рояля, хотя эта одежда могла и пригодиться для домашнего ужина. Потом он снова наденет свою форму офицера егерей и пойдет в ней на прием к императору.

Его мать и сестра Анжелика ждали в гостиной. Анжелику он не видел уже два года. Когда он отправлялся на войну, она заканчивала учебу в школе ордена Почетного легиона, а теперь его поразила ее изумительная красота. Она всегда была изящной и очаровательной и с детства привлекала своей улыбкой и красотой своих волос. Но теперь, став девушкой, она, по мнению Франсуа, достигла совершен-

ства. От матери она унаследовала изысканность манер, а от отца – умение плавно двигаться, благородство и точность в каждом жесте. Увидев брата, она насмешливо улыбнулась:

– Так тебя, Фрике, сделали генералом? Чего же такого особенного ты натворил?

Она встала, взяла брата за руку и, поднявшись на цыпочки, чтобы до него дотянуться, чмокнула его в щеку звонким поцелуем, от которого ему стало хорошо, как в отрочестве.

– Пойдемте, дети, пора обедать! – сказала им мать.

Следом за ней они вошли в столовую, где расселись вокруг овального стола. Заняв место в центре, мадам Бейль усадила Франсуа справа от себя, Анжелику – слева. После смерти мужа она никогда и никого не сажала напротив себя.

Обратившись к сыну, она сразу же заговорила на модную тему:

– А тебя не слишком удивило отречение твоего обожаемого императора?

– Я его, мама, не обожаю: я им безоговорочно восхищаюсь. Во время русской кампании я прекрасно чувствовал, что его терзала какая-то тайная забота, но так и не отгадал, в чем она состоит.

– Ну и странная же у него возникла идея – сделать регентом Евгения де Богарне! Если не считать того, что у него тут есть два дома и что он очень учтиво раскланивается с Анжеликой, – решительно не понимаю, почему ему уготована королевская власть!

– Однако, мама, – прервала ее Анжелика, – во Франции уже бывали регентши, как Екатерина и Мария Медичи, у которых было не очень-то много общего с королевской властью!

– Было бы проще, – продолжала мадам Бейль, сохранившая монархические убеждения и при Империи, – обратиться к графу Прованскому! Те, кто с ним хорошо знаком, говорят, что он человек благоразумный, умеренных взглядов.

– Это правда, мама, у него хорошая репутация, – ответил Франсуа, – но я не думаю, что французы готовы согласиться на реставрацию монархии. Они постепенно привыкали к Наполеону благодаря его победам, однако он, похоже, еще и символизировал определенную преемственность по отношению к республике. Нет, французы не намерены сразу же вернуться к монархии!

– Что ж, посмотрим! – ответила мадам Бейль. – Трудности начнутся, если принц Евгений не оправдает ожиданий. И тогда будет слишком поздно принимать разумное решение; тогда снова вернется республика с ее бесчинствами. Ну, и чем же будет заниматься твой героический император?

Пока они обменивались этими репликами, обед проходил так же, как всегда, насколько помнил Франсуа: дымящийся суп в глубоких

тарелках, блюдо с разнообразными овощами и нежирным мясом или птицей, сыры из Оверни и десерт – взбитые сливки и пирожные. Прислуживал за столом Габриель, которому помогала молодая служанка, подогревавшая и менявшая тарелки.

– Думаю, в конце недели я смогу лучше ответить на ваши вопросы, потому что на днях собираюсь повидаться с императором, – сказал Франсуа. – А пока я знаю только то, что сказал мне Гёте, когда принимал меня в Веймаре: Наполеон полагает, что все, чего можно достичь военными успехами, уже исчерпано. Он хочет посвятить себя установлению мира в Европе, и для этого ему нужно предстать в новом облике.

– Все это довольно неопределенно, – ответила мать. – Но что он тем временем делает с нами, французами?

Анжелика пришла в возбуждение:

– Ты встречался с Гёте? Он с тобой разговаривал? Я как раз собираюсь перечитать его «Вертера».

Подали десерт. Мадам Бейль успела заказать любимое блюдо сына – клубничное желе. Но его уже клонило в сон, и он почувствовал себя усталым. Съев последнюю ложку десерта, он поцеловал мать в лоб и ушел к себе.

Проходя мимо двери в комнату Анжелики, он решил пожелать ей спокойной ночи, как делал каждый вечер, пока жил дома. Анжелика вскрикнула от радости:

– Входи, Франсуа, я так рада тебя видеть! Опасалась, что ты забудешь зайти. – Она глубоко вздохнула. – Я так боялась, что тебя убьют! Ты, наверное, знаешь, что двое наших кузенов, Лаффары, служившие в артиллерии, погибли в Москве! Похоже, гвардию император берет.

Франсуа улыбнулся:

– Только по пути в Россию, а на обратном пути – нет! Мне кажется, мама не любит Наполеона.

– Она его ненавидит. Упрекает его в том, что он создал фальшивую знать, и в том, что он – плохой христианин. Она все ждет возвращения короля, словно это возможно. Я же думаю, как и ты, Франсуа: мне кажется, это неосуществимо. Революция еще не закончилась. Наполеону удалось прикрыть ее сверху крышкой, но внутри-то по-прежнему кипит, по крайней мере в Париже. Я убеждалась в этом каждую неделю, когда ходила в квартал Шарон помогать монахиням-августинкам, содержащим сиротский дом. Зачастую я была так глупа, что одевалась по моде, и встречные простолюдины бросали на меня злобные взгляды. По их глазам я видела, что они с удовольствием вздели бы мою голову на пику!

– Ничего подобного, Анжелика! Насилие существует, и нам его не уничтожить, но оно уже совсем не распространяется на весь фран-

цузский народ. Я много чего повидал в армии, но, тем не менее, она остается республиканской. Надо всего лишь поставить заслон насилию, стараться его не возбуждать, потому что в противном случае неизбежно будет восстановлена монархия. А сейчас нам надо беречь империю!

– Ты будешь помогать принцу Евгению?

– Да, если он попросит.

– Знаешь, а он со мной очень любезен. Всякий раз, проезжая мимо по улице в своем экипаже, весьма галантно со мной здоровается.

– Еще бы, Анжелика, ты же такая хорошенькая!

«И она действительно на редкость хорошенькая», – подумал Франсуа, пристально оглядывая сестру. Конечно, существует всеми признанная классическая красота, воплощенная в античных скульптурах, но есть и иная, более изысканная красота, выражающая представление о совершенстве тех людей, которые в ней себя узнают. Анжелика была совершенным воплощением французской красоты своего времени. Франсуа любовался ее руками, которые ниже плеч становились чуть тоньше, но у локтя обретали прежний объем, необыкновенно хрупкими запястьями, длинными пальцами. И внезапно, сам того не желая, вспомнил крепкую руку Мари-Терезы, ее четкие очертания. «Где она теперь может быть?» – спросил себя он, и у него внезапно защемило сердце. Он пожелал сестре спокойной ночи и удалился в свою комнату, где когда-то жил еще подростком. Он так и не смог разобраться в своих мыслях.

* * *

Утром, во вторник 12 января 1813 года, генерал Бейль решил посетить место, где ему предстояло выполнять задачи, возложенные на него маршалом Бертье от имени императора, то есть командовать гвардейской кавалерией. И он отправился в казармы кавалеристов Военной академии. Пройдя вдоль стены манежа, где его учили ездить на армейских лошадях, он ступил во двор и стал разыскивать кавалерийское командование. В конце концов, он обнаружил табличку, на которой черным шрифтом была отпечатана надпись: «Гвардейская кавалерия, командный пункт». Табличка висела на трехэтажном здании, куда Бейль и вошел. Внутри он обнаружил офицеров, непрерывно сновавших туда-сюда по служебным делам. Все они носили свою любимую форму: черные сапоги и кавалерийские штаны на подтяжках поверх белых рубашек. На ходу они перебрасывались словами, чтобы обменяться сведениями. Бейль понял, что они готовятся к объявленному на послезавтра прибытию из Парижа двух гвардейских эскадронов Великой армии.

Казалось, его здесь никто не узнавал. На нем был зеленый мундир гвардейских егерей, но без галунов, указывающих на звание. Оставшиеся в Париже офицеры плохо знали бойцов Великой армии. Однако некоторые, встречаясь с ним, слегка кивали, хотя и не понимали, какая у него должность. Обратившись к одному молодому лейтенанту, Бейль попросил показать ему кабинет командующего кавалерией.

– Надо подняться на второй этаж и пойти по коридору. В конце увидите прихожую кабинета маршала Бессьера. Но его там нет. Его уже несколько дней здесь не видели.

Немного подумав, лейтенант посмотрел на Бейля чуть пристальней.

– Мне кажется, я вас знаю, – сказал он. – Вы, случайно, не полковник Бейль из гвардейских егерей?

– Возможно, – равнодушным тоном ответил Бейль. Он понял, что приказ насчет него еще не поступил и дальше задерживаться в Военной академии бесполезно.

Вернувшись домой, он встретил во дворе поджидавшего его лейтенанта Вильнёва.

– Знаете, я нашел начальника генерального штаба императора! – воскликнул тот. – Это полковник Арриги! Он мне рассказал, что, сдав русских маршалов в Кёнигсберге, вернулся в Варшаву, где император назначил его первым адъютантом вместо Анатоля де Монтескью, уехавшего в Париж. А сейчас он руководит офицерами, окружающими императора в Елисейском дворце.

– Почему ты говоришь о Елисейском дворце?

– Потому что именно там сейчас живет император. Он предназначил этот дворец для своей сестры Каролины и Неаполитанского короля, но потом попросил их вернуть дворец ему. Он не хотел возвращаться в Тюильри. Наполеон считает, что Тюильри – место для осуществления имперской власти. Теперь ему нужен более скромный дом.

«Вот оно, влияние Гёте», – подумал Бейль.

– Арриги сразу же стал готовить вашу встречу с Наполеоном, – продолжал Вильнёв. – Император, вспомнивший о своем обещании, которое он дал вам в Москве, назначил аудиенцию на послезавтра, на четверг, на десять утра. Он примет вас один.

Бейль чувствовал, как нарастает в нем напряжение. Он сгорал от нетерпения, мечтая поскорее увидеть великого человека, выслушать его объяснения относительно его неожиданного решения и, может быть, лучше понять, чего ждет от него император.

Он весело поднялся по лестнице, вошел в дом и решил зайти к матери поздороваться. Она как раз была одна у себя в гостиной.

– Здравствуй, сынок, – сказала она. – Представь себе, у меня есть для тебя хорошая новость, которую я совершенно забыла тебе сообщить, когда ты приехал: тогда я была так взволнована. Тебе перешло по наследству чудесное имение Ла-Тур возле Экс-ан-Прованса.

«Что это, интересно, за история?» – подумал Бейль, смутно припоминая название имения, принадлежавшего зятю матери, маркизу де Лаффару.

– Когда-нибудь ты, конечно, станешь владельцем Англара, – продолжала мать. – Но, надеюсь, как можно позже, потому что я рассчитываю жить там и дальше, и тебя стеснило бы мое присутствие. Говорят, с годами я становлюсь все более властной. Да и климат там не особенно хороший. Думаю, после России тебе хотелось бы жить там, где много солнца! Мой зять, как ты знаешь, умер два года назад, а двое его сыновей убиты в России. Моя сестра, парижанка в душе, любительница гостиных особнячков квартала Сен-Жермен, где она обожает сплетничать, не хочет ехать в Прованс: то ли это для нее слишком далеко, то ли она считает, что там слишком сильные ветры. Она решила подарить это имение тебе, чтобы от него отделаться. Потому что она так боялась, как бы тебя – и тебя тоже! – не убили в России! Это хорошее имение – не огромное, конечно, но удачно расположенное между Экс-ан-Провансом и горой Сен-Виктуар. Там делают вино, которое, по моему мнению, лучше продавать, чем пить. И, самое главное, в этом имении есть очаровательный дом в солнечном месте, построенный в прошлом веке (в Провансе их называют особнячками). Вокруг него – вековые деревья. А мебель в прованском стиле – это просто чудо! Твой дядя был в душе коллекционером. Впрочем, это было единственным его занятием, если не считать игры в карты: он играл в клубе, где просаживал деньги своей семьей! Твой отец его считал пустым человеком!

– Полагаю, мама, сейчас не время об этом говорить, – заметил Франсуа.

Известие его удивило и ошарашило. Будучи единственным сыном, он привык к мысли, что когда-нибудь унаследует имение Англара. Это дом его детства, но там живут родные, так что его владельцем, думал Бейль, он станет совсем не скоро. Неожиданное прованское наследство свалилось на него как поистине райский подарок. Мать не знала, что он обожал Прованс – его климат, запахи, его язык. Бейль привязался к нему еще тогда, когда его часть стояла гарнизоном в Авиньоне, десять лет назад. Он всегда мечтал туда вернуться. Так, может быть, сейчас, в отпуске, он найдет в этом имении те изысканные удовольствия, которые предлагает жизнь в Провансе?

Выйдя из гостиной, он вернулся к лейтенанту Вильнёву.

– Подтверди Арриги, что я непременно приду к императору. И зайди за мной в девять утра, потому что мы пойдём пешком. Это недалеко, если идти через парк Елисейских Полей.

* * *

В среду утром, ровно в девять, лейтенант Вильнёв ждал генерала Бейля во дворе дома на улице Лилль. Они перешли через мост над Сеной, а потом вошли в парк Елисейских Полей.

Франсуа Бейль надел свою зелено-красно-белую парадную форму, на которой сверкали галуны. Они сбавили шаг, поскольку времени у них было вдоволь, и обогнули Елисейский дворец, чтобы войти туда воротами, выходящими на улицу Сент-Оноре. Охрану несли конные grenadiers полковника Лепика, узнавшие Бейля.

Он пересек двор. Толстый слой гравия мешал идти. Бейль окинул взглядом фасад Елисейского дворца. «Он довольно красивый, – подумал он, – но на том берегу Сены есть и получше: взять хоть особняк Бирона или Самуэля Бернара. Да и размером совсем не похож на резиденцию императора! Наверняка это временное жилище Наполеона».

У подъезда на крыльце его встретил полковник Арриги, одетый с иголки в форму гвардейских вольтижеров.

– Как же я рад тебя здесь видеть! – воскликнул Бейль.

– А как я рад вас тут принимать, генерал! – ответил Арриги.

– Прошу тебя, хватит формальностей, – отозвался Бейль. – У нас с тобой достаточно общих воспоминаний!

– Вы пришли чуть раньше. Император занят, беседует с герцогом Виченцы. Я попросил бы вас подождать в приемной для адъютантов.

– А император живет здесь? – спросил Бейль.

– Ты же знаешь, он довольствуется малым и может устроиться где угодно, как ты и сам видел в России. Для него пришлось приспособить второй этаж. Именно там находится его кабинет. Императрица и Римский король живут на третьем этаже. Им там тесно, но они здесь не задержатся. Для них уже начали готовить дворец Фонтенбло. Подождите меня тут. Я за вами зайду, чтобы проводить вас к императору.

Минут через десять полковник Арриги вернулся к генералу Бейлю. Они поднялись по лестнице, на которой Бейль полюбовался красивыми перилами с золочеными пальмами, наверняка установленными Каролиной Мюрат. Выйдя на лестничную площадку, они пересекли первую гостиную, потом остановились у двустворчатой двери, охраняемой grenadierом.

– Это кабинет императора, – прошептал Арриги.

И они стали ждать.

Через некоторое время дверь открылась изнутри, оттуда вышел министр иностранных дел Коленкур с красной кожаной папкой подмышкой. Проходя мимо генерала Бейля, он пристально на него посмотрел, но так и не узнал. Арриги прошел вперед, остановился в дверном проеме и громко объявил:

– К вашему величеству – дивизионный генерал Франсуа Бейль!

Бейль зашел в кабинет и вытянулся. Наполеон стоял посреди комнаты, заложив руки за спину. Он, как всегда, был в своем зеленом мундире с орденом Почетного легиона, пристегнутым оборотной стороной наружу, в белых кожаных кавалерийских штанах и высоких черных сапогах с наколенниками. Голова немного наклонена, ко лбу прилипла прядь черных волос. Бейль подумал, что после их встречи в Москве он не сильно изменился: разве что немного потолстел, стал чуть бледнее, больше выпирал живот, обтянутый чересчур тесными штанами. Бейль поразился, что Наполеон, оказывается, такой маленький (он уже успел об этом забыть) и кажется еще меньше на фоне позолоченных деревянных украшений с их вытянутыми кверху линиями.

– Добрый день, генерал Бейль! Дай-ка мне руку, – сказал ему император. – А я думал, мы с тобой уже никогда не увидимся! Когда ты пришел посмотреть, как Великая армия отступает из Москвы, я сказал себе, что тебя и твоих людей русские, скорее всего, окружат и убьют. Вот потому-то я и не согласился дать тебе больше бойцов – потому что они бы наверняка погибли! Кутузов хотел меня догнать любой ценой. Он солгал, когда говорил царю о результате московского сражения, так что ему надо было уничтожить меня до того, как я покину Россию. Он собрал остатки своей армии – думаю, сто тридцать тысяч человек – да еще новобранцев, которых послали искать по деревням (их набралось столько же), и укрепился на юго-западе Московской области. Он ждал прибытия пополнения, двигавшегося с юга. Для него был дорог каждый день. Потому-то и сыграли решающую роль твои набеги, он никогда не знал, откуда их ждать. Пока ты находился в Смоленске с некой русской графиней...

Бейль не смог скрыть изумления.

– Не удивляйся, – улыбнулся император. – В армии все известно! «Наверняка Арриги рассказал, чертяка», – подумал Бейль.

– Пока ты оставался в Смоленске, – продолжал император, – мы смогли отступить в образцовом порядке и подготовить окончательное сражение при Вильне, где я заманил Кутузова в западню. Ты его задержал, когда он убежал! Сядь-ка поближе, – сказал император, расположившийся на длинном диване около украшенной гобеленом стены, и указал ему рукой на кресло.

– Я решил тебя вознаградить, в первую очередь присвоив тебе титул: я сделаю тебя герцогом Смоленским.

– Но, сир, я не желаю носить никаких титулов!

– Меня интересуют совсем не твои желания, – раздраженно ответил Наполеон, – а мои намерения! Смоленск – одна из последних побед Великой армии, и я хочу, чтобы ее имя сохранилось в нашей военной истории! У тебя есть сын?

– Нет, сир.

– Так поторопись его завести. Род не должен прерываться. Другая награда, на сей раз вполне обычная, касается твоей должности. Я велел Бертье поручить тебе реорганизацию гвардейской кавалерии.

– Позвольте мне вас прервать, сир. Зная ваши намерения, я позавчера побывал в Военной академии. Мне показалось, там еще не получили ваш приказ.

– Эти проволочки невыносимы! – воскликнул Наполеон, позволив в позолоченный бронзовый колокольчик, лежавший на маленьком столике. Вошел адъютант.

– Приведите ко мне секретаря, – сказал ему Наполеон. – Мне нужно продиктовать письмо. Я немного изменил мои планы, – продолжал он. – Теперь гвардейской кавалерией командует маршал Бессьер. Знаешь, это замечательный воин: 10 августа 1792 года он бросился защищать короля в Тюильри! Он был участником самых славных побед! Его нынешняя должность недостойна его заслуг: мне бы хотелось видеть его маршалом всей армейской кавалерии, учитывая опыт взаимодействия Мюрата и Понятовского, который меня не устроил. Правда, теперь это уже будет не под моей ответственностью! В таком случае ты взял бы на себя и теперешние обязанности Бессьера, и к тебе перешло бы его звание в гвардейской кавалерии! И не благодари меня! Я всего лишь следую моему правилу: «Место таланту!»

Вошел секретарь. Опустив голову, Наполеон стал прохаживаться по комнате, диктуя ему письмо.

– Уступи мне твое кресло, – сказал он Бейлю. – Я его подпишу, как дело пойдет скорее! – И взял в руки перо.

Потом Наполеон снова сел на диван и тем привычным движением, которое Франсуа Бейль замечал за ним в Москве, согнул одну из своих ног и поставил на диван.

– Вернувшись в Париж, – сказал он, – я заметил, что люди встревожены. Они не понимают причин моего отречения. Они, пожалуй, уже готовы обвинить меня в том, что я отказался исполнять мои обязанности! Думаю, ты уже понял по нашей последней кампании: нам больше нечего ожидать от военных успехов! Наши границы достаточно расширились. Нам не хватает другого – мирной Европы. Если я появлюсь снова, то уже на следующий год будет создана шестая коалиция, руководимая Пруссией, Россией, несмотря на ее слабость,

и, увы, Швецией! И все начнется заново. Мы, разумеется, выиграем битвы, но какие выгоды от этого приобретем? Французы боятся, что я больше не буду особенно заниматься их мелкими делами, но я для них многое сделал: я даровал им спокойствие и Гражданский кодекс, создал твердую валюту, построил или отремонтировал дома по всей стране, открыл новые школы. А остальное они теперь должны сделать сами! Мне предстояло решить трудный вопрос: выбрать императора-регента. Каролина хотела сделать им своего мужа, Луи и Жером хотели стать им сами! Единственный человек из моей семьи, кто мог бы для этого подойти, – мой старший брат Жозеф, однако он недостаточно энергичен. Я попробую сделать так, чтобы его выбрали председателем Охранительного сената. Так что естественнее всего было выбрать Евгения. Он же мой приемный сын! Он будет предан Римскому королю. Говорят, он слишком молод. Думаю, вы с ним ровесники...

– Я на год старше, сир, – прервал его Бейль.

– В его возрасте или в твоём возрасте я уже вел победоносные войны в Италии и выиграл битву при Маренго!

Теперь Наполеон говорил сам с собой. Встав с дивана, он снова стал прохаживаться по комнате:

– А еще мне говорят, что я мог бы восстановить республику или монархию. Что касается республики, то можно было убедиться, что французы неспособны ею управлять: слишком беспокойные, слишком порывистые, они признают только те законы, которые им выгодны, и, чтобы не чувствовать над собой ничьей власти, предпочитают выбирать людей заурядных! Что до монархии, то ее агония началась уже давно, в шестидесятых годах восемнадцатого века, когда взбунтовались члены парламента, которые, по сути, были всего лишь толстосумами, никого не представляли. И, самое главное, их не волновали интересы народа. Ни Людовик XV, ни Людовик XVI, неплохие, впрочем, короли, оказались неспособны поставить их на место. И эти два последних короля цеплялись за догмат о «божественном праве», потерявшем всякий смысл в эпоху Просвещения.

Франсуа Бейль поразился, слушая эту тираду. На лбу императора выступали капельки пота.

– Франции нужно совсем другое: ей нужна либеральная империя, более либеральная, чем та, которую я для нее создал. Империя, в которой народ не пользуется властью, потому что он на это неспособен, но в которой он имеет право быть выслушанным и никто не сможет лишить его слова. Именно этому меня научили греки, которых я читал.

Повернувшись к Бейлю, Наполеон посмотрел ему прямо в глаза:

– Именно такую империю я требую установить от моего пасынка. Надеюсь, ты не откажешься ему помочь!

Бейль, чувствуя себя подавленным потоком мыслей императора, рискнул задать последний вопрос:

– А как вы думаете, сир, что можно сделать, чтобы установить мир в Европе?

– Прежде всего, – ответил император, – нужно, чтобы правители привыкли спорить, а не воевать! Очевидно, что у них у всех – свои интересы: надо предоставить им место, где бы они могли поспорить, прежде чем обращаться к оружию.

– Но какое же место, сир? – с любопытством спросил Бейль.

– Собрание, конгресс, на который они все регулярно бы собирались и на котором сторонники мирных решений, благодаря своему численному преимуществу, побуждали бы любителей приключений к благоразумию!

– А не думаете ли вы, сир, что такому конгрессу будет нужен третейский судья и что играть эту роль предопределено вам?

– Пока я не хочу рассматривать такую возможность, хотя Талейран меня постоянно к этому подталкивает. Правда, может, он делает так исключительно для того, чтобы сорвать мой план! Пока заниматься этим было бы опрометчиво, хотя со временем этот план станет осуществимым, как знать...

– А что вы, сир, думаете предпринять в отношении России и Англии, ваших заклятых врагов?

– Это, Бейль, самое трудное, и я тебе отвечу в нескольких словах. Ни та, ни другая не являются европейскими державами. В России небольшое европейское пространство существует лишь вокруг Санкт-Петербурга, но этим все и исчерпывается! Что же касается Англии, то область ее владычества – море. Следовательно, именно там ее и нужно будет сокрушить, заключив морской союз с Испанией и независимыми колониями Америки. Я посоветую Евгению обзавестись отличным министром военно-морского флота и дать ему срок, от пяти до десяти лет, чтобы за это время вместе с испанцами построить флотилию в два раза более мощную, чем у англичан. Расположится же она на наших рейдах в Бресте и Тулоне, там она будет под защитой. А вскоре, но это между нами, я объявлю об отмене сухопутной блокады. От нее нам никакой пользы, и она настраивает против нас наших союзников! Кроме того, я возвращу трон королю Испании; тем самым мы оторвем ее от Англии. Ну как, я ответил на твой вопрос?

Наполеон снова сел на диван. Он замолчал, предаваясь своим размышлениям, а потом, после долгого молчания, добавил:

– Пока я буду жив, я буду всегда наготове, оставаясь в тени. Если Франции суждено возобновить прежние зверства или поддаться своим слабостям, то я ей не позволю погибнуть. Уж я-то смогу с этим справиться, но хочу, чтобы этого не случилось.

Франсуа Бейль понял, что аудиенция окончена. Император больше не смотрел в его сторону и был, судя по всему, погружен в свои мысли. Они оба одновременно встали. Наполеон протянул свою белую пухлую руку и сказал:

– Я был рад снова с вами встретиться, господин герцог Смоленский. Рассчитываю на ваше содействие. Надеюсь, вы будете помогать императору-регенту!

Полковник Арриги, слышавший за перегородкой лишь бормотание голосов, не понимая смысла слов, сразу же понял, что беседа подошла к концу. Он открыл дверь и вытянулся по стойке смирно.

Спускаясь по лестнице, генерал Бейль с изумлением почувствовал, что у него одеревенели ноги: так были напряжены его нервы во время встречи. В приемной первого этажа он знаком показал лейтенанту Вильнёву, чтобы тот следовал за ним, и пошел через двор, который на сей раз показался ему огромным. Дойдя до поста охраны, он приложил руку к своей шляпе, отдавая честь полковнику.

– Спасибо, Арриги, – сказал он ему. – Это было великое событие!

Бейль пересек парк Елисейских Полей, не замечая ни прохожих, ни лошадей. Он был подавлен тяжестью мыслей, которыми поделился с ним Наполеон, и находился под огромным влиянием его личности.

Глава XXIII ОСОБНЯК БОГАРНЕ

Генерал Бейль решил, что после его беседы с Наполеоном уместно нанести визит принцу Евгению де Богарне. Ему хотелось точнее узнать и о настоящем положении дел, и о практическом значении тех установок, которые дал ему император. Разговор, судя по всему, будет легким, поскольку они знали друг друга с детства. Разница в возрасте составляла всего год: Евгений был младше. Их матери дружили, и Элен Бейль останавливалась в доме семейства Богарне в провинции Орлеане, когда отправлялась со своими детьми в Овернь на летние каникулы. Евгений и Франсуа вместе брали свои первые уроки верховой езды.

После развода Жозефины с ее мужем, Александром де Богарне, а потом и казни последнего в годы Великого террора, их отношения охладели. Элен Бейль, стойкая сторонница традиций, осуждала непристойное участие своей подруги в увеселениях Барраса и мадам Тальен. Однако брак Жозефины с Бонапартом сблизил их снова, и Элен Бейль стала усердной посетительницей Мальмезона, куда часто привозила своего сына.

Он ее охотно сопровождал, потому что был тогда пылким поклонником креольской красоты Жозефины, одевавшейся, как требовала мода, с редкостным бесстыдством. Ему доставляло самое большое удовольствие смотреть на нее. И он чувствовал, как его охватывает сладострастная дрожь, когда она останавливала на нем свой томный взгляд или, прося его сходить за какой-нибудь нужной ей вещью, случайно касалась его руки.

Евгений привязался к Наполеону, ставшему его отчимом, а потом и приемным отцом, и следовал за ним всюду – и в Италию, и в Египет. Он женился на дочери Максимилиана Баварского, и Франсуа Бейль был одним из многочисленных свидетелей на их свадьбе.

Особняк Богарне, где жил Евгений, стоял на улице Лилль, на той же стороне, что и дом Бейля, – не более чем в сотне метров от него. Там-то принц и принял своего друга, через день после его беседы с Наполеоном.

Франсуа Бейль один вошел во двор, где так часто бывал. Маленький для такого большого дома, из-за ограниченности участка, на котором он строился, двор был полон солдат и лошадей, что неоспори-

мо свидетельствовало о близости власти. Франсуа поднялся по довольно крутой лестнице, обрамленной египетскими барельефами. Его встретил адъютант-неаполитанец в головном уборе с огромной кисточкой, провел через первую комнату с высокими библиотечными шкафами красного дерева, а потом открыл перед ним дверь гостиной, где его ожидал принц Евгений.

Они дружески обнялись и стали вспоминать о прежних встречах, когда они были сначала мальчишками, затем – подростками.

– Как я рад тебя видеть, Франсуа! Ты совсем не изменился, если не считать твоего отличного повышения, – воскликнул принц Евгений, трогая золоченые шнуры эпалет Бейля.

– Не смейся надо мной, Эжен! Ты изменился не больше, – сказал Бейль, разглядывая тугие кудри шевелюры принца и его белокурые, победно топорщившиеся усы. – Нет, ты совсем не изменился, даже если и стал императором!

– Не совсем, не спеши! – поправил его Евгений. – Всего лишь императором-регентом. Да и то меня им еще не сделали!

Адъютант-неаполитанец, вернувшись, прошептал ему на ухо несколько слов. Евгений недовольно махнул рукой:

– Попроси их подождать. Я еще долго буду занят и больше не хочу, чтобы меня беспокоили! – А потом, обратившись к Бейлю, сказал: – Кстати, это делегация сенаторов. Их привел граф де Ласепед, который хочет поговорить со мной о процедуре назначения. Это будет для меня хорошим началом. Но ты садись, Франсуа, так нам будет удобней.

Они расположились возле круглого стола, в креслах с прямой спинкой и подлокотниками, которые заканчивались, по последней моде, головами сфинксов, и принц Евгений заговорил:

– Я так же, как и ты, был изумлен решением императора. Я чувствовал, что он что-то замыслил, но никогда бы не подумал о его отречении. Он объявил мне о нем, когда я приехал в Париж, после того как мы с Неем обратили в бегство саксонских генералов-предателей. Единственное объяснение, которое он мне дал, сводилось к тому, что впредь он хочет посвятить себя установлению мира в Европе. Потом он заговорил со мной о регентстве. Он категорически отклонил кандидатуру Марии-Луизы, потому что она – дочь императора Австрии. Она должна посвятить себя воспитанию Римского короля. Оставались еще братья. Однако он явно не хотел, чтобы регентом стал Бонапарт. Почему? Может быть, боялся, что из-за этого он сам окажется в тени или что этот Бонапарт расчистит дорогу для собственных детей. Единственный, к кому он мог бы обратиться (так он мне сам сказал), – его брат Луи, муж моей сестры Гортензии. Но он рассчитывает назначить его на мое место, то есть сделать вице-королем

Италии. Потому и выбрал меня. Я возражал, говорил, что у меня мало опыта и, разумеется, авторитета. Но он мне ответил, что в моем возрасте уже был первым консулом, и на этом дискуссии пришлось прекратить. А еще он мне сказал, что может рассчитывать на мою абсолютную преданность его сыну. Похоже, это волнует его больше всего. Мы долго спорили о практических деталях. Прежде всего, о титулах: он предпочел бы именовать меня императором-регентом, а не просто регентом, чтобы подчеркнуть преемственность Империи. Он даже пошутил о моем несносном предшественнике – регенте Филиппе Орлеанском! Много мы спорили и о нем самом. Он настаивал на том, чтобы, не будучи императором, вернуть себе фамилию Бонапарт. Я подчеркивал, как важно ему сохранить свое положение среди европейских монархов. Мы договорились, что его будут титуловать «его императорское величество принц Наполеон Бонапарт».

– Длинновато, – заметил Бейль.

– Зато этим все сказано. Остается только утвердить это распоряжение в сенате и Государственном совете. Не думаю, что они станут чинить препятствия. Поразмыслив, император решил не обращаться к народу, хотя конституция и дает такую возможность.

– Почему же?

– Он мне сказал, что если результат референдума окажется слишком благоприятным, то он пожалеет о своем отречении, а если слишком неблагоприятным, то это ослабит мою власть. В обоих случаях результат будет негативным.

– Император намекнул мне на «либеральную империю». Ты знаешь, что он под этим подразумевал?

– Он и со мной о ней говорил. Он не хочет опять открывать дверь множеству болтунов и разносчиков дурных новостей, будоражащих народ. Однако он полагает, что времена меняются и впредь нужно будет предоставить гражданам больше возможностей выражать свое мнение.

– А ты знаешь, что для этого нужно сделать?

– Да. Прежде всего, дать избирательное право всем французам, независимо от их состоятельности. Затем – наделить сенат правом одобрять указы об объявлении войны. И пока это, пожалуй, все. Народу больше ничего и не надо. Но мне будет нужно хорошее правительство.

– У тебя есть какие-нибудь идеи?

– Кое-какие есть, но пока это тайна! Большинство министров императора я сохраняю. Иностранными делами будет по-прежнему заниматься Коленкур.

– Значит, ты не рассчитываешь на Талейрана? Он ведь наверняка рвется вернуть себе этот пост.

– Он накопил достаточно денег, чтобы купить замок в Валансе, где император поселил несчастного короля Испании. Вот пусть там и живет! Человек он ненадежный, ему можно доверять лишь как министру. Коленкур опытен и благоразумен. Военным министром я сделал бы нашего замечательного Дарю, а министром внутренних дел – Монталиве, который, пока мы прохладжались в России, отлично себя зарекомендовал. Если говорить о должности министра полиции, то Фуше уже собирает чемоданы, хочет бежать в Триест. На его место я выберу кого-нибудь из Государственного совета. Император говорил мне о проекте создания мощного франко-испанского флота, способного положить конец британскому морскому владычеству! Я ищу человека, который его осуществил бы. Ты можешь кого-нибудь порекомендовать?

Бейль, немного подумав, ответил:

– Мне кажется, ты мог бы обратиться к Лакюэ де Сессаку, министру военной администрации. Он постарался на славу, обеспечивая нас провиантом во время последних кампаний. И он, полагаю, человек знающий, способный заняться строительством современных кораблей.

– Спасибо за совет, – поблагодарил принц Евгений. – Я подумаю. Однако время идет, сенаторы вот-вот рассердятся, а мне бы еще хотелось поговорить о тебе. Я знаю, что император поручил тебе реорганизовать конную гвардию и собирался назначить тебя командующим кавалерией вместо великолепного герцога Истрийского, которого рассчитывает взять с собой во дворец Фонтенбло. Это, конечно, было бы полезно, но я думаю о других делах, более важных. Тот мир в Европе, о котором мечтает император, требует организовать военное дело по-другому. Полагаю, необходимо создать пять или шесть постоянных армий, которые обеспечат безопасность и стабильность в Европе. Одна армия будет Рейнской, главным образом франко-германской. Вторая – Итальянской, третья – Польско-литовской. Четвертую следует расположить около Гамбурга, чтобы наблюдала за Пруссией и Швецией. И пятая, которую из-за обидчивости Австрии будет восстановить труднее всего, – австрийская, или, скорее, австро-саксонская армия, которая должна сдерживать продвижение Пруссии к югу и вытеснять турок с Балкан. Для командования этими армиями у нас есть неподобные маршалы – Ней, Даву, Удино. Для австрийской армии можно порекомендовать Шварценберга: он вел себя осторожно, но сохранил верность Великой армии во время русской кампании. Однако нужно создать и резерв – тех людей, которые смогли бы их заменить. Потому-то я к тебе и обращаюсь. Когда ты выполнишь то, что тебе поручено сделать в кавалерии, то есть примерно через полтора года, я был бы рад, если бы ты возглавил Рейн-

скую армию. Она будет самой важной из пяти, преимущественно французской, и именно ей в конечном счете предстоит обеспечивать равновесие сил в Европе!

– Спасибо, Эжен, что помнишь обо мне, у тебя ведь наверняка и других забот хватает.

– О, да! Особенно меня тревожит здоровье матушки. Ты бы доставил ей удовольствие, если бы навестил ее в Мальмезоне. Подумай хорошенько над моим предложением. Твоя командная должность будет самой важной в Европе и достойной герцога!

– Не смейся надо мной! Об этом уже что-то говорили? Ты слышал?

– Император советовался со мной по этому поводу. Он уточнил, что это будет последнее назначение, которое он сделает, и я дал ему полезный совет. Однако прости меня, я вынужден прервать наш разговор, потому что если я его продолжу, то сенаторы потеряют терпение и, рассердившись, предпочтут мне короля Людовика! У нас еще будет случай вернуться ко всем этим вопросам. Прошу тебя, приходи ко мне, когда захочешь. Я с удовольствием выслушаю твои советы!

– Приходить к тебе, как и раньше? – спросил Франсуа.

– Как сейчас! – ответил Евгений.

Ожидавший у двери адъютант-неаполитанец проводил генерала Бейля до прихожей, где находилась делегация сенаторов: они ждали стоя, образуя группу, словно спянную раздражением. Бейль остановился поздороваться с председателем сената, графом де Ласепедом. Потом вышел во двор и пошел дорогой, которой уже столько раз возвращался к себе домой.

* * *

Охранительный сенат собрался в понедельник, 1 февраля 1813 года. Он утвердил акт об отречении императора Наполеона и подтвердил назначение принца Евгения де Богарне императором-регентом. Он принес присягу, поклявшись уважать и заставлять уважать Конституцию VIII года, с поправками сенатусконсульта X года, установившего во Франции консульскую республику, пожизненно управляемую императором, передающим свою власть по наследству. На этом заседании Наполеон не присутствовал. Зато Жозефина сидела в ложе, из которой могла наблюдать за интронизацией своего сына.

В последующие дни Франсуа Бейль действительно принял под свое начало гвардейскую кавалерию. Ее следовало приспособить к новым условиям: при правлении Наполеона, когда война постоянно казалась неотвратимой, гвардия должна была всегда быть готовой к бою. Однако теперь, когда Европа предпочла мир, необходимость в боеспособной гвардии отпала, так что генерал Бейль решил сокра-

тить число полков с четырех до двух. Один эскадрон он откомандировал в Фонтенбло для обеспечения безопасности императора. Бейль усовершенствовал снаряжение и боевую подготовку подразделений, следил, чтобы коннозаводчики заботились о качестве поставляемых лошадей.

Осенью 1813 года он свои задачи выполнил. Он стал преемником маршала Бессьера на посту командующего армейской кавалерией и получил звание маршала. Это была работа более рутинная, ближе к административному управлению, чем к военному командованию.

Все это время Бейль жил в Военной академии, на служебной квартире. Всякий раз, когда это можно было сделать без ущерба для его деятельности, он уходил к себе домой, в свою комнату на улице Лилль.

Его жизнь текла спокойно. По мере возможности он избегал светских собраний, которые устраивала его мать в своей гостиной. Время от времени сопровождал Анжелику на вечера и балы. Его военная форма производила сильное впечатление, и ему доставлял большое удовольствие восхищенный шепот, которым встречали его сестру, когда она входила в бальный зал с ним под руку.

Он регулярно навещал императора-регента, чей кабинет находился теперь в ближайшем к Сене крыле дворца Тюильри. В основном их беседы касались будущей организации армий в Европе.

15 марта император-регент сказал ему, что программа уже утверждена и опрос проведен. Он собирался приступить к назначению командующих пятью европейскими армиями и подтвердил, что, как и прежде, намерен поставить Бейля во главе Рейнской армии. Штабквартира этого мощного соединения численностью сто двадцать тысяч человек, восемьдесят тысяч из которых расквартированы во Франции, должна находиться близ Рейна, в Майнце. Генералу Бейлю надлежит прибыть туда 1 октября 1814 года. А до тех пор император-регент настоятельно советовал ему взять долгий отпуск, чтобы прийти в себя после тягот русской кампании и немного отдохнуть, прежде чем приступать к новой должности.

Франсуа Бейль решил провести весну и лето в своем поместье Ла-Тур в Провансе.

1814

Глава XXIV ПОМЕСТЬЕ ЛА-ТУР

Когда мать сообщила Франсуа Бейлю, что ему подарили имение Ла-Тур, ему сразу захотелось увидеть место, о котором шла речь.

В начале июня 1813 года Бейль в сопровождении Лоррена, который остался ему служить, сел в дилижанс на Монпелье и через шестнадцать дней прибыл в Авиньон. Там они купили лошадей и отправились в Экс-ан-Прованс, практически без вещей. Располагая отличными картами Генерального штаба, которые теперь перестали быть секретными, они поехали дорогой на Мерарг, а потом, через несколько километров, повернули направо. Местность была холмистой, дубовые и сосновые леса чередовались с виноградниками и оливковыми рощами. У въезда в усаженную платанами аллею они увидели деревянный щит, на котором значилось название поместья Ла-Тур. Надпись на щите потускнела, в его верхней части виднелись следы герба, сбитого, должно быть, во времена революции.

Бейль и Лоррен поскакали по аллее. Вдали залаяли собаки. За поворотом они увидели особняк или, скорее, усадьбу. Целый ансамбль зданий, сараев и конюшен, с крышами из римской черепицы окружал стоявший в некотором отдалении элегантный дом с решетчатой оградой.

Встревоженный лаем собак, во дворе появился одетый в черное человек среднего возраста. Открыв решетчатые ворота, он вышел им навстречу.

– Я – Пьер-Этьен, управляющий имением Ла-Тур, – сказал он певучим голосом, четко произнося звонкие согласные. – С кем имею честь разговаривать?

Франсуа Бейль, который был в штатском, ответил:

– С генералом Бейлем, приехавшим вступить во владение поместьем.

– Боже мой! Боже мой! – воскликнул управляющий, снимая шляпу и чуть не подметая ею землю. – Как я только мог сомневаться! Вы же племянник покойного господина маркиза!

– И наследник всего, что имеется в Ла-Туре. Я приехал осмотреть имение. Вы мне позволите его обойти?

Бейль спрыгнул на землю и передал поводья своей лошади Лоррену. Побив ногой об ногу, он выколотил пыль из сапог.

– Что вам угодно осмотреть, господин генерал, – виноградники или дом?

– И то, и другое! Однако для начала давайте пройдем на террасу.

Подъездная аллея вела не к середине дома, а к его боковому фасаду. Терраса находилась рядом, и вид с нее открывался великолепный: налево виднелись отроги горы Сен-Виктуар, а впереди – буйная зелень окрестностей Экса.

Обрамленная стенами лестница спускалась вниз, к винограднику, шпалеры тянулись вплоть до ровного ряда старых оливковых деревьев.

Не находя слов от восхищения, Франсуа вернулся обратно, чтобы осмотреть дом. Он не отличался большими размерами, но выглядел гармоничным, пропорциональным. Высокую входную дверь венчал треугольный фронтон с бережно сохранным гербом; с каждой стороны от нее находилось по окну с деревянными ставнями. Такое же расположение сохранялось на втором – и последнем – этаже. Тесную мансарду покрывала черепичная крыша. Все ставни были выкрашены в зеленый цвет, выцветший на солнце.

Генерал прошелся по комнатам первого этажа. В них было темно, но даже проникавшего сквозь щели слабого света хватало, чтобы подтвердить слова матери: комнаты изобиловали мебелью отменного качества. Ее явно подбирал человек со вкусом.

На вопросы Бейля управляющий ответил, что на втором этаже две жилых комнаты и четыре гостевых. Порядок поддерживает чета провансальских крестьян; жена занимается кухней. Бейль решил переночевать в доме и попросил открыть ставни.

Затем, спустившись по лестнице в сад, он обошел все имение. Управляющий ему объяснил, что здесь около сорока гектаров виноградников, тридцать гектаров засеяно зерновыми, чтобы кормить скот, а все остальное заросло кустами и лесом. Вино производится красное или розовое. Для местного употребления его разливают в бутылки, а на продажу – в бочки, которые посылают в Авиньон и Марсель.

Все это напоминало рай, о котором мечтал Франсуа Бейль. Он вернулся в дом и приступил к обеду, обильно одобренному оливковым маслом и приготовленному кухаркой Мадлен. Она и ее муж говорили по-провансальски. Закончив обедать, Бейль вышел на террасу и облокотился о балюстраду из зернистого камня. Небо усеяли сверкающие звезды, и гора Сен-Виктуар казалась огромным темным пятном. Слышался стрекот насекомых, пронзительно вскрикивали, отвечая друг другу, ночные птицы. Погода была приятной, ветерок приносил прохладу.

Франсуа долго наслаждался желанной благодатью, а потом отправился спать – в постель, застланную льняным бельем с вышитыми на нем коронами.

На следующий день он уехал в Экс, а потом отбыл из Авиньона на парижском дилижансе, твердо решив вернуться в имение следующей весной и прожить там как можно дольше.

* * *

Генерал Бейль, произведенный в армейские корпусные генералы, оставил командование армейской кавалерией, как и предусматривалось, в апреле 1814 года. Первого октября того же года он должен был, в принципе, обосноваться в Майнце, возглавляя Рейнскую армию в чине маршала.

Отъезд в Прованс пришлось отложить из-за известия о кончине императрицы Жозефины. В последний раз он навещал ее за месяц до этого. Получив сообщение от матери, он сразу же поехал в Мальмезон. Жозефина, обряженная в белое шелковое платье, лежала в своей комнате на кровати. Франсуа не осмелился подойти и посмотреть в лицо, освещенное двумя свечами, но увидел достаточно, чтобы убедиться, что креольская томность уступила место покою смерти. Его взволновала близость к безжизненному телу, напоминавшему ему о той, которая была и осталась для него прекрасной и обворожительной императрицей французов.

В комнату вошел император-регент и, сдерживая слезы, благословил тело веткой священного букса. Он увидел Франсуа Бейля, и они горячо обнялись. Выведя его из комнаты, принц Евгений сказал:

– Спасибо тебе, Франсуа, что так быстро приехал. Моя мать очень тебя любила. Она ужасно страдала из-за неприязни императора и была благодарна всем, кто, как и ты, изъявлял ей свою верность и привязанность. Она говорила мне, что ты ее навещал, и это ее трогало до глубины души. Она поручила мне передать тебе одну вещь на память о ней. Это небольшой портрет кисти художника Лефевра, на котором она изображена сияющей от счастья после своей коронации. Я тебя уверяю (хотя здесь говорить об этом неуместно), что на будущей неделе непременно объявлю о назначении пяти командующих европейскими армиями, в том числе и о твоём!

Они снова обнялись. На следующий день Франсуа Бейль отправился в Прованс – на сей раз в своем экипаже.

* * *

По приезде в Ла-Тур Бейль убедился, что в его отсутствие слуги постарались на славу: газоны подстрижены, дорожки аллея тщательно выровнены граблями. Все ставни в доме были открыты, и в окно видно было, как дворецкий Флоран выбивает пыль огромной перьевой метелкой.

Бейль привез с собой ординарца Лоррена и конюха Бонжана, чтобы тот занимался лошадьми. Они выгрузили вещи.

– Я пробуду здесь три месяца, – сказал Бейль управляющему. – Надо привести все в порядок.

Вместе они осмотрели шкафы в той комнате, которую он собирался занять, и в соседней гардеробной. Бейль приказал Флорану тщательно отделить штатскую одежду от военной и отложить в сторону его кавалерийскую форму.

Он велел занести в гостиную сундук с его книгами, что дало ему случай ознакомиться с расположением комнат нижнего этажа. Прямоугольная прихожая прорезала весь дом. Ее пол был выложен большими терракотовыми плитками бледно-оранжевого цвета, стены были покрыты лепниной – судя по всему, работы итальянских ремесленников прошлого века. Струйка воды непрерывно текла в стоящую у стены чашу фонтана в форме раковины морского гребешка – наверняка для того, чтобы освежать воздух летом. Слева от прихожей располагались столовая и кабинет, справа – гостиная и библиотека. Каждая из этих комнат занимала один из углов дома.

Бейль задержался в библиотеке. Одно из двух ее окон выходило на подъездную аллею, из другого открывался вид на лесистый холм за домом. Стены были сплошь уставлены полками с книгами, переплетенными в рыжеватую кожу.

Бейль пробежал глазами по названиям на корешках и обнаружил неизменных Бюффона, Лафонтена и Расина вместе с переводами Вергилия, но также, к своему изумлению, сочинения Дидро и Вольтера и великолепное полное собрание «Энциклопедии» в красном переплете. «Может, мой отец недооценивал умственные способности и любознательность своего свояка Лаффара?» – подумал Франсуа.

Посреди комнаты стояли кресло и большой письменный стол с покрытием из темной кожи. «Вот сюда, – решил Бейль, – я перенесу мои папки с бумагами и письменные принадлежности»: он планировал употребить три предстоящих месяца на мемуары о событиях русской кампании. Он собирался писать не труд, предназначенный для публикации, но как можно более точный отчет непосредственно-го свидетеля, который мог бы быть полезен для будущих историков.

Затем он перешел в гостиную, сообщавшуюся с библиотекой двустворчатой дверью. В этом помещении маркиз де Лаффар собрал свои сокровища: невероятное количество стульев – должно быть, с клеймами прославленных краснодеревщиков; три комода красного дерева времен Людовика XVI; величественные каминные часы, декорированные провансальским мрамором; коллекцию выставленных в витринах тарелок и фарфоровых вещей, изготовленных в мастерских Апта, Мутье и Марсея. «Должно быть, именно здесь, – подумал Бейль, – старый хозяин принимал аристократов Экса».

Это воспоминание заставило его подумать об отношениях с соседями. Сам он не хотел ничего, кроме покоя, однако стремился не давать поводов обвинить себя в пренебрежительном поведении. Некоторые обитатели соседних имений уже оставили у него свои визитные карточки. Он сделал то же самое, встретился с ними и с удовольствием обнаружил, что здешнее общество хоть и довольно обывательское, но открытое и радушное, уважает ум. Конечно, оно не было расположено к Наполеону, однако из осторожности эти люди не распространялись о своих надеждах на восстановление монархии.

Так и протекала жизнь Франсуа Бейля: по утрам он писал мемуары, которые его бесконечно увлекали, а после полудня, немного отдохнув, прогуливался, делая вид, что интересуется работами в имении, или катался на лошади по окрестным холмам, временами принимая у себя соседей.

В город он ездил редко, разве что по воскресеньям в Экс-ан-Прованс, чтобы побывать на богослужении в соборе.

Он, как ему казалось, был счастлив и жил в мире с самим собой.

* * *

Однажды утром, около одиннадцати, когда Бейль, склонившись над своими мемуарами, вспоминал, как странно располагались части императорской гвардии во время московской битвы, он увидел в конце аллеи облако пыли, поднятой конным экипажем.

В это время обычно его никто не навещал. Из своего кабинета он следил взглядом за приближением экипажа. Это была большая карета, запряженная четверкой белых лошадей. На двух кучерах красовались высокие и лохматые ворсистые шапки. Закрытые окошки не позволяли разглядеть, кто сидит внутри. Бейлю показалось, что там несколько пассажиров. В прихожей раздалось шарканье башмаков Флорана, который бросился открывать дверь. Послышался гул голосов.

Флоран вошел в библиотеку.

– К вам посетители, – сказал он. – Это дамы, иностранки, они просят, чтобы вы их приняли. Они говорят по-французски, но с таким забавным акцентом! – Он и сам произнес слово «акцент» с акцентом, гнусава на последнем слоге.

– Можешь провести их в гостиную, я сейчас приду.

Франсуа немного подождал и, услышав, как по полу гостиной двигают стулья, открыл дверь из библиотеки и вошел.

Он увидел трех молодых женщин в дорожной одежде; одна из них была совсем юной. Самая старшая стояла спиной и смотрела в окно, в сад. Она повернулась, и Франсуа Бейль узнал Кристину Калиницкую.

В глубине его души давно теплилась надежда, что она его навесит, но он запрещал себе ждать, и вот она теперь перед ним, протягивает ему руку.

– Добрый день, Франсуа, – сказала она. – Надеюсь, мы вас не беспокоили, но мне не удалось предупредить вас заранее. Я привезла с собой мою дочь Ольгу. Вы ее знаете, хотя за эти полтора года она сильно выросла. С ней ее французская гувернантка, мадемуазель Бошан.

Ольга сделала реверанс. Она и впрямь сильно выросла и очень походила на мать. «Пожалуй, в ней больше русского, – подумал Франсуа, – маленькие веснушки около носа, пухлые щеки, из-за которых почти не видно глаз». Он заметил, что на лице у нее слева точно такая же ямочка, как у ее матери.

Франсуа поцеловал Ольгу, пожал руку молодой улыбчивой гувернантке-француженке и позвал Флорана.

– Вы со мной не пообедаете? Доставьте мне такое удовольствие, – обратился он к Кристине.

– К сожалению, это невозможно! Человек, у которого мы остановились в Эксе, ждет нас к обеду. Но мы можем еще немного здесь побыть.

– В таком случае Флоран покажет этим барышням имение и, самое главное, наших лошадей породы камаргу. А тем временем, если вы не против, вы мне расскажете, как сюда добрались.

Франсуа провел Кристину в библиотеку, где они оба сели на большой диван с подушками, на котором он привык спать после обеда. Он хотел взять ее за руку, но затем, передумав, спросил:

– Что же привело вас в наши края? Это же для вас так далеко!

– О, это целая история, – ответила Кристина, положив на диван ноги, скрытые длинной черной юбкой. – Мне пришлось провести много месяцев в Варшаве, прежде чем я хоть немного успокоилась. А потом, в начале прошлой весны, я отправилась в Петербург. Туда мы плыли на корабле по Балтийскому морю, потому что ехать по суше было невозможно из-за мародеров и дезертиров. Я намеревалась вступить во владение домом моего отца, он совсем рядом с Михайловским замком. Мне также хотелось узнать, подойдет ли для Ольги Смольный институт для девиц из благородных семей. К сожалению, Ольге в России совсем не нравится. Ей страшно там жить после тех ужасов, которые она видела в Смоленске. Чтобы она изменила мнение, я решила попутешествовать с ней по Европе. В Гамбурге мы сошли на берег, оттуда в экипаже добрались до Парижа. Ольга его обожает и жаждет поступить в тамошний пансион. На это ее настраивает и французская гувернантка.

– Вы собираетесь продолжать путешествие по Европе? – осведомился Франсуа. – А почему заехали сюда? – Немного поколебавшись, он спросил прямо: – Вы хотели меня увидеть?

Кристина, улыбнувшись, откинулась на подушки.

– Да, мы собираемся еще поездить по Европе. Наша ближайшая остановка – в Ницце, где у крестной матери Ольги есть дом на берегу моря. Потом отправимся в Венецию, а оттуда в Вену, которую я хочу показать дочери. К тому же у меня там много друзей. А затем вернемся в Варшаву. Попытаюсь ответить и на второй ваш вопрос, но это будет для меня труднее.

Она взяла Франсуа за руку и стала играть его пальцами.

– Увидев вас в Варшаве полтора года назад, я вам сказала, что чувствую себя неважно и очень устала от поездки. Моя мать сказала то же самое. Но это была неправда!

Прежде чем заговорить снова, Кристина немного подождала. Она внимательно следила за Франсуа, пытаясь понять, не догадывается ли он о чем-нибудь. По всей видимости, нет, хотя он слушал ее очень внимательно.

– Но это была неправда, – повторила она. – А правда в том, что я ждала ребенка и только я одна могла его спасти. По приезде в Варшаву я посоветовалась с врачом. Он-то и сообщил мне эту новость. Я спрашивала себя, следует ли мне вас предупредить, однако вы приехали так ненадолго, что я решила этого не делать. Мне стало тяжело еще по пути из Вильны в Варшаву. Но это было только начало. Меня тошнило, приходилось себя сдерживать...

Франсуа был поражен. Ему стало стыдно за то, что он не представлял себе возможных последствий их отношений для Кристины.

– Я ничего не сказала матери, – продолжала она. – Она бы меня прокляла. Я очень боялась того, что должно было произойти: ведь рождение Ольги далось мне так тяжело! Я посоветовалась с врачом, и он подтвердил, что я беременна. Я ждала в ужасе, и через три месяца случилось несчастье: я потеряла ребенка... – Голос Кристины дрогнул, и она судорожно сжала руку Франсуа. – Я была в страшном горе. Не знала, стоит ли вам об этом сообщать, и сказала себе, что расскажу, если мне представится случай вас увидеть. Отправиться в эту поездку я решила чуть позже. Я думала, вы в Париже, но не знала вашего адреса. Мне помог капитан Залиский. Он служил под вашим началом, а сейчас он – полковник генерального штаба короля Понятовского. Он узнал, что осенью вы приедете в Майнц, где вступите в новую командную должность, а до тех пор будете жить в Провансе, в имении, название и местоположение которого он мне указал. И вот я здесь! Думаю, теперь я вам все сказала.

Бейль видел, что рассказ дался ей нелегко: лицо ее побледнело, черты заострились. Обессилов, она все еще лежала на диване. Франсуа не знал, как реагировать. Что бы он ни сказал, все это будет так мелко по сравнению с тем, что она сообщила.

Его растерянности положила конец сама Кристина.

– Не пытайтесь мне ответить, – сказала она. – Могу себе представить, что значит для вас эта новость, но к ней уже больше нечего добавить. Моя печаль понемногу рассеивается. Вы бы ничего не смогли для меня сделать, но я, рассказав вам все, чувствую, что у меня камень с души свалился!

В саду за открытым окном слышались голоса. Воздух был таким чистым, что добавлял к ним хрустальный звон, отдававшийся эхом в пространстве.

– Это Ольга возвращается с прогулки, – снова заговорила Кристина. – Разумеется, она ничего не знает.

Девочка с гувернанткой вошли в гостиную. Следом за ними плелся Флоран, вспотевший от ходьбы.

– Какое чудесное место! – с восторгом сказала Ольга матери. – Лошади великолепны и отлично вымуштрованы! Вам стоило бы прогуляться с генералом!

– К сожалению, нам надо ехать, иначе мы опоздаем в Экс, – ответила Кристина.

Франсуа надеялся что-нибудь придумать, чтобы продлить встречу. И ему показалось, что он нашел хороший повод.

– Раз уж вам срочно надо ехать, – сказал он, – то вы могли бы вернуться к нам завтра. Предлагаю после обеда покататься на лошади, как советует Ольга. Поужинаем на террасе, вы переночуете в гостевой комнате на втором этаже. Это позволит вам ехать в Ниццу прямо, а не через Экс. Мой ординарец, которого вы знаете, устроит на ночлег ваших кучеров и позаботится о лошадях.

Графиня Калиницкая, похоже, задумалась.

– Если хотите, Флоран покажет вам комнату, которая подошла бы для вас и для Ольги. Тогда и решите, что делать дальше.

Франсуа помог Кристине подняться с дивана, и она вышла из комнаты в сопровождении Флорана и гувернантки. Было слышно, как они поднимаются по лестнице. Генерал остался в кабинете наедине с Ольгой.

– Вы должны мне помочь, – попросила девочка. – Мама не знает, в какой пансион меня лучше отдать – в петербургский или в парижский. Я бы, конечно, предпочла Париж! Мне придется проучиться в пансионе три года, и я даже представить себе не могу, как я проведу их в России! Мама объяснила, что меня вряд ли примут в школу при ордене Почетного легиона, потому что мой отец был русским офице-

ром, убитым в сражении с французами. Может, вы могли бы это уладить? И еще об одной вещи мне хотелось бы вас попросить – чтобы вы уделяли больше внимания моей матери. Я знаю, она вами бесконечно восхищается.

Над ними послышался скрип половиц под ногами ходивших наверху людей.

– Она ждала от вас новостей. Я видела, как она спрашивала, нет ли писем из Франции. Вы наверняка доставили бы ей удовольствие, если бы написали.

Бейль вырвал листок из лежавшего на его столе блокнота.

– Представь себе, Ольга, я сам не знаю, на какой адрес в Варшаве ей писать! Не будешь ли ты добра написать его на этом листке? Сядь в мое кресло.

Ольга взяла гусяное перо, обмакнула в чернильницу и начала старательно выписывать буквы. Кристина спустилась по лестнице и вошла в комнату. Ее лицо снова разругалось.

– Комнаты очень хороши, – сказала она. – Гораздо лучше тех, где я устроила вас в Смоленске! Я принимаю ваше приглашение. Мы вернемся завтра, сразу после полудня, и я с удовольствием с вами прогуляюсь, если у вас есть дамское седло. А теперь, – продолжала она, взяв дочь за руку, – извините нас, что мы уезжаем так скоро, но мне не хотелось бы слишком опаздывать на обед в Эксе!

Три дамы сели в экипаж, кучер несколько раз стегнул длинным хлыстом по крупам передних лошадей, и колеса экипажа пришли в движение.

Франсуа Бейль вернулся в свой кабинет и смотрел в окно, как карета удаляется от него по аллее, обсаженной подстриженными платанами, оставляя за собой двойной шлейф серой пыли.

* * *

Все следующее утро Бейль готовился к приему дам, которых ждал после полудня.

Лоррен, с изумлением узнавший графиню Калиницкую, отправился в соседнее имение, чтобы позаимствовать там дамское седло, а потом они с Бонжаном старательно вычистили лошадей – темно-рыжую для генерала и серую в яблоках кобылу, на которой будет кататься графиня.

Тем временем Бейль проверил состояние двух гостевых комнат. Они представляли собой анфиладу, занимавшую одну из сторон галереи второго этажа, над гостиной и кабинетом. В одну из комнат он велел поставить две кровати – для Ольги и ее гувернантки, в другую приказал Мадлен принести самое тонкое постельное белье, какое только есть в доме. Его удивляло, что маркиз де Лаффар так изысканно

оставил мебелью комнаты, где никто никогда не жил. Наверняка это объяснялось его страстью коллекционера. А потом Бейль стал ждать.

Экипаж с гостями прибыл около четырех часов. Графиня Калиницкая была одета в костюм для верховой езды по французской моде: длинная синяя суконная юбка с черной каймой, белая блузка и черный приталенный жакет с бархатным воротничком, на ногах сапожки, на золотистых волосах треуголка с загнутыми краями. Лоррен и Бонжан под уздцы привели лошадей. Кристина села боком на свою кобылку, погладила ее по шее, и всадники тронулись в путь в направлении горы Сен-Виктуар.

Они миновали величавый замок Вовенарг и поехали по обрывистой дороге, натягивая вожжи. Наклонив морды вперед, лошади резво несли их в гору. Наконец, они подъехали к первым домам деревни Пюилубье. Вокруг раскинулся великолепный пейзаж, вдали на горизонте мерцало море. Кристина хотела подняться дальше в гору, но Франсуа решил, что им стоит повернуть назад. Обрато они ехали медленнее; лошади спотыкались, упираясь передними ногами, из-под их копыт катились камешки.

После Вовенарга они пустили лошадей рысью. Встречавшиеся по пути немногочисленные крестьяне здоровались с ними, приподнимая шапки, и долго провожали взглядом элегантную и стройную фигуру Кристины.

В пути говорили мало; Крестину заморозил вид холмов и лесов. Вернувшись в Ла-Тур, она ушла, чтобы привести себя в порядок, в свою комнату, где был уже разобран ее чемодан.

Флоран накрыл ужин на террасе: зажег фонари, поставил на стол свечи в пузатых стеклянных колбах. Веял ветерок, нежный, как ласка. Кристина села спиной к стене, лицом к саду и винограднику, Франсуа устроился рядом с ней, Ольга и ее гувернантка, прогулявшиеся пешком по лесу, заняли места напротив. Мадлен во всей красе показала свои кулинарные таланты, отдавая предпочтение провансальским продуктам: помидорам, оливкам, ягнлятине. Лоррен пришел проверить, как прислуживает за столом Флоран, и стал разливать напитки. Красное вино виноградников Экса, его холмов, Кристина предпочла розовому. Наступала ночь, отчетливо слышалось журчание воды, струившейся в фонтан во дворе.

Отъезд в Ниццу был назначен на восемь утра, и, поскольку конная прогулка по горам оказалась утомительной, Кристина пожелала отправиться спать. Гости и хозяин поднялись по лестнице и в прихожей второго этажа разбились на пары. Франсуа поцеловал Ольгу и проводил Крестину до двери ее комнаты. Собираясь пожелать ей спокойной ночи, он заметил, что она уже не так печальна, как прежде. Она улыбалась.

Он склонился к ее руке, и его губы почувствовали шелковистость ее кожи. Немного помедлив, они поднялись выше, к запястью.

Кристина смотрела на него, ничего не говоря, потом открыла дверь и вошла в комнату.

– Оставьте окно открытым, – посоветовал ей Франсуа. – Утром услышите, как поют цикады.

* * *

В половине восьмого подготовка к отъезду была уже в самом разгаре. Карета, запряженная четверкой лошадей, ждала перед входом. Один из кучеров, вооруженный деревянным молотком, постукивал им по осям экипажа, проверяя, в каком они состоянии. Мадлен пришла в комнату графини, чтобы уложить ее одежду.

Франсуа ушел к себе в кабинет, дожидаясь, когда выйдут дамы. Он хорошо выспался и с восторгом вспоминал красоты тех дивных пейзажей, которые они видели во время прогулки. Его мысли по-прежнему занимал рассказ Кристины. Где-то в груди, около сердца, он чувствовал тяжесть которая никак не исчезала, хотя со временем, наверное, сойдет на нет.

Услышав легкий шум, он встрепенулся. Это тихонько постукивала в дверь Кристина, прося разрешения войти. Бейль поднялся открыть ей дверь.

Она надела светло-серый дорожный костюм из легкой ткани, предназначенный для путешествия не по снегам, а по теплым странам, волосы уложила в высокий узел.

– Можно войти? – спросила она. – Мне нужно кое-что вам сказать перед отъездом.

– Разумеется, – ответил Франсуа. – Я и сам хотел вас повидать.

– Надеюсь, мой рассказ не слишком вас опечалил. У меня не было такой цели. Мне хотелось лишь сообщить вам кое-что, имеющее к вам отношение. Хотя, может, это служило для меня еще и предлогом приехать сюда, что снова увидеть вас...

– Нет, вы меня не опечалили, но показали меня в таком свете, что я сам себе противен. Во-первых, я презираю себя за неспособность понять, представить то, о чем вы пытались мне сказать в Варшаве. И, во-вторых, за мое слишком легкомысленное отсутствие в следующие месяцы. Хотелось бы мне, чтобы вы могли меня простить!

– Не говорите так, Франсуа; я совсем не то хотела вам сказать! Нас связывают... – она помедлила, подыскивая слова, – некие узы. Но это называется не прощением, а памятью.

Ее лицо прояснилось, почти засияло. Франсуа сказал себе, что в эти дни в Провансе в какой-то мере рассеялся густой туман, который до сих пор окутывал происшедшее в Смоленске.

Сидевшая перед ним Кристина взяла его руки в свои и, лукаво взглянув на него, сказала:

– Мне придется смутить вас еще раз, Франсуа. Можете думать, что это мои причуды! Помните, как я возле моего дома в Смоленске спрашивала вас, могу ли я присоединиться к вашему обозу? И вы покорно согласились?

Франсуа кивнул.

– Вот и теперь, – продолжала она, – речь пойдет о том же, только по другому поводу. Я слышала, с первого октября вы будете жить в Майнце. Скажите, а можно мне провести с вами рождественские и новогодние праздники?

Франсуа почувствовал, как на него с новой силой нахлынули те чувства и неукротимые желания, которые он старательно сдерживал, пока Кристина гостила у него.

– Конечно, Кристина, – ответил он. – Конечно же! Я буду ждать вас на Рождество и на Новый год! Однако на сей раз, – добавил Бейль, – не говорите о моей покорности!

– Обещаю, – нежно промолвила она.

* * *

Путешественницы собрались в прихожей, где их ждали Флоран и Мадлен в рабочей одежде. За происходящим наблюдал управляющий Этьен. Ольга и ее гувернантка прощались; на улице кучера, вскарабкавшись по лесенкам экипажа, рассаживались по местам, надевая шапки.

Выйдя из дома, Кристина подошла к коляске. Француженка-гувернантка села первой, следом за ней – Ольга. Пока они устраивались, Кристина держалась в стороне, давая Франсуа возможность подойти к ней.

– Мне надо вам задать последний вопрос, – прошептала она ему на ухо. – Вы еще помните, что я вам сказала, когда мы расставались в Борисове?

– Я мог бы повторить вам это слово в слово!

– Не делайте этого! – потребовала Кристина. – Вы заставите меня краснеть! Однако не забывайте сказанного: оно всегда останется в силе.

Она приподняла свою длинную юбку и впорхнула в качнущуюся на рессорах карету, которой предстояло держать путь в Ниццу, Венецию, Вену и Варшаву.

1815

Глава XXV СТРАСБУРГ. КОНГРЕСС ПО УСТАНОВЛЕНИЮ МИРА В ЕВРОПЕ

Дата первого заседания Конгресса по установлению мира в Европе – как, за неимением лучшего, его согласились окрестить после бесконечных споров, по примеру недавно созданных Соединенных Штатов Америки, – была назначена на 15 августа 1815 года. Здесь постарался Коленкур, потому что этот день совпадал с сорок шестой годовщиной со дня рождения Наполеона. Не случайно было выбрано и место проведения конгресса: Страсбург стоял близ такой великой европейской реки, как Рейн.

При подготовке конгресса пришлось столкнуться с трудностями, целый год поглощавшими все силы министра иностранных дел императора-регента. К счастью, ему активно помогал блистательный министр иностранных дел Австрии, князь Меттерних.

Первая трудность заключалась в том, чтобы определить состав участников конгресса. В конце концов, переговорщики согласились предоставить по три места представителям великих империй: Австрии, Франции и Испании, по два – королевствам Европы: Саксонии, Пруссии, Польше, Швеции, Голландии, Неаполю, Баварии и Вюртембергу, по одному месту – княжествам, готовым объединиться заново.

О своем участии заявили все правители. Наиболее нерешительным оказался король Пруссии Фридрих-Вильгельм III, все еще уязвленный суровым военным уроком, который преподала ему французская армия под командованием Мюрата, Даву и Удино, но, в конце концов, уступил и он.

В качестве «почетных наблюдателей» были приглашены российский император и король Англии. Коленкур и Меттерних тщательно проработали условия: их представители смогут присутствовать на обсуждениях и принимать в них участие, но будут отстранены от подготовки и принятия решений. Александр ответил любезным письмом, сообщив, что в качестве его представителя придет его брат, великий князь Константин. Ответ от Англии еще не пришел, но все полагали, что он наверняка будет отрицательным.

Главный вопрос, поставленный перед конгрессом, касался «способа уменьшить опасность возникновения войны в Европе». Ответом на него стало бы сокращение численности личного состава европейских армий, который не должен превышать определенного уровня. Необходимо было установить и предельную численность солдат каждой из пяти великих европейских армий, а также предельный максимальный, уста-

новленный законом срок военной службы по призыву. Предполагалось сократить его до полутора лет.

Судя по всему, согласия можно было достичь, противилась лишь Пруссия, отвечая решительным отказом. Она аргументировала свой отказ наличием на ее границах трех европейских армий – польской, австро-саксонской и северогерманской. Коленкур, Меттерних и премьер-министр Испании согласовали текст предупреждения, в котором с максимальной ясностью указывалось, что «соблюдение государственных границ и норм предельной численности войск, установленных мирным конгрессом, распространяется на все европейские государства, и в случае необходимости к выполнению этих правил, по решению конгресса, можно принудить силой».

Труднее всего было определить будущее конгресса. Пришли к соглашению, что его заседания должны быть регулярными и со временем он станет «конгрессом суверенных государств Европы». Для этого будет необходим координатор. Коленкур, при решительной поддержке Меттерниха, итальянцев и Понятовского, в конце концов добился признания, что на первых порах эту функцию должен выполнять прежний император французов, принц Наполеон Бонапарт. Ему следовало присвоить какое-нибудь звание. «Президент» или «консул», по мнению Меттерниха и немецких князей, имели чересчур республиканский привкус. Предпочтительнее – канцлер или архиканцлер Европы.

* * *

Безопасность конгресса, по решению устроителей, надлежало обеспечивать Рейнской армии под командованием маршала Франсуа Бейля. Эта задача была, скорее, теоретической, поскольку военной угрозы непосредственно конгрессу не существовало.

Бейль обосновался в Майнце с Кристиной Калиницкой, на которой женился в начале года. Венчание прошло в тесном семейном кругу, в барочной часовне замка в Брюле. В качестве свидетелей Бейль пригласил лейтенанта Вильнёва и ординарца Лоррена, а Кристина – капитана Залиского, произведенного в полковники, и свою кузину Суваровскую. Так и получилось, что свидетельницей на их свадьбе стала сама русская кампания!

Благодаря замужеству Кристина получила титул герцогини Смоленской, вызывавший у нее улыбку. Она пользовалась им только на официальных церемониях.

Супруги поселились за городом, в охотничьем домике, построенном курфюрстом в пятидесятых годах восемнадцатого века. Домик находился в парке и был окружен лесом, по которому Кристина могла гулять или кататься на лошади. Франсуа Бейль каждый день ездил в Майнц, где выполнял свои обязанности командующего во дворце губернатора. Он отказывался от всех приглашений на ужин, чтобы по вечерам, возвращаясь к Кристине, предаваться вместе с ней нежной и страстной любви. Примерно в середине мая она, сияя от счастья, сообщила ему,

что ждет ребенка. Если родится мальчик, решили они, его назовут Франсуа-Наполеоном, а если девочка, то Марией-Кристиной, в память о Богородице Смоленской.

Ольга осталась в Париже, где ее благодаря ходатайству императора-регента приняли в школу при ордене Почетного легиона. Поскольку она была дочерью русского офицера, правитель, принимая такое решение, подавал сигнал, символизирующий новое состояние мира в Европе. В сопровождении гувернантки Ольга приехала в дилижансе в Майнц на каникулы.

Все они с нетерпением ожидали восхитительного момента, когда можно будет вернуться в Прованс.

* * *

Программа первого дня работы конгресса была очень насыщенной. Открывался он в десять утра мессой в кафедральном соборе Страсбурга в присутствии католических правителей, в том числе императора-регента Франции, императора Австрии, королей Испании и Польско-Литовского королевства. Одновременно планировалась протестантская служба в церкви Святого Фомы, где покоилось тело маршала Саксонского, на которой, в числе прочих, будут присутствовать король Саксонии, недовольный король Пруссии и король Швеции.

Потом все монархи и представители отправятся во дворец Рогана, где состоится первое заседание конгресса. Начнется оно в полдень, речью Гёте. По слухам, он собирался говорить о «культуре и мире в Европе». Затем состоится обед, и после него участники приступят к обсуждениям.

Наполеон решил провести утро в префектуре Нижнего Рейна, где он и жил: там он примет представителей от Эльзаса, а потом отправится во дворец Рогана, чтобы послушать Гёте. В пути его будет сопровождать маршал, командующий Рейнской армией.

Франсуа Бейль, заночевавший во дворце военного губернатора Страсбурга, встал в пять утра, чтобы проверить, как выполняются распоряжения. В сопровождении немногочисленной охраны он домчался галопом к мосту через Рейн. Охранявшие мост офицеры вюртембергского полка отдали ему честь. Маршал Бейль поговорил с полковником, наказал ему тщательно следить за исполнением протокола для монархов, не задевая их самолюбия. Затем он поехал обратно в город.

Он решил разместить вдоль улиц военных, представляющих различные части Рейнской армии, примерно в такой пропорции: две трети французов и одна треть немцев. Все мундиры были починены, штыки блестели на солнце, сиявшем на совершенно ясном ярко-синем небе. Толпа начала заполнять площади. Бейль отдал приказ привести сюда оркестры всех полков Рейнской армии: им велели играть марши до десяти утра, временно прекратить музыку на время богослужений и снова начать играть с четверти двенадцатого.

Маршал предполагал, что в полдень от Вильны до Лиссабона одновременно зазвонят колокола и звонницы всех церквей, соборов и молитвенных зданий Европы.

К префектуре Бейль направлялся не спеша, потому что у него было время в запасе. У подъезда ждала коляска Наполеона: большой открытый экипаж, запряженный шестеркой лошадей, с двумя кучерами впереди и двумя лакеями на запятках. Дверь открылась, из особняка вышел Наполеон в сопровождении маршала Бессьера, нового начальника его военного штата. Следом за Наполеоном шел префект в парадной форме, в шляпе с белыми перьями.

Наполеон больше не носил форму конного егеря и был одет в серый сюртук и белые кюлоты, на ногах – уже не сапоги, а черные туфли с чулками. Поднявшись в экипаж, он занял место справа, сделав маршалу Бейлю знак подойти и сесть слева. Взвод французских драгун поместился перед экипажем, отряд баварских улан – позади. Рядом с дверцами, по обе стороны экипажа, расположились два конника: маршал Бессьер подле Наполеона, полковник Арриги – подле Бейля. Они дружески кивнули друг другу, и Франсуа подумал, что жизнь полна странных совпадений.

Как только кортеж выехал на площадь, его встретила буря восторга. Огромная толпа людей гремела радостными возгласами «Да здравствует император!» и «Es lebe der Kaiser!» по-немецки: так кричали жители Бадена, бесконечными рядами переходившие по мосту через Рейн. Экипаж обогнул здание префектуры, проехал по набережной к мосту Святого Гийома, по которому пересек реку Иль, и продолжил путь по набережной Лодочников.

Тротуары заполняла густая толпа, оттесняемая к стенам и парапетам набережной. Люди, притиснутые друг к другу так, что им не хватало воздуха, не могли шевельнуться – разве что махать руками над головой. На женщинах красовались традиционные эльзасские наряды с длинными красными юбками и большими черными бантами на волосах, на мужчинах – черные штаны, расшитые жилеты и круглые шляпы. Детей, находившихся в первых рядах, тоже одели в традиционные костюмы, только маленькие.

Шум стоял оглушительный. Временами слышался металлический грохот оркестра, игравшего на площади Сент-Этьен.

Охрану порядка обеспечивали два полка Рейнской армии. Солдаты выстроились вдоль тротуаров лицом друг к другу. С одной стороны – французские вольтижеры в темно-синих мундирах и белых португезах, переkreшивающихся на животе, в белых гетрах и черных кожаных киверах, украшенных красными султанами. С другой стороны – вестфальские пехотинцы в серых мундирах с зелеными обшлагами и странных головных уборах в форме митры. Возложенные на них задачи они выполняли спустя рукава, ограничиваясь лишь тем, что слегка отталкивали прикладами зевак, пытавшихся выскочить на проезжую часть.

Когда мимо французских офицеров проезжал экипаж с Наполеоном, они салютовали своему прежнему императору шпагами.

Бейль разобрал среди шума очень своеобразные звуки, которые ему уже доводилось слышать во время парижских шествий. Они раздавались на двух уровнях, и приходилось прислушиваться то к одному, то к другому. У земли – непрерывный шорох, гул голосов и пронзительных криков, образующих своего рода звуковой ковер, растянутый вдоль всего пути следования. А наверху, под небом, – оглушительный вопль, поднимающийся, парящий, как птица, и заполняющий пространство над крышами. В таком шуме трудно было что-то расслышать.

Наполеон наклонился к уху Бейля:

– Я рад, что ты меня сопровождаешь, маршал Бейль. Всякий раз, когда я тебя вижу, ты оказываешься в новом чине!

– Так это же вы, сир, мне их присваиваете!

– Это верно, – согласился Наполеон. – Кстати, как дела у герцогини Смоленской? Мне говорили, что она очень красива. Засвидетельствуй ей, пожалуйста, мое почтение и скажи, что императрица будет рада с ней встретиться!

– Она осталась в Майнце, – ответил Бейль, в свою очередь наклоняясь к уху Наполеона. – Здесь, на площади, ее нет. Я передам ей ваше желание, ей будет очень приятно.

Наполеон немного помолчал, надеясь, что громкий шум немного утихнет.

– Коленкур постарался, – сказал он, – чтобы этот конгресс назначил меня канцлером Европы. Мой тесть и Меттерних ему помогли. Я на это соглашусь, однако те, кто воображает, будто я разовью бурную деятельность, сильно ошибаются! Миру требуется куда меньше вмешательства, чем войне!

Наполеон продолжал свой монолог, который Бейль едва мог расслышать: так силен еще был шум.

– Я не особенно опасуюсь за мир. Если говорить о России, то, как ты знаешь, наша дружба с Александром проверена опытом, хотя он меня и разочаровал. Я бы ему советовал обратиться на восток и расширять территорию России в Центральной Азии, практически до Индии. Я сознательно привнес в его страну начатки свободы, но она причинит ему немало забот! Что касается Англии, то нужно будет подождать, когда у нас, наконец, появится большой франко-испанский флот! Евгений выбрал для его постройки Лакюэ де Сессака, и это, мне кажется, отличный выбор...

Бейль ухмыльнулся про себя.

– Однако повторюсь, это потребует времени, – добавил Наполеон. – В свое время Кольбер был прав, когда хотел, чтобы Франция стала морской державой. Я ее пытался такой сделать, но, видимо, недостаточно. Единственная реальная опасность может исходить от Пруссии, если ей удастся пробудить германский патриотизм. Она постарается расширить свою территорию. Вот почему нужно будет поддерживать тесный

союз Франции, Австрии и Польши и без колебаний на нее нападать, как только она попробует нарушить мир!

Кортеж начал совершать трудный поворот по узкому мосту, который вел ко дворцу Рогана и был полностью очищен от публики. Впереди, на площади перед собором, собралась толпа, становившаяся еще плотнее у высокого фасада собора из розового камня. Люди казались радостными, махали трехцветными флажками. На балконах висели гирлянды бумажных цветов.

Наполеон с удовлетворением оглядел публику и обернулся к Бейлю.

– Я, конечно, не так умею устанавливать мир, как вести войну, – сказал он, – но уже начинаю думать, что мир лучше войны!

Коляска въехала во двор перед дворцом, охраняемым конными гренадерами. Вокруг теснились экипажи представителей, кареты императоров и королей выстроились в ряд у правого крыла дворца. Среди них была странная маленькая коляска с опущенным верхом, защищенная с боков валиками из желтой ткани. Она стояла впереди остальных.

– Наверное, это коляска Гёте! – воскликнул Наполеон. – Пойду с ним поздороваюсь.

Гёте и впрямь собирался пересечь выложенный плитками двор в направлении главного подъезда. На нем было длинное пальто цвета яичной скорлупы, с большим вырезом у шеи, повязанной белым галстуком. Из-за коротких ног эта одежда делала его фигуру похожей на цилиндр. Подмышкой Гёте нес папку – наверняка с рукописью его эпохальной речи о «культуре и мире в Европе».

Выйдя из экипажа, Наполеон пошел ему навстречу. Гёте подождал его на крыльце у подъезда, где они обменялись несколькими словами. Гёте постарался встать на ступеньку ниже той, которую занимал Наполеон, чтобы не было заметно, что они разного роста. Поговорив с Наполеоном, он вошел во дворец.

Наполеон поманил к себе Франсуа Бейля, державшегося поодаль.

– Подойди, подойди, маршал Бейль, – приказал он. – Мне надо с тобой поговорить!

Бейль поразился: обстановка оказалась удивительно похожей на ту, в которой он видел императора на Соборной площади в Москве три года назад. Как и тогда, Наполеон стоял наверху высокой лестницы с многочисленными ступенями, в углу между двумя стенами. Как и тогда, он обращался к нему, к нему одному, и с теми же самыми словами.

– Вот видишь, я был прав, – произнес Наполеон вполголоса, – когда сказал, что нужно уходить сейчас!

Его слова заглушил звон всех колоколов Европы – необыкновенный звон, который был слышен везде: в городах и селах, на площадях и во дворах, в хижинах и во дворцах, на лесных полянах и речных берегах... Этот звон заставлял прервать работу и ремесленников в мастерских, и крестьян на полях, и те, кто его слышал, не могли его забыть: они предчувствовали, что он возвещает начало новой эпохи.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
1812	
Глава I. Москва, четверг, 17 сентября	15
Глава II. Москва, пятница, 18 сентября.....	24
Глава III. Парад на Красной площади.....	31
Глава IV. Выступление Великой армии, понедельник, 21 сентября	37
Глава V. Один в Москве, 24–27 сентября	41
Глава VI. Прощание с городом	52
Глава VII. Смоленская дорога	54
Глава VIII. Неделя в Смоленске	64
Глава IX. Графиня Калиницкая.....	76
Глава X. Убийство майора де Флао.....	90
Глава XI. Прощай, Смоленск!	100
Глава XII. Через Катынский лес	105
Глава XIII. Большая равнина.....	111
Глава XIV. Отдых в Борисове, 22 октября.....	114
Глава XV. Русская битва, 29 октября.....	119
Глава XVI. Вильна, 31 октября – 4 ноября	130
Глава XVII. Первый снег	138
Глава XVIII. Польско-Литовское королевство	145
Глава XIX. Веймар и декларация о мире в Европе.....	156
Глава XX. Отречение Наполеона.....	168
Глава XXI. Проездом через Лотарингию	172
1813	
Глава XXII. Улица Лилль и Военная академия	181
Глава XXIII. Особняк Богарне.....	195
1814	
Глава XXIV. Поместье Ла-Тур	203
1815	
Глава XXV. Страсбург. Конгресс по установлению мира в Европе	217

Научно-популярное издание

Эпоха 1812 года

Жискар д'Эстен Валери

ПОБЕДА ВЕЛИКОЙ АРМИИ

Перевод с французского языка
*Антоня Юрьевича Петрова, Петра Сергеевича Бавина,
Ольги Рашистовны Щелоковой*

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*
Редактор *Л. Ю. Пантина*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Е. Д. Щепалова*
Компьютерная верстка *А. Ю. Титова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 25.03.2015.
Формат 60х90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 14.
Тираж 1000 экз. Заказ 506

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Роши, д. 40, стр. 1
Тел.: 8(499) 685-15-75 (общий, факс), 8(499)709-72-95 (отдел реализации)

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Валери Жискар д'Эстен родился 2 февраля 1926 года в Кобленце. Учился в Париже в лицее Жансон-де-Сайи, затем в лицее Людовика Великого. В 18 лет вступил в ряды 1-й армии Франции и принял участие в боевых действиях на территории Франции и Германии (1944–1945). Награжден Военным крестом. Сдав вступительные экзамены и отучившись сначала в Высшей политехнической школе, а затем в Национальной школе администрации, в 1952 году поступил на службу в Генеральную финансовую инспекцию.

В 1962–1966 годах занимал пост министра финансов и экономических дел в правительствах М. Дебре и Ж. Помпиду. В 1969–1974 годы отвечал за экономическое развитие в правительствах Ж. Шабан-Дельмаса и П. Мессмера.

19 мая 1974 года, в возрасте 48 лет, избран президентом Французской Республики. За время своего президентства принял активное участие в реализации ряда важных международных проектов, включая образование Европейского союза, введение общенародных выборов в Европейский парламент, создание Европейской валютной системы и регулярное проведение мировых саммитов глав государств и правительств.

С 17 декабря 1952 года Валери Жискар д'Эстен женат на Анне-Эймон де Брант, у них четверо детей (Валери-Анна, Анри, Луи и Жасинт).

О Х А

**ЕЛЬЦИН
ЦЕНТР**

Библио-Глобус
Москва, ул. Мясницкая, 6/3, стр. 1 Тел: (495) 781-19-00
<http://www.biblio-globus.ru> 628-35-67
624-46-80

КТК:
0380

Жискар д'Эстен Победа Вел
Цена: 369,00